

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ

И

ЕГО ПРОТИВНИКИ

ВЪ ДѢЛѢ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВРЕМЯ ПАТРИАРШЕСТВА ІОСИФА.

Н. Вантерева.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

Slav 830.17.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHBALD CARY COOLIDGE
26 OCT. 1925

L

Из № 1, 2, 4 и 12 Православнаго Обозрѣнія за 1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Время патріаршества Іосифа.

Стр.

ГЛАВА I. Характеръ отношеній къ кievлянамъ и кievской литературѣ при патріархѣ Іосифѣ.

Подозрительныя отношенія патріарха Филарета Никитича къ кievлянамъ и ихъ литературнымъ произведеніямъ. — Измѣненіе въ характерѣ этихъ отношеній при преемникѣ Филарета патріархѣ Іоасафѣ. — Время патріаршества Іосифа было временемъ усиленнаго вліянія кievской литературы ученыхъ кievлянъ. — Кириллова книга, ея происхожденіе и составъ. — Книга о Вѣрѣ и другія южно-русскія произведенія, напечатанныя въ Москвѣ при Іосифѣ. — Вызовъ въ Москву при Іосифѣ ученыхъ кievлянъ: Арсенія Сатаповскаго, Дамаскина Птицкаго, Епифанія Славонцакаго. . . . . 3—22

ГЛАВА II. Характеръ отношеній къ греческой вселенской церкви при патріархѣ Іосифѣ.

Отношеніе русскихъ къ грекамъ послѣ флорентійской унии и паденія Константинополя. — Крайнія воззрѣнія нѣкоторыхъ русскихъ на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное благочестіе, и значеніе въ этомъ отношеніи постановленій Стоглаваго собора. — Церковно-правительственный взглядъ на грековъ какъ на православныхъ, но только неудержавшихъ во всемъ древняго церковнаго чина и обряда. — Напечатанныя при Іосифѣ книги признають грековъ *во всемъ* строго православными. — Самъ патріархъ Іосифъ не только признаетъ строго-православною греческую церковь, но и ея высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. . . . 23—41

ГЛАВА III. Книжныя исправленія при патриархѣ Іосифѣ.

Испорченность нашихъ церковныхъ книгъ и необходимость ихъ исправленія издавна признавалась нашею церковію, на это постоянно указывали и разные книжные справщики.—Во время патриарха Іосифа книжные справщики открыто и настойчиво заявляютъ о необходимости исправлять наши книги по греческому тексту и самую книжную справу поручать людямъ научно-образованнымъ.—При патриархѣ Іосифѣ уже дѣлаются попытки исправить нѣкоторыя наши книги по греческому тексту ..... 42—49

ГЛАВА IV. О книжныхъ справщикахъ при патриархѣ Іосифѣ и происхожденіи двуперстія.

Несправедливость того мнѣнія, что книжными справщиками при патриархѣ Іосифѣ были Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе расколотчики, или что въ ихъ рукахъ находилось по крайней мѣрѣ высшее руководство книжною справою.—Господствующею и преобладающею формою перстосложенія въ московской Руси было двуперстіе, тоже самое было и въ кievской Руси до Петра Могилы.—Двуперстіе существовало у сербовъ, существовало въ извѣстное время, какъ господствующій обычай, и въ самой константинопольской церкви, которая и передала его русскимъ при ихъ обращеніи въ христіанство.—Какъ слѣдуетъ съ исторической точки зрѣнія и въ интересахъ православія рѣшать вопросъ о формѣ перстосложенія въ крестномъ знаменіи..... 50—91

ГЛАВА V. О попыткахъ при патриархѣ Іосифѣ устроить въ Москвѣ школу съ помощію ученыхъ грековъ и кievлянъ.

Во время патриарха Іосифа сказывается особая заботливость относительно распространенія у насъ просвѣщенія, является сознаніе необходимости для русскихъ правильнаго научнаго образованія.—Какъ слѣдствіе этого сознанія, при Іосифѣ являются дѣятельныя попытки образовать въ Москвѣ правильно устроенную школу, для которой стараются подыскать учителей въ кievской Руси и на востокѣ..... 92—101

ГЛАВА VI Кружекъ ревнителѣй благочестія, образованнѣйшійся въ Москвѣ во вторую половину патриаршества Іосифа.

Царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ. — Его вліаніе на царя и характеръ этого вліанія. — Его заботы о насажденіи на Руси истиннаго благочестія и объ уничтоженіи различныхъ церковныхъ безпорядковъ. — Образование Стефаномъ въ Москвѣ кружка ревнителѣй благочестія. — Іоаннъ Нероновъ, главный помощникъ Стефана въ Москвѣ. — Предшествующая дѣятельность Неронова какъ ревнителя благочестія и его московская дѣятельность. — Характеръ другихъ ревнителѣй благочестія. — Задачи и цѣли кружка ревнителѣй благочестія: борьба съ пороками, недостатками и суевѣріями въ жизни народа, борьба съ различными недостатками въ жизни и дѣятельности тогдашняго благаго и чернаго духовенства, борьба противъ многогласія въ церковномъ чтеніи и пѣніи. — Заботы кружка ревнителѣй о возстановленіи на Руси совѣтъ — было забытаго церковнаго учительства. — Различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ между ревнителями столичными и провинціальными и необходимость вслѣдствіе этого раздѣленія между ними. — Особенности въ воззрѣніяхъ провинціальныхъ ревнителѣй: ихъ особый взглядъ на русскую церковь и русское благочестіе вообще, ихъ взглядъ на сравнительное достоинство русскихъ церковныхъ книгъ и печатныхъ греческихъ, ихъ особое отношеніе къ ученымъ грекамъ и кіевлянамъ. Враждебное отношеніе ревнителѣй къ патриарху Іосифу и ихъ борьба съ нимъ. — Общія заключительныя замѣчанія о времени патриаршества Іосифа по отношенію къ времени Никона. 502—161

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

№ 1.

Челобитная патриарха Іосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексѣю Михайловичу съ жалобой на царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, что Стефанъ публично поносилъ бранными словами его, патриарха Іосифа, и весь освященный соборъ . . . . . 162—166

№ 2.

Челобитная неизвѣстнаго патріарху Іосифу съ просьбою
предпринять мѣры противъ разныхъ укоротившихся церков-
ныхъ безпорядковъ, которые подробно указаны въ самой
челобитной..... 166—170

№ 3.

Челобитная старца [Григорія] иконописца 1651 года царю
Алексѣю Михайловичу съ просьбою исправить различные
порокн, недостатки и суевѣрія, особенно процвѣтавшіе среди
духовенства и народа въ г. Вязьмѣ..... 171—173

№ 4.

Грамота царя Михаила Осодоровича къ суздальскому и то-
русскому архіепископу Іосифу съ обличеніемъ различныхъ
преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ
лишается архіепископскаго сана и ссылается на покаяніе
въ Соловецкій монастырь..... 173—175

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
22	4	поселяются	поселившись
30	18 сверху	въ концѣ	съ конца
43	10 снизу	ея	ся
66	13 сверху	овѣръ овѣръ	о вѣръ
68	11 —	появляются	появятся
—	10 снизу	и аеониты	аеониты
70	13 сверху	одунадесяти	о дванадесяти
76	11 —	простѣе	правѣе
80	19 —	Рованомъ	Романомъ
87	20 снизу	и сего	сего
90	2 сверху	исторію	исторіи
95	16 —	иже	лжи
—	15 снизу	гордожець	гордоусецъ
96	3 сверху	изрядное	изряднѣе
98	16 —	въ 1663	съ 1653
107	16 —	ими	имъ
116	2 снизу	въ Москвѣ	въ Лысковѣ
122	12 —	съ безстрастіемъ	съ безстрапіемъ
126	4 сверху	постригается	постригаются
128	6 снизу	Обличая господствую щіе	съ красной строки
137	7 сверху	появлялись	появлялись ревпители
138	7 —	или	ему
139	5 снизу	просто	про то
144	1 сверху	кругъ	особый кругъ
147	2 —	современнымъ	совершеннымъ
—	11 снизу	Рима	Руси
148	15 —	уже	иже
154	20 —	новыхъ въ митрополиты	овыхъ въ митрополиты
—	9 —	природныя ли	природныя ли
—	5 —	какъ	како
167	10 —	Симъ	Симъ
169	13 —	ни	на
—	12 —	съ молитвы	въ молитвы
172	13 —	жива	жила

Значеніе Никона, какъ реформатора, можетъ быть правильно понято и оцѣнено подѣ тѣмъ только необходимымъ условіемъ, если будетъ установленъ правильный взглядъ на время, непосредственно предшествовавшее Никону, т.-е. на время патріаршества Іосифа. Это сдѣлать тѣмъ болѣе необходимо, что о времени патріарха Іосифа и его отношеніи къ времени Никона существуютъ очень неправильныя представленія, которыя мѣшаютъ безпристрастной оцѣнкѣ реформаторской дѣятельности самого Никона ¹⁾).

Въ виду такого положенія дѣлъ мы позволяемъ себѣ нѣсколько долѣе остановиться на времени патріарха Іосифа, чтобы уяснить тѣ событія изъ этого времени, которыя находились въ не-

---

¹⁾ Въ послѣднее время о патріархѣ Никонѣ появились капитальныя изслѣдованія: митрополита Макарія--обширный XII томъ его «Исторіи русской церкви» и Гиббенета «Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никова» въ двухъ томахъ. Цѣнность послѣдняго изслѣдованія заключается по преимуществу въ обширныхъ приложеніяхъ, состоящихъ изъ документовъ по дѣлу Никона, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ государственнаго архива и ранѣе нигдѣ ненапечатанныхъ въ ихъ цѣломъ видѣ. Появленіе указанныхъ капитальныхъ изслѣдованій о Никонѣ, какъ намъ кажется, не исключаетъ нужды новыхъ изслѣдованій по этому предмету. Намъ казалось, что вопросъ о Никонѣ реформаторѣ и ея противникахъ не только не исчерпанъ окончательно въ указанныхъ сочиненіяхъ, но даже допускаетъ нѣсколько иную его постановку, иное освѣщеніе и рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и споровъ и для своего окончательнаго уясненія еще требуетъ новыхъ предварительныхъ изысканій, предварительной разработки многихъ частныхъ вопросовъ. Показать это на дѣлѣ и есть цѣль нашего изслѣдованія. Оно однако вовсе не претендуетъ на полное и окончательное рѣшеніе взятаго вопроса, а имѣетъ въ виду только поставить самый вопросъ и по мѣрѣ силъ облегчить и подготовить путь будущему историку для окончательнаго рѣшенія вопроса о Никонѣ въ связи съ возникновеніемъ у насъ раскола.

посредственной органической связи со всею дѣятельностію Никона и благодаря которымъ Іосифъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Никона не только по времени, но и по характеру своей дѣятельности, такъ что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, является только продолжателемъ Іосифа.

Время патріаршества Іосифа характеризуется слѣдующими выдающимися явленіями въ тогдашней церковной жизни: а) сближеніемъ Московской Руси съ Кіевскою и усиленнымъ вліяніемъ у насъ кіевской литературы и ученыхъ кіевлянъ; б) сближеніемъ съ греками и признаніемъ авторитета греческой церкви въ церковныхъ русскихъ дѣлахъ; в) сознаниемъ неисправности древнихъ переводовъ нашихъ церковныхъ книгъ и сознаниемъ необходимости ихъ исправленія съ греческихъ подлинниковъ людьми, получившими правильное научное образованіе; д) сознаниемъ несостоятельности стараго московскаго образованія и необходимости завести въ Москвѣ правильную школу съ помощію греческихъ и южно-русскихъ ученыхъ; е) стремленіемъ уничтожить различные господствовавшіе въ то время церковные безпорядки и возвысить всю вообще религіозно-нравственную жизнь народа.

Г Л А В А I.

На соборъ 1620 года патріархъ Филаретъ Никитичъ говорилъ: „егда быхъ въ польскомъ и литовскомъ государствѣ, многая въ нихъ видѣ несогласія церковная, въ самѣхъ тѣхъ христіанехъ, яже суть бѣлорусцы въ нихъ нарицаются, и нарицаются убо христіане, а правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и инѣхъ святыхъ отецъ преданія, мнози въ нихъ не соблюдаютъ; и во единомъ убо долгу у нихъ у отца съ дѣтьми, и у мужа съ женою, и у господина съ рабы, вѣры три или четыре: и овъ держитъ въ нихъ вѣру христіанскую, инъ же папешскую, и инъ люторскую, и инъ же кальвинскую, и инъ же новокрещенскую, инъ же сасскую, и инъ аріанскую. И вкупѣ убо на единой трапезѣ ядятъ, и пѣютъ и бракомъ совокупаются, а инѣи вкупѣ и молитву творять. Мнози же изъ нихъ и за папу изверженнаго Бога молятъ во святѣй литургіи въ приношеніи, и во ектеніяхъ и литіяхъ; инѣи же терпятъ бѣды и напасти правды ради нашея христіанскія вѣры и непреклонни пребываютъ въ папино ученіе“. Въ виду такого положенія дѣлъ, патріархъ предлагаетъ собору рѣшить, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ бѣлоруссамъ, которые пожелають перейти на житье въ московское государство и сдѣлаться здѣсь истинными христіанами? Соборъ подъ руководствомъ патріарха рѣшилъ дѣло такимъ образомъ: всѣхъ бѣлоруссовъ, хотя бы и православныхъ, но крещенныхъ чрезъ обливаніе, слѣдуетъ крестить вновь, въ три погруженія, и если они не миропомазаны, то миропомазать; бѣлоруссовъ, крещенныхъ уніатскимъ священникомъ, перекрещивать вновь; кре-

щенныхъ православно и миропомазанныхъ, кто такимъ признаеть себя самъ, хотя бы на это и не имѣлось свидѣтелей, не крестить вновь и не миропомазывать, а заставлятъ ихъ поститься недѣлю, и если они на исповѣди подтвердятъ духовнику прежнее заявленіе о своемъ православіи, то считать ихъ съ архіерейскаго разрѣшенія такими же православными, какъ и москвичи; тѣхъ, которые крещены были чрезъ обливаніе и причащались въ костелахъ, или, хотя бы и не причащались, не только крестить вновь въ три погруженія, но и заставлятъ проклинать латинскую ересь, именъ же ихъ не перемѣнять, не говорить и младенческаго отрицанія; тѣхъ же, которые были въ иной вѣрѣ и крещены потомъ уніатскимъ русскимъ священникомъ, не только крестить вновь, но они должны еще при крещеніи произносить отрицанія и латинское, и еретическое, и младенческое ²⁾).

Соборныя постановленія 1620 года о бѣлоруссахъ, вызванныя главнымъ образомъ Филаретомъ Никитичемъ, строго приводились въ исполненіе во все время его патріаршества. Когда въ 1630 году прибылъ въ Москву для вѣчнаго житія въ ней бывший уніатскій архіепископъ Аеиногенъ, то въ Москвѣ его окрестили вновь, несмотря на его архіепископскій санъ ³⁾. Что же касается бѣруссовъ православныхъ, крещенныхъ въ три погруженія, то ихъ, согласно соборному постановленію во все время патріаршества Филарета отдавали въ Москвѣ подъ начало въ какой-либо монастырь, прежде чѣмъ окончательно принять ихъ въ среду православныхъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1626 года въ Москву для вѣчнаго житія прибыло девять старцевъ изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря.

Старцы были приняты въ Москвѣ, но „по указу великаго государя, святѣйшаго патріарха тѣ старцы даны съ государева патріаршаго двора *для исправленія вѣры подъ начало по монастыремъ*“. Такъ же поступаютъ въ томъ же году съ двумя старцами Межигорскаго монастыря и съ другими старцами въ 1630,

---

²⁾ Дѣянія собора 1620 г. напечатаны въ Потребникахъ мірскомъ и иноческомъ 1639 года при патріархѣ Іоасафѣ.

³⁾ Ист. рус. церкви, Макарія, т. XI, стр. 33—34.

1631, 1632 годах ⁴⁾). Что собственно значило быть подъ началомъ и въ чемъ заключалось подначальство, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1632 году въ Москву вѣхали на государево имя два инока изъ Литвы и одинъ инокъ грекъ. Старцамъ киевлянамъ патріархъ велѣлъ помѣститься на подворьѣ подлѣ Богоявленскаго монастыря „и приходити имъ къ церкви, говорить патріаршій наказъ, въ Богоявленскій монастырь, а въ церковь ихъ не пущать, а пѣнія слушать въ трапезѣ, или въ папертѣ, а святыни имъ никакіе не давать и крестомъ воздвизательнымъ не благословлять и ко образомъ не прикладыватися; а буде изъ нихъ который изнеможетъ и о томъ извѣститъ и доложить государя патріарха, а жить на подворьи до сырныя недѣли, а на сырной недѣлѣ, въ послѣдній день въ недѣлю, прититъ на патріарховъ дворъ подъ начало⁵⁾. Любопытно при этомъ, что относительно старца грека, явившагося на житье въ Москву вѣсть съ старцами изъ Литвы и тоже отданнаго подъ начало, инструкция дается патріархомъ значительно иная. Именно, старцу греку, какъ и литовскимъ выходцамъ, велѣно было жить также на подворьи у Богоявленскаго монастыря, „а въ церковь его, говорить наказъ, пущать и отъ попа воздвизательнымъ крестомъ на молебнахъ благословлятися и ко образомъ прикладыватися, а на сырной недѣлѣ въ послѣдній день въ недѣлю, послѣ обѣда, быть на патріаршемъ дворѣ“ ⁶⁾). Очевидно, что отношенія патріарха Филарета къ православнымъ южно-руссамъ были болѣе подозрительны и суровы, чѣмъ къ православнымъ грекамъ.

Не только сами выходцы изъ южной Россіи, но и книги литовской печати встрѣчали въ Москвѣ, при Филаретѣ Никитичѣ, большое недовѣріе и даже, наконецъ, открытое преслѣдованіе со стороны московскаго правительства. Въ 1626 году прибылъ въ Москву извѣстный южно-русскій протопопъ Лаврентій Зизаній. Онъ привезъ съ собою книгу Катихизисъ, которую и просилъ напечатать въ Москвѣ. Патріархъ назначилъ богоявленскому игумену Ильѣ и книжному справщику Григорію Онисимову раз-

⁴⁾ Малороссійскія дѣла (въ Главномъ Московскомъ Архивѣ мин. иностранныхъ дѣлъ) 1626 г. №№ 4 и 8. 1630 г. № 3. 1631 г. № 3 и др.

⁵⁾ Греческія дѣла 7134 г. №№ 18 и 19 (въ томъ же архивѣ).

смотреть и исправить привезенную Лаврентіемъ книгу, которая потомъ, послѣ произведенныхъ въ ней исправленій и была напечатана въ Москвѣ. Но эта книга, такъ-называемый большой Катехизисъ (въ отличіе отъ малаго, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1649 году), не имѣла выходнаго листа, а это показываетъ, что Фидаретъ Никитичъ, несмотря на всѣ московскія исправленія, все-таки смотрѣлъ на книгу южно-русскаго сочинителя очень подозрительно и потому не рѣшился пустить ея въ обращеніе въ московской Руси⁶⁾. Другой случай окончательно вооружилъ Филарета Никитича противъ всѣхъ вообще южно-русскихъ книгъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Въ 1627 году прибылъ въ Москву извѣстный Кирилль Транквилионъ Ставровецкій и привезъ съ собою свое сочиненіе „Учительное Евангеліе“, чтобы напечатать его въ Москвѣ. Но игумень переяславскаго Никитскаго монастыря Аѳанасій Китайчикъ, самъ кіевлянинъ, заявилъ патріарху, что Учительное Евангеліе Транквилиона уже осуждено въ Кіевѣ соборомъ архипастырей за содержащіяся въ немъ многія ереси. По приказанію царя и патріарха розысканіемъ и указаніемъ ересей, заключающихся въ Учительномъ Евангеліи Транквилиона, занялись: упомянутый игумень Аѳанасій, богоявленскій игумень Илья и ключарь успенскаго собора Иванъ Насѣдка. Придирчивая до излишества критика дѣйствительно счумѣла отыскать въ книгѣ много ересей⁷⁾, вслѣдствіе чего орудіемъ грамотою царя и патріарха приказывалось повсюду сожигать Учительное Евангеліе Транквилиона, вмѣстѣ со всѣми другими сочиненіями этого автора, хотя ихъ въ Москвѣ и не разсматривали. Но на уничтоженіи только книгъ Транквилиона, какъ подозрительныхъ, уже не остановились, а перенесли подозрѣнія на всѣ вообще литовскія книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Вмѣстѣ съ приказомъ повсюду отбирать и жечь книги Транквилиона, давался еще и другой приказъ, чтобы „впередъ никто никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ

---

⁶⁾ Пренія Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Іліею и Онисимовымъ по поводу исправленія Катехизиса Зизанія напечатаны обществомъ древне-русской письменности. Спб. 1876 г. XVII. О пребываніи Зизанія въ Москвѣ см. «Русская историческая бібліотека» т. IX, стр. 439—457.

⁷⁾ См. объ этомъ: Оп. рукоп. Моск. Синод. библ. Отд. 11, 3, № 294.

(книгъ) не покупали, а кто нынѣ такія книги литовскія печати Клярцлова слогу у себя утаитъ или кто впередь учнетъ *литовскія книги какія-нибудь покупать*, а сыщется то послѣ мимо ихъ, и тѣмъ людямъ отъ насъ быти въ великомъ градскомъ наказаніи, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и всея Русіи быти въ великомъ духовномъ наказаніи и въ проклятїи⁴. Въ 1628 году состоялся новый указъ царя и патріарха: велѣно было описать и отобрать тоѣ всѣхъ церквей и монастырей книги церковныя литовской печати и замѣнить ихъ книгами печати московской,—точно также и у частныхъ лицъ повелѣвалось описать и отобрать всѣ печатныя и рукописныя литовскія книги⁵).

Указанныя подозрительныя и очень суровыя отношенія къ южно-руссамъ и къ ихъ книгамъ, практиковавшіяся при Филаретѣ Никитичѣ, должны были, повидимому, окончательно разобщить южную Русь отъ сѣверной и прекратить всякій доступъ вліянію южно-русской учености на московскую Русь. Въ дѣйствительности однако этого не случилось, да и не могло случиться⁶). Съ одной стороны самый ходъ тогдашнихъ церковныхъ и политическихъ событій въ южной Руси невольно заставлялъ ее искать тѣснаго сближенія съ Москвою, чтобы найти въ ней опору и защиту отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдова-

---

⁴) Собр. государ. гр. и догов. III, № 77. Дворц. разр. т. I. стр. 980—981. Т. II, стр. 821, 822.

⁵) Самъ Филаретъ Никитичъ, приказывавшій отбирать отъ всѣхъ церквей, монастырей и отъ частныхъ лицъ книги литовской печати, имѣлъ однако и держалъ такія книги въ своей патріаршей библиотекѣ, какъ это значитъ въ описи патріаршей книгохранительной палатки, произведенной въ 1633 году. Здѣсь между книгами значитъ: книга *Евангеліе толковое*, печать литовская (№ 68); книга *Евангеліе толковое*, воскресное, печать литовская (№ 69); книга *Василія Кесарійскаго*, въ десть, печать литовская (№ 73); книга *Евангеліе толковое*, печать литовская (№ 127); книга *Евангеліе* на престольное, въ десть, печать литовская (№ 128. Опись патріаршей ризницы 1631 года, А. Викторова, глава XXVI). Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ литовской печати привозились въ Москву самими южно-руссами. Такъ въ 1623 году прїѣхалъ въ Путивль служитель Кіевской Лавры Андрей Николаевъ и заявилъ, что его послать келарь Лавры, старецъ Захарія Экзархъ поднести царю и патріарху «по двѣ книги новой печати Ивана Златоустаго бесѣды Апостольскія». Въ 1624 году, 11 сентября, прїѣхалъ въ Пу-

ній Польскаго правительства ¹⁰⁾; съ другой стороны и сама Москва событіями смутнаго времени принуждена была во многомъ измѣнить свои старинныя взгляды и отношенія особенно къ образованнымъ и свѣдущимъ иностранцамъ, такъ какъ и въ Москвѣ все болѣе крѣпло и развивалось убѣжденіе о необходимости имѣть у себя людей свѣдущихъ и научно-образованныхъ, о необходимости завести въ самой Москвѣ правильно устроенную школу, руководимую православнымъ научно-образованнымъ учителемъ ¹¹⁾. Суровыя подозрительныя отношенія московскаго правительства къ кіевлянамъ и ихъ книгамъ были вызваны между прочимъ преувеличенными слухами объ успѣхахъ въ малой Россіи униі, отчасти личными взглядами Филарета Никитича и отчасти соблазнительнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ южно-русскихъ

тивль изъ Кіевопечерской Лавры протосингелъ Памво «книжной печатной мастеръ», и привезъ царю и патриарху «по двѣ книги печатныя своего мастерства Дѣянія Апостольскія» (Малороссійскія дѣла 1623 года № 1, 1624 г. № 2). Иногда же эти книги литовской печати покупались. Такъ въ упомянутой выше описи патриаршей книгохранительной палатки значится (подъ № 127): «книга Евангеліе толковое, печать литовская, а куплена на панскомъ дворѣ».

¹⁰⁾ Такъ въ 1624 году прибылъ въ Москву лучшій епископъ Исаакій, который по порученію кіевскаго митрополита Юва Борецкаго былъ челомъ государю, чтобы овъ принялъ утѣсняемую поляками Малороссію подъ свою высокую руку. И хотя въ этомъ ходатайствѣ было отказано Исаакію, однако переговаривавшіеся съ нимъ бояре въ заключеніе заявили, что если южно-руссамъ и впродъ будетъ утѣсненіе отъ поляковъ, а они противъ нихъ соединятся и укрѣпятся «тогда вы дайте знать царскому величеству и святѣйшему патриарху, и они будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и вась всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленіи видѣть» (О посольствѣ Исаакія и его пребываніи въ Москвѣ см. Греческія дѣла 7130 г. № 1; и связка 2 (въ которой находятся дѣла за нѣсколько лѣтъ) № 10 и дѣла Малороссійскія за 1622 годъ; за 1624 годъ № 1—4; за 1625 г. № 1). Такимъ образомъ въ Москвѣ, если и не выразили желанія немедленно принять Малороссію подъ высокую руку царя, то все-таки не отказались сдѣлать это на будущее время, въ виду чего сношенія Москвы съ кіевскою Русью естественно, несмотря на всѣ препятствія, становились все болѣе частыми, оживленными и интимными, что по необходимости открывало удобный путь для кіевскихъ ученыхъ вліяній на передовое московское общество. Взаимные интересы, нужды и потребности необходимо вели къ тѣсному сближенію московской и кіевской Руси.

¹¹⁾ Самъ Филаретъ Никитичъ въ послѣдній годъ своего патриаршества задался мыслию устроить въ Москвѣ школу. Въ 1632 году въ Москвѣ былъ оставленъ протосингелъ александрійскаго патриарха Иосифъ, ранѣе жившій въ южной Руси,

выходцевъ въ Москвѣ¹²⁾. Ближайшее ознакомленіе москвичей съ положеніемъ южно-русскихъ церковныхъ дѣлъ убѣдило ихъ, что большинство южно-руссковъ по прежнему не только осталось православнымъ, но что оно ведетъ тамъ неустанную энергическую борьбу за православіе, мужественно и съ успѣхомъ охраняя его отъ всевозможныхъ покушеній на него со стороны различныхъ иновѣрцевъ. Въ виду этого, послѣ смерти Филарета Никитича отношенія московскаго правительства къ киевлянамъ рѣшительно измѣняются. Въ 1637 году къ намъ переселяются иноки Прилудскаго Густынскаго монастыря и иноки Ладинскаго Покровскаго монастыря. Выходцевъ принимаютъ въ Москвѣ и отводятъ для жительства старцамъ Дудинъ нижегородскій монастырь, старицамъ—Алатырскій Никольскій монастырь. Затѣмъ къ намъ переселяются старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря и друг.¹³⁾ Характерная особенность этихъ переселеній къ намъ иноковъ и инокинь изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что теперь выходцевъ южно-руссковъ уже не отдаютъ, какъ прежде, подъ начало для исправленія ихъ христіанской вѣры. Послѣ смерти Филарета Никитича состоявшееся въ 1620 году соборное постановленіе относительно православныхъ бѣлоруссовъ, на практикѣ уже болѣе не исполнялось, хотя соборныя дѣянія 1620 г. и внесены были въ печатный Потребникъ 1639 г. Вторая не менѣе характерная особенность указанныхъ переселеній къ намъ иноковъ и инокинь южно-русскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что вывезенныя выходцами разныя церковныя и богослужебныя книги литовской печати у нихъ уже не отбираются и не замѣняются, какъ при Филаретѣ, книгами московской печати. Очевидно, что киевляне и ихъ книги, недавно

съ тѣмъ, чтобы онъ переводилъ книги съ греческаго языка на славянскій и училъ «на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и граматъ» (О попыткѣ Филарета Никитича основать школу въ Москвѣ см. нашу книгу: «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ», стр. 482).

¹²⁾ Въ послѣднемъ отношеніи особенно выдается такъ-называемый у насъ архіепископъ суздальскій Іосифъ. Царская грамота, въ которой изображается соблазнительное поведеніе Іосифа, печатается нами въ приложеніи.

¹³⁾ См. объ этихъ переселеніяхъ къ намъ южно-русскихъ иноковъ и инокинь въ Арх. Юг.-Зап. Рос. т. III, №№ 2—16 и др.

еще преслѣдуемая, получили теперь въ Москвѣ полное право гражданства, вслѣдствіе чего въ Москвѣ быстро начинается усиливаться кievское вліяніе. Въ 1639 году въ Москвѣ печатаются иноческій и мірской Потребники, въ концѣ которыхъ помѣщенъ такъ-называемый эпитимійный Номоканонъ. Этотъ эпитимійный Номоканонъ есть простая перепечатка кievскаго Номоканона, издавнаго во второй разъ въ Кіевѣ въ 1624 году. Такимъ образомъ въ 1639 году уже находили возможнымъ въ московскія церковныя печатныя книги вносить статьи, заимствованныя изъ кievскихъ печатныхъ книгъ. Въ 1640 году кievскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ устроить въ Москвѣ школу съ помощью ученыхъ кievлянъ, которыхъ онъ вышлетъ въ Москву. Уже одна возможность со стороны кievскаго митрополита обращаться съ подобнымъ предложеніемъ къ московскому правительству показываетъ, что православные кievляне не только не встрѣчали въ Москвѣ прежнихъ подозрительныхъ отношеній къ себѣ, но что тамъ уже признавали превосходство кievской учености надъ старою московскою книжною одностороннею начитанностію, и не прочь были учредить въ Москвѣ школу съ помощію кievскихъ ученыхъ.

Время патриаршества Іосифа было не только временемъ частыхъ и оживленныхъ сношеній съ кievскою Русью, но и временемъ усиленнаго вліянія у насъ кievской литературы и ученыхъ кievлянъ, которые со времени Іосифа прочно и надолго водворяются въ сѣверной Руси и оказываютъ сильное вліяніе на все ея дальнѣйшее умственное развитіе.

Прежде всего и болѣе замѣтно сказалось при патриархѣ Іосифѣ вліяніе кievской полемической литературы,—изъ нея берутся цѣлыя отдѣлы и почти безъ всякихъ измѣненій вносятся въ наши рукописные сборники. Такъ напримѣръ встрѣчающіяся во множествѣ нашихъ сборниковъ статьи: „объ образѣхъ, о крестѣ“ и пр., которыя представляютъ изъ себя простое переложеніе на современный литературный московскій языкъ южно-русской книжки: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей, о хвалѣ и о молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры“, напечатанной, какъ полагаютъ, въ Вильнѣ въ 1602 году¹⁴⁾. Къ числу

¹⁴⁾ Эта южно-русская книга цѣликомъ вошла во множество нашихъ сборниковъ

таких сборниковъ принадлежитъ между прочимъ и извѣстное „Изложеніе на лютеры“, приписываемое обыкновенно Ивану Насѣдкѣ¹⁵⁾. Авторъ этого сборника не только беретъ цѣлый рядъ главъ изъ южно-русскихъ сочиненій, но и прямо отсылаетъ къ нимъ своихъ читателей. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „и о томъ имъ всѣмъ еретикамъ той-же отвѣтъ, иже князя Константина Острожскаго собраніе есть“; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „яко мало нѣчто приложихомъ къ словесѣмъ собранія князя Острожскаго“, или полемизируя противъ прилога слова „и огнемъ“ въ молитвѣ на освященіе богоявленской воды, онъ говоритъ: „и о семъ молю вы возлюбленіи взыщите усердно и виждѣте и о семъ въ бесѣдѣ 15 правоученіе въ книзѣ

и между прочимъ въ сборникъ «Изложеніе на лютеры», приписываемый обыкновенно Ивану Насѣдкѣ. Книга состоитъ изъ 12 главъ, которыя имѣютъ слѣдующія заглавія: 1) объ образѣхъ и отказъ образоборцомъ; 2) о томъ, котораго часу отъ самихъ христіанъ образоборство powstało и которіе цари образоборцами были и на которомъ соборѣ вселенскомъ за то прокляты; 3) образоборцомъ на нѣкоторые противные ихъ слова отказъ; 4) о крестѣ видимомъ знаменіи сина человѣческаго; 5) о крестѣ: для чего знаменуемъ лице свое крестообразно рукою; 6) о хоженіи со креста; 7) о хвастѣ и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ; 8) о молитвѣ святыхъ, иже святіи и теперь молятся о насъ; 9) о ностѣ; 10) о исповѣди; 11) о пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой; 12) о отшедшихъ свѣта сего, иже о нихъ памяти чинити и милостію давати, стараго и новаго закону письмо святое повелѣваетъ.

¹⁵⁾ Филаретъ черниговскій (Общ. рус. дух. лит. № 208) авторомъ сборника «Изложеніе на лютеры» считаетъ Насѣдку и относитъ составленіе сборника къ 1642 году. Г. Соколовъ въ своей книгѣ «Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ» (стр. 80) говоритъ: «какія именно идеи и возраженія протестантовъ произвели теперь новое смущеніе и опасенія, объ этомъ можно судить изъ изданнаго протопопомъ Іоанномъ Насѣдкой (въ 1642 году) сборника подъ заглавіемъ: «Изложеніе извѣстно... на окаянныя и злоименныя Лютеры». Что сборникъ «Изложеніе на лютеры» появился не въ 1642 году, а ранѣе, въ этомъ удостовѣряетъ слѣдующая современная припись, имѣющаяся въ концѣ этого сборника, хранящагося въ нашей академической (московской духовной) библиотекѣ (№ 178): «154 года мая въ 6 день списывана сія книга отвѣты и обличенія на различныя еретическія вѣры лютерскіе и римскіе и латынскіе и иныхъ—въ Якутскомъ острогѣ съ книги, которая куплена на Москвѣ въ прошломъ въ 149 (1641) году съ Покровки отъ пречестія ись Кожевниковъ у пономаря Ивана Иванова». Впрочемъ и въ самомъ сборникѣ есть указанія на то, что онъ написанъ былъ ранѣе 1642 года. См. Опис. славян. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, стр. 361.

князя Константина Острожскаго на латинь, яко Златоустъ глаголетъ " 16).

Не только въ наши рукописные сборники вошли цѣлые обширные трактаты изъ южно-русскихъ сочиненій, но и самыя издающіяся печатныя книги времени патріарха Іосифа, каковы: такъ называемая Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, столь уважаемая и доселѣ нашими старообрядцами, не есть въ дѣйствительности московскія произведенія, а южно-русскія.

Кириллова книга была составлена московскимъ черниговскимъ протопопомъ Михаиломъ Роговымъ 17), однимъ изъ видныхъ книжныхъ справщиковъ при патріархѣ Іосифѣ. О достоинствахъ и характерѣ самой книги въ послѣсловіи говорится, что государь „повелѣ сію предобрую книгу *отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную* на различныя ереси во единѣ купъ совокупити и яко корабль многимъ богатствомъ наполнити и печатнымъ тисненіемъ вообразити, и пуетити ю во всю свою русскую землю всякому православному христіанину, хотящему ея прочитати, и божественныя догматы видѣти, и та еретическая уста заградити. Воистину подобна сія предобрая книга великому кораблю, обремененному великимъ богатствомъ, понеже обогащена довольно божественнымъ писаніемъ, на злыя еретики щить и заграда, или будетъ подобна велицѣй рѣцѣ, текущей широстію и напаяющей всяко животно. Такожде и сія книга усладитъ и напоитъ всякаго прочитающаго ю, аки сладкою водою, или медвенными соты, еретикомъ же и раскольникомъ наша православныя вѣры уста заградитъ“.

Совершенно было бы ошибочно этотъ восторженный отзывъ о великихъ достоинствахъ Кирилловой книги ставить въ счетъ ея московскому составителю; его роль въ дѣлѣ сочиненія этой

---

16) По рукописи нашей академич. библ. № 177, лл. 332, 335, 404.

17) Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: «А яже печатная московская Кириллова книга глаголется, и та нѣсть Кириллова, но *собираетъ* ее черниговскій протопопъ Михаилъ Роговъ съ прочими избранными мужи, по повелѣнію царя и патріарха, на многія ереси латынскія и арменскія и нѣмецкія и прочія. Начаша они писать отъ тоя самыя Кирилловы книги, потому и слыветъ Кириллова, и тѣхъ словъ святаго Кирилла нѣсть въ ней ни единого, но два листа только» (Матер. для ист. раск. Н. Субботина, т. VI, стр. 152, 153).

книги была самая скромная: она ограничивалась почти исключительно простею дословною выпискою изъ разныхъ южно-русскихъ книгъ, такъ что въ дѣйствительности Кириллова книга не только не „отъ различныхъ святыхъ отецъ учинена“, какъ заявляетъ послѣсловіе, а представляетъ изъ себя только чисто механическую выборку изъ разныхъ южно-русскихъ авторовъ. Въ составъ ея вошли произведенія извѣстныхъ южно-русскихъ ученыхъ: Стефана Зизанія, Захарія Копыстенскаго, священника Василія Острожскаго, статьи изъ такъ-называемаго Просвѣтителя литовскаго и др. ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ Первая очень обширная часть Кирилловой книги, носящая заглавіе: «книга иже во святыхъ отца нашего Кирилла архіепископа іерусалимскаго на осмый вѣкъ» есть простая перепечатка (конечно съ переложеніемъ на тогдашній литературный московскій языкъ) сочиненія извѣстнаго южно-русскаго ученаго и поборника православія Стефана Зизанія, которое подъ заглавіемъ: «Казанье св. Кирилла патріарха іерусалимскаго о антихристѣ и знакахъ его», было напечатано въ Вильвѣ въ 1596 году (см. это сочиненіе Зизанія въ Рум. Муз. № 67). Затѣмъ первая глава Кирилловой книги: «о святѣй Троицѣ» взята изъ книги Захарія Копыстенскаго: «о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви», или иначе называемой просто Азаріевой вѣрой. Она была напечатана въ Кіевѣ, какъ полагаютъ въ 1620 году. (Книга о вѣрѣ Копыстенскаго или Азаріева вѣра находится въ нашей академической библіотекѣ № 414). Эта же глава могла быть заимствована и изъ просвѣтителя литовскаго, въ которомъ она занимаетъ 14 главу (см. Опис. рукоп. Ундольскаго № 426). Вторая глава Кирилловой книги: «О предвѣчномъ божественномъ рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа» есть простое переложеніе второй главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 15). Третья глава: «Отъ писаній пророческихъ о истинномъ Божествѣ и человечествѣ Христовѣ» — переложеніе третьей главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 16). Главы: четвертая: «О пророцѣхъ, иже пророчествоваше о Божествѣ и Христовѣ рождествѣ и о иныхъ будущихъ» и пятая: «О еллинскихъ мудрецахъ иже отчасти пророчествоваху о ирвышнемъ Божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ пречистыя Богородицы» — не имѣются ни въ Азаріевой вѣрѣ, ни въ Просвѣтителѣ литовскомъ, а встрѣчаются въ рукописныхъ московскихъ сборникахъ (см. напр. Оп. рук. Царскаго № 719). Глава шестая: «Отъ писаній апостольскихъ и ихъ учениковъ и наслѣдниковъ св. отецъ о истинномъ Божествѣ и человечествѣ Господа нашего Іисуса Христа» — переложеніе четвертой главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 17). Глава седьмая: «О Божествѣ Св. Духа» переложеніе пятой главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 18). Глава восьмая: «О исхожденіи Св. Духа» — передѣлка восьмой главы Азаріевой вѣры или переложеніе просвѣтителя литовскаго (гл. 19). Глава девятая: «Отвѣты досадителемъ и грубителемъ противнымъ Божеству Христову» — переложеніе шестой главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 20).

Другою замѣчательною книгою, напечатанною при патриархѣ Лосиѣ въ 1648 году, по его „совѣту и благословенію“ и тоже пользующеюся доселѣ особымъ уваженіемъ нашихъ старообрядцевъ, была книга о Вѣрѣ, которая есть уже прямо чисто южно-

стой главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 20). Глава десятая: «О святыхъ иконахъ, яко начала быша»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 2—18) или просвѣтителя литовскаго (гл. 2). Глава одиннадцатая: «О томъ, когда и въ какое время отъ самѣхъ христіанъ иконоборство возстало»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 31—36) или просвѣтителя литовскаго (гл. 3). Глава двѣнадцатая: «Иконоборцомъ на противныя ихъ рѣчи намъ отвѣтъ»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 36—43). Глава тринадцатая: «О крестѣ, видимомъ знаменіи сына человѣческаго»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 44—65) или просвѣтителя литовскаго (гл. 4). Глава четырнадцатая: «О крестѣ, чего ради знаменуемъ лицо свое крестообразно»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 66—74) или просвѣтителя литовскаго (гл. 6). Глава пятнадцатая: «О хожденіи со кресты»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 82—90) или просвѣтителя литовскаго (гл. 7). Глава шестнадцатая: «О святомъ постѣ»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 146—163) или просвѣтителя литовскаго (гл. 10). Глава семнадцатая: «О пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 12), Глава восемнадцатая: «О исповѣданіи грѣховъ въ церкви предъ священники»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 11). Глава девятнадцатая: «Отвѣтъ ко аріаномъ на противныя ихъ рѣчи о пречистѣй Богородицѣ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 22). Глава двадцатая: «Родословіе святны Богородицы»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 23). Глава двадцать первая: «О похвалѣ и чести святыхъ Божіихъ угодникъ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 8). Глава двадцать вторая: «О молитвѣ святыхъ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 9). Глава двадцать третья: «О отшедшихъ свѣта сего, иже о нихъ памяти творити»—изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 106—113) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 13). Глава двадцать четвертая: «О новуреніи новокрещенцовъ»—изъ Азаріевой вѣры, глава седьмая или просвѣтителя литовскаго (гл. 21). Глава двадцать пятая: «О римскомъ отпаденіи»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 24). Глава двадцать шестая: «О латынскихъ ересѣхъ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 25). Глава двадцать седьмая: «Ереси римскія, яже приима отъ мелхисидикіянъ и жидовъ и арменъ»—изъ потребника, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1639 году и содержитъ извлеченіе изъ дѣяній собора 1620 года при патриархѣ Филаретѣ. Глава двадцать восьмая: «О несогласіи еретиковъ и ихъ различныхъ сопротивныхъ ересѣхъ»—откуда взята эта глава, занимающая одинъ только листъ, мнѣ неизвѣстно. Глава двадцать девятая: «О Лютерѣ и его ереси» изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 28). Глава тридцатая: «О арменской ереси»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 29). Глава тридцать первая: «О постѣ арменскомъ арццурдовѣ, о Ливѣ, учителѣ арменскомъ, о арменскомъ дѣбаніи, сирѣчь причастіи»—изъ нашихъ старинныхъ сборниковъ. Глава тридцать вторая: «Преніе

русское произведение, только переведенное съ бѣлорускаго нарѣчія на великорусское и въ Москвѣ напечатанное. Авторомъ книги о Вѣрѣ былъ Нафанаилъ, игумень кievскаго Михайловскаго

святаго Иларіона епископа меглинскаго съ манахѣи—изъ просвѣтителя литовскаго (л. 309 об.). Глава тридцать третья: «Преніе святаго Иларіона со армены» изъ просвѣтителя литовскаго (л. 315). Глава тридцать четвертая: «О опрѣснокахъ и о агнцѣхъ»—дословное заимствованіе изъ книги священника Василя Острожскаго: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распростресе» (по рукописи нашей академической бібліотеки № 232, л. 319—373). Глава тридцать пятая: «О претѣненіи дней и праздниковъ»—изъ того же сочиненія Василя Острожскаго (л. 397—482). Глава тридцать шестая: «Преподобнаго Максима грека слово на латиновъ», находится и въ Азаріевой вѣрѣ (ч. 2, стр. 184 до конца книги). Главы: тридцать седьмая до сорокъ шестой включительно, содержащія въ себѣ: посланія александрійскаго патріарха Мелетія, посланія Константина Острожскаго, посланіе иноковъ горы Аѳонской, составляютъ переложеніе книжки, напечатанной въ Острогѣ въ 1598 году (см. Библиографическій указатель Ундольскаго № 137), подъ заглавіемъ: Мелетія патріарха александрійскаго посланія (числомъ 10) къ неунитамъ. Въ этой же книжкѣ напечатаны и посланія Константина Острожскаго и посланіе иноковъ горы Аѳонской.

Изъ приведеннаго сличенія Кирилловой книги оказывается, что она за самими незначительными исключеніями представляетъ изъ себя простой сводъ изъ разныхъ южно-русскихъ сочиненій и потому составители ея говорить несправедливо, что будто бы она «учищена отъ различныхъ святыхъ отецъ»; въ дѣйствительности этими святыми отцами были южно-русскіе ученые. Что же касается того, насколько и какъ московскіе собиратели Кирилловой книги воспользовались южно-русскими произведеніями, что въ нихъ они передѣляли, насколько внесли въ нихъ своего, отвѣтомъ на это служитъ слѣдующее произведенное нами дословное сличеніе: первая часть Кирилловой книги, носящая заглавіе: «книга иже во святѣхъ отца нашего Кирилла архіепископа іерусалимскаго на осмий вѣвъ» есть простое, безъ всякихъ перемѣнъ переложеніе на великорусское нарѣчіе книги Стефана Зизанія: «Казанье св. Кирилла патріарха александрійскаго о антихристѣ». Дословное сличеніе первой главы Кирилловой книги «о святѣй Троицѣ», съ Азаріевой вѣрой, показываетъ, что и тутъ имѣло мѣсто простое, безъ всякихъ перемѣнъ переложеніе (исключая незначительныхъ выпусковъ изъ Азаріевой вѣры, именно выпущено изъ Азаріевой вѣры начиная съ 6 страницы до середины 9-й (Кир. кн. л. 85 об.); съ конца 9 стр. до середины 11 и потомъ выпущены страницы 26—29 (Кир. кн. л. 93) Кромѣ того, въ Кирилловой книгѣ, въ концѣ первой главы, помѣщенъ маленькій драгатаецъ: «Толкованіе како явися Богъ Аврааму въ троицѣ» (л. 94 об.—97), котораго вовсе нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Главы Кирилловой книги: вторая, третья, шестая и седьмая представляютъ изъ себя дословное переложеніе соответствующихъ главъ Азаріевой вѣры, даже безъ всякихъ пропусковъ. Восьмая глава Кирилловой книги «о исхожденіи Св. Духа» сравнительно съ очень обширною главою

монастыря, а напечатана она была, по свидетельству дьякона Федора, „тщательствомъ царскаго духовника протопопа Стефана Воиифантьевича ¹⁹⁾“. Составлена была книга о Вѣрѣ еще въ 1644

объ этомъ Азаріевой вѣрѣ, сильно сокращена и значительно, послѣ сходнаго начала, передѣлана. Глава 9 Кир. кн. и 6 гл. Азар. вѣрѣ сходны дословно. Гл. 10 Кир. кн., соответствующая трактату Азаріевой вѣрѣ (ч. 2) «объ образѣхъ» имѣеть не то начало, (которое сходно съ Просвѣтителемъ литовскимъ), но потомъ съ двумя незначительными пропусками, идетъ буквально сходно до л. 153 Кир. кн. и до стр. 18 (ч. 2) Азаріевой вѣрѣ. Последующія страницы (19—30) этого трактата Азаріевой вѣрѣ не вошли въ Кириллову книгу, а замѣнены были въ ней (л. 153—159) трактатомъ, взятымъ изъ вышеупомянутаго сборника «Изложение на Лютеры», гл. 19, л. 105 (по рукописи нашей академической библиотеки № 178). Главы Кирилловой книги: одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая буквально сходны съ Азаріевой вѣрою. Начальныхъ словъ четырнадцатой главы (о крестномъ знаменіи) Кирилловой книги: «во истину не презрѣ насъ Господь своимъ милосердіемъ, но и паче и помилова и призрѣ на насъ своею милостію съ высоты святыхъ своея и подаде намъ имя ново, еже зватися христианы» — нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ (нѣтъ этого и въ Просвѣтителѣ литовскомъ). Но далѣе идетъ буквально сходно съ Азаріевою вѣрою, кромѣ вставки въ Кирилловой книгѣ въ ученіи о перстословеніи слѣдующихъ словъ: «той же средній великій перстъ мало преклонити, и словѣдуется тайна, еже есть Сынъ Божій преклонъ небеса и сиде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія» (л. 180); затѣмъ въ Кирилловой книгѣ (л. 180 об.), сравнительно съ Азаріевою вѣрою, встрѣчается новая вставка, именно: приводится извѣстное слово о крестномъ знаменіи блаженнаго Феодорита, котораго нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Далѣе слѣдуетъ опять дословная выписка изъ книги о Вѣрѣ до 74 страницы этой книги. Конецъ этого трактата въ книгѣ о вѣрѣ (стр. 74—81) вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу, гдѣ помѣщены: извѣстное сказаніе о чудѣ святаго Мелетія и слово о крестномъ знаменіи Максима грека сл. 183—185), вовсе не имѣющіяся въ книгѣ о вѣрѣ. Главы Кирилловой книги: пятнадцатая и шестнадцатая буквально сходны съ книгою о Вѣрѣ, только имѣющіяся въ послѣдней трактатъ въ концѣ 16 главы о субботнемъ постѣ и о папѣ (ч. 2, стр. 163—181), вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу. Глава 24 Кир. кн. и 7 гл. книги о Вѣрѣ сходны буквально. Точно также двѣ обширныя главы Кирилловой книги 34— «о опрѣснокахъ и агнцѣхъ» и 35— «о премѣненіи дней и праздниковъ» представляютъ изъ себя дословное переложеніе изъ указаннаго выше сочиненія священника Василія Острожскаго. Тоже нужно сказать и о характерѣ всѣхъ другихъ указанныхъ выше заимствованій изъ южно-русскихъ сочиненій.

¹⁹⁾ Дьяконъ Федоръ говоритъ: «книга о вѣрѣ правой, въ ней же о истинномъ. Дусъ особная глава писана нѣкимъ игуменомъ Назанайломъ благочестивымъ. Михайловскаго (киевскаго) монастыря на уніатское отступленіе и на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благого духовника его Стефана Воиифантьевича, благовѣщенскаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое» (Матер. для ист. раскола, т. VI, стр. 143).

году, какъ это видно изъ свидѣтельства Медвѣдева ²⁰⁾, подтверждаемаго существованіемъ этой книги въ рукописи, относящейся къ 1644 году ²¹⁾.

Въ 1648 году въ Москвѣ напечатана была славянская грамматика извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго ²²⁾, при чемъ въ Москвѣ ей предпослано было обширное и очень важное по своему содержанию введеніе, о которомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Въ 1649 году въ Москвѣ „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ наипаче дѣтемъ учащимся, по повелѣнію государя... и по благословенію великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи“ напечатанъ былъ такъ-называемый малый Катихизисъ, который есть ничто иное какъ простая перепечатка краткаго катихизиса Петра Могилы напечатаннаго въ киевонечерской типографіи въ 1645 году ²³⁾.

Въ 1649—50 годахъ была въ первый разъ напечатана въ Москвѣ Кормчая книга. 51-я глава въ этой книгѣ, носящая над-

---

²⁰⁾ Чт. общ. ист. 1846 г. кн. 3.

²¹⁾ Описаніе бібліотеки Хлудова, сост. Поповымъ, № 90.

²²⁾ Грамматика славянская Мелетія Смотрицкаго была напечатана въ первый разъ въ Евю, въ 1618 году, и затѣмъ снова была напечатана тоже въ Евю и въ Вильнѣ въ 1619 году (Ундольскаго: очеркъ слав. рус. библ. №№ 222, 225, 226).

²³⁾ Малый катихизисъ Петра Могилы, напечатанный въ Кіевѣ въ 1645 году носить заглавіе: «Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской». Въ немъ (стр. 25—26) ученіе о крестномъ знаменіи изложено такъ: «пытанье: якимъ способомъ знакъ креста святаго на себѣ класти маемъ? Отповѣдь: рукою правою три палци зложивши, знакъ креста святаго зачинай на челѣ, а кладучи мови: во имя Отца; потомъ тнжъ палци на перси мовячи: и Сына; потомъ на правое раме кладучи, мовѣ: и Духа; потомъ на лѣвое рамя кладучи, мовѣ: Святаго; кладучи на собѣ крестное знаменіе мовѣ: Господи Іисусъ Христъ Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго, кончати тымъ словомъ—аминъ» Между тѣмъ въ Московскомъ катихизисѣ ученіе о перстосложеніи изложено (л. 16 об. и 17) такъ: «совокупити три персты правыя руки (сирѣчь великаго и малаго и третіего, что подлѣ малаго); въ нихъ же исповѣдуемъ таинство божественную тріехъ ипостасей: Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ тріехъ лицѣхъ. Два же перста (вышній и средній) протянуги и сямъ показуемъ тайну самого Господа нашего Іисуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть нашего ради спасенія. И тако, сложивше персты, полагаемъ первое рукою на чело»... и т. д. Это ученіе о перстосложеніи въ катихизисѣ 1648 года изложено не по катихизису Петра Могилы, а по книгѣ о Вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ 1648 года (въ 9 главѣ).

писаніе: „о тайнѣ супружества сі есть законнаго брака“, глава очень важная по своему значенію и во все послѣдующее время, была внесена сюда, съ небольшими измѣненіями, изъ большаго Требника Петра Могилы, а имѣ она была заимствована изъ католическихъ требниковъ ²⁴⁾). При исправленіи нашихъ церковно-учительныхъ книгъ, въ концѣ патріаршества Іосифа, наши книжные справщики, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, уже справлялись и съ изданіями южно-русскими. Такъ въ послѣсловіи учительнаго Евангелія, изданнаго въ Москвѣ въ 1652 г. по благословенію патріарха Іосифа, справщики заявляютъ: „къ сему же да не усумнишися православный читателю; егда обрящещи въ святой книзѣ сей исправленія (противъ прежнихъ изданій московскихъ) рѣченій, въ клоненіихъ измѣнена и другая таковая и возмнитися нова быти и самосмышлена, но нѣсть сиче: *помеже за ихъ же святительскимъ благословеніемъ*, со многихъ переводовъ свидѣльствованнѣ исправлена суть; переводы же собраны быша, единѣ святыя соборныя великія церкви пресвятыя Богородицы Успенія, и другіи Чудова монастыря и чудотворца Алексія, и два Симонова монастыря, древнихъ писемъ, *къ симъ же имъ Острожскія печати*“ ²⁵⁾).

Вслѣдъ за южно-русскими книгами въ Москву начинаютъ, при патріархѣ Іосифѣ, перебираться и самые ученые кіевляне. Еще въ 1640 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила присылалъ въ Москву своего намѣстника Игнатія Оксеновича Старушича ²⁶⁾), который, между прочимъ, отъ имени Могилы предлагалъ устроить въ Москвѣ монастырь, населить его учеными кіевскими монахами и открыть при немъ школу. Это предложеніе Могилы, не принятое въ то время, было потомъ осуществлено, съ разрѣшенія царя и по благословенію патріарха Іосифа, извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія Ѳеодоромъ Ртищевымъ. Послѣдній, какъ говоритъ его житіе ²⁷⁾), имѣлъ особую любовь къ Киевопечерской лаврѣ, которой онъ давалъ „милостыню не малу“, а это,

---

²⁴⁾ См. объ этомъ въ книгѣ свящ. М. Горчакова «О тайнѣ супружества». Спб. 1880 г.

²⁵⁾ Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

²⁶⁾ Объ немъ см. Обз. дух. литер. Филарета, № 174.

²⁷⁾ Древн. вивл. ч. XVIII, изд. 2.

конечно, привело его къ сближенію съ учеными кievскими монахами. Въ этомъ же смыслѣ могъ вліять на Ртищева его родной дядя Спиридонъ Потемкинъ, человекъ образованный, знавшій хорошо греческій и латинскій языки, постоянно сидѣвшій надъ книгами и вступавшій въ состязанія съ латинами и уніатами. Свою любовь къ наукѣ и къ людямъ ученымъ Потемкинъ могъ передать и своему племяннику²⁸⁾. Какъ бы то ни было, только, съ благословенія патриарха Іосифа, Ртищевъ устроилъ близъ Москвы извѣстный Андреевскій монастырь, куда поселилъ изъ кievской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей до тридцати иноковъ „въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилъ изрядныхъ“. Между этими иноками, конечно, заходились и лица ученые, съ которыми охотно бесѣдовалъ и занимался въ свободное отъ служебныхъ занятій время, самъ Ртищевъ²⁹⁾. Житіе говоритъ даже, что будто бы и ученаго Епифанія „изъ святаы лавры печерскія“ вызывалъ Ртищевъ³⁰⁾. Послѣ устройства около Москвы (въ двухъ верстахъ), съ разрѣшенія

---

²⁸⁾ Свѣдѣнія о Потемкинѣ сообщаетъ дьяконъ Ѳеодоръ. Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 230—232.

²⁹⁾ Впрочемъ Андреевское братство не оставило послѣ себя какихъ-либо замѣтныхъ въ нашей литературѣ слѣдовъ. Оно не пользовалось и хорошей репутаціей у москвичей. Въ 1669 году власти построеннаго Никономъ Иверскаго монастыря обращаются къ чудовскому архимандриту Іоакиму съ просьбой, чтобы онъ не переводилъ къ нимъ въ Иверскій монастырь бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія, потому что, говорятъ они, «Петроній человекъ крамолистный, своеобразный и необщительный: какъ и прежь сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякіе крамолы чинилъ... И прежь которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они, за смуту и бунтовство, высланы воиъ; и нынѣ того жъ Андреевскаго монастыря іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человекъ развратной и своеобразной» (Рус. истор. библ. т. V, № 276). Къ этому присоединялось и то обстоятельство, что Никонъ, сдѣлавшись патриархомъ, враждебно столкнулся съ Ртищевымъ и потому не могъ поддерживать внутреннео-разлагавшееся Андреевское братство, тѣмъ болѣе, что онъ построилъ Иверскій монастырь, который заселенъ былъ южно-русскими выходцами и замѣнилъ для нихъ Андреевскій монастырь.

³⁰⁾ Нужно замѣтить, что свѣдѣнія объ Епифаніѣ въ житіи Ртищева не отличаются особою точностію. Житіе называетъ Епифанія инокомъ Печерскія лавры,

патріарха, монастиря, населеннаго кїевскими учеными иноками, не было уже ничего удивительнаго въ томъ, что и само правительство рѣшилось наконецъ вызвать въ Москву ученыхъ кїевлянъ и поручить имъ такое важное и ответственное дѣло, какъ новый переводъ Библіи съ греческаго языка на славянскій. Еще въ 1648 году государь посылалъ въ Кїевъ инокъ Марка (который ранѣе былъ служилый чловѣкъ; отправившись разъ на богомолье въ Кїевъ, тамъ захворалъ и постригся въ Печерской лаврѣ, а въ 1648 году прибылъ въ Москву) въ Печерскій монастырь „до боголюбезнаго епископа Засима“, котораго просилъ грамотою прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго „для своего государева дѣла“, но тогда „послати того старца невозможно было для монастырскія потребы“³¹⁾. Въ маѣ 1649 года государь снова обратился уже къ кїевскому митрополиту и къ властямъ кїевского братскаго монастыря, чтобы присланы были въ Москву старцы: Арсеній (Сатановскій) и Дамаскимъ (Птицкій) для перевода Библіи съ греческаго языка на славянскій. Вслѣдствіе этой вторичной просьбы царя кїевскій митрополитъ и власти братскаго монастыря послали въ Москву Арсенія Сатановскаго, а вмѣсто Дамаскина, который былъ инокомъ печерской лавры и потому не зависѣлъ отъ властей братскаго монастыря, они послали въ Москву ученаго Епифанія Славенецкаго. 12 іюля Арсеній и Епифаній, въ сопровожденіи старца Феодосія, прибыли въ Москву и поселены были здѣсь сначала въ большомъ посольскомъ дворѣ, а потомъ въ Чудовъ монастырь. Но правительство, несмотря на прїѣздъ Арсенія и Епифанія, все-таки рѣшилось

тогда какъ онъ былъ инокомъ кїевского Братскаго монастыря. Житіе говоритъ, что вызовъ Епифанія и другихъ ученыхъ кїевлянъ принадлежитъ Ртищеву, тогда какъ въ дѣйствительности ученыхъ иноковъ вызывалъ самъ царь (хотя можетъ быть и по рекомендаціи Ртищева) и вызывалъ только Арсенія и Дамаскина, Епифаній же былъ посланъ въ Москву по рѣшенію кїевского митрополита и властей Братскаго монастыря, вмѣсто Дамаскина, а не по вызову изъ Москвы. Житіе говоритъ, что Епифаній, по прїѣздѣ въ Москву, поселился въ Андреевскомъ монастырь, а потомъ переселился въ Чудовъ, но подлинныя документы о прїѣздѣ въ Москву Епифанія и Арсенія прямо говорятъ, что сначала они были поселены на большомъ посольскомъ дворѣ, а оттуда были прямо переведены въ Чудовъ монастырь (см. Малороссійскія дѣла св. 4, 1649 г. № 4; 1650 г. № 3).

³¹⁾ Малороссійскія дѣла, св. 4, 1650 г. № 8.

вызвать въ Москву и Дамаскина Птицкаго, тѣмъ болѣе, что Арсеній, долженствовавшій переводить Библию на славянскій языкъ съ греческаго, оказался совѣтъ не знающимъ послѣдняго. Въ мартѣ 1650 года онъ проситъ, по особымъ домашнимъ обстоятельствамъ, отпустить его, хотя бы на время, въ Кіевъ, причемъ въ челобитной заявляетъ: „здѣ азъ уже мало потребный къ исправленію Библии, понеже азъ призванъ по сугубой твоего царскаго пресвѣтлаго величества грамотѣ, уже иніи старцы разсмотряютъ и труждаются, азъ бо по гречески не умю“. Въ 1650 году упомянутый выше инокъ Маркъ снова отправился въ Кіевъ и на этотъ разъ дѣйствительно привезъ въ Москву Дамаскина Птицкаго, взятаго имъ изъ печерской лавры ²²⁾.

Вслѣдъ за указанными учеными кіевлянами въ Москву стали пріѣзжать и другіе кіевляне. Такъ въ 1652 году, еще при патріархѣ Іосифѣ, въ Москву прибыли: кіевскаго братскаго монастыря архидіаконъ Михайло, „да съ нимъ спѣваки: Ѳеодоръ Тернопольскій съ товарищи, одиннадцать человекъ“. За пѣвчими вѣдиль въ Кіевъ путивльскій соборный попъ Иванъ, по порученію Ѳеодора Ртищева и съ разрѣшенія государя. Пѣвчіе, вызванные только на время, „пошли въ Андреевскій монастырь на житье“, а двумя пѣвчими: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому какъ они сами заявляютъ въ челобитной царю, „по твоему государеву указу велѣно писати твое государево дѣло: книгу Камень“ и состоятъ при посольскомъ привазѣ. Съ своей стороны и архидіаконъ Михайло, по его собственному заявленію, занимался въ Москвѣ переводомъ книги учителя Августина. „которую велѣлъ мнѣ переводити дьякъ думный преставльшійся Михайло Юрьевичъ“, и которую архидіаконъ дѣйствительно успѣлъ перевести въ Москвѣ до своего возвращенія въ Кіевъ ²³⁾.

Такимъ образомъ время патріаршества Іосифа по всей справедливости можетъ быть разсматриваемо какъ время относительно усиленнаго кіевскаго вліянія, когда кіевская ученая литература въ первый разъ получаетъ у насъ полное признаніе, такъ что произведенія разныхъ кіевскихъ ученыхъ дѣлкомъ

²²⁾ Тамъ же.

²³⁾ Тамъ же, св. 5, 1652 г. № 15.

начинают перепечатывать въ Москвѣ и даже иногда выдавать ихъ здѣсь за произведенія святыхъ отцовъ; когда сами кievскіе ученые и частными лицами, и правительствомъ вызываются въ Москву для важныхъ ученыхъ работъ и, навсегда поселяются въ Москвѣ, являются у насъ первыми представителями науки и научнаго образованія, и необходимо содѣйствуютъ распространенію и усиленію въ Москвѣ реформаціонныхъ идей.

Г Л А В А П.

Флорентійская унія и паденіе Константинополя имѣли рѣшающее значеніе для послѣдующей русской церковной жизни. Съ этого времени именно русская церковь признала себя самостоятельную, способною жить своею собственною, независимую отъ грековъ жизнью. Если ранѣе различные возникавшіе у насъ церковные вопросы и недоумѣнія рѣшались греками, то теперь они рѣшаются уже исключительно самими русскими. Въ русской церкви съ конца XV вѣка до половины XVI появляется нѣсколько ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣтаютъ значительную силу и распространенность, но русская церковь борется съ ними исключительно только своими силами и средствами, вовсе не прибѣгая къ содѣйствію и авторитету современной греческой церкви. Съ конца XV вѣка у насъ возникаютъ горячіе споры о платѣ за посвященіе въ церковныя должности, о вдовыхъ священникахъ, о монастырскихъ имуществвахъ и пр. и эти всѣ вопросы рѣшаются русскими іерархами безъ всякаго участія грековъ и сношеній съ греческою церковію. Но проявленія самостоятельности русской церкви относительно греческой на этомъ не остановились, а пошли значительно далѣе.

Русскіе приняли отъ грековъ извѣстный церковный обрядъ, который большинство изъ нихъ ставило наравнѣ съ вѣроученіемъ и потому старалось разъ принятое держать неизмѣнно, хотя у самихъ грековъ обрядъ былъ не одинаковъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ, не одинаковъ въ различное время въ одной и той же церкви; по самому существу своему обрядъ развивался постепенно и видоизмѣнялся по требованію тѣхъ или

другихъ историческихъ обстоятельствъ. На ряду съ другими древними обрядами русскіе заимствовали у грековъ и двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, сугубую аллилуію и др., которые у грековъ съ теченіемъ времени подверглись видоизмѣненіямъ. Двоеперстіе окончательно вытѣснено было у нихъ троеперстіемъ²⁴⁾, которое, вѣроятно съ половины XV вѣка, и стало у грековъ преобладающимъ, равно какъ прежде безразличное двоеніе или троеніе аллилуіи замѣнилось исключительно троеніемъ. Русскіе же относительно перстосложенія для крестнаго знаменія остались при древнѣйшей его формѣ—двоеперстной, а относительно аллилуіи у нихъ сугубая стала преобладать надъ трегубой, благодаря чему между греческими и русскими обрядами явилась рознь. А между тѣмъ видоизмѣнившійся греческій обрядъ незаметно сталъ проникать на Русь и находить себѣ здѣсь приверженцевъ,—отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать, тому ли, который издревле преобладалъ на Руси, или тому, который позднѣе сдѣлался господствующимъ у грековъ. До насъ дошли горячіе споры объ аллилуіи, но несомнѣнно подобныя же споры возникали и относительно другихъ обрядовъ, что конечно и заставило Стоглавый соборъ заняться этими спорными вопросами и сдѣлать относительно ихъ опредѣленные постановленія.

Итакъ, на границѣ, по нашему мнѣнію, XV и XVI вѣка русскіе разошлись съ греками въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и эти разности возбуждали толки и споры въ русскомъ обществѣ,—одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за греческій²⁵⁾. Стоглавый

---

²⁴⁾ Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

²⁵⁾ Въ преніяхъ объ аллилуіи противникъ пресв. Евфросина говоритъ, что греки «на сихъ лѣтѣхъ (т.-е. еще очень недавно) къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и на десницѣ пріяша» и что теперешнимъ развращеннымъ грекамъ вѣрить не слѣдуетъ. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: «а *которые обычаи съ прежніе времена, послѣ отца моего великаго князя Василія Ивановича всея Руси и до сего настоящаго времени поисхаталися, или въ самовластіи учинешо, по своимъ волямъ, или преданія законы нарушени, или ослабно дѣла и небрегомо Божіихъ заповѣдей, что творилося* » обо всемъ просить позаботиться пастырей въ видахъ исправленія этихъ недавно появившихся въ церковной жизни безпорядковъ. Такимъ образомъ, по сознанию самихъ русскихъ, греки отъ истины «свернулись» и «печать антихристову на челѣ

соборъ призванъ былъ рѣшить указанные спорные вопросы и дѣйствительно рѣшаетъ ихъ, но на основаніи только русской церковной старины, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками только русскихъ данныхъ, вовсе не принимая въ расчетъ современной греческой практики, не обращаясь къ грекамъ за совѣтомъ, указаціями и разъясненіями. Простымъ игнорированіемъ грековъ Стоглавый соборъ однако не ограничивается, а идетъ далѣе. Онъ не только признаетъ правыми и узаконяетъ въ русской церкви тѣ именно обрядовыя особенности, которыми русскіе порознились въ послѣднее время отъ грековъ, но, такъ какъ современный греческій обрядъ сталъ проникать на Русь и

и на десницѣ приняли», только «на сихъ лѣтѣхъ», или, по опредѣленію Грознаго царя, только послѣ смерти отца его великаго князя Василія Ивановича, т. е. на границѣ XV и XVI вѣка. Еслибы троеперстіе проникло къ намъ ранѣе, еще при митрополитахъ грекахъ, то оно конечно и утвердилось бы у насъ уже въ то время вмѣсто двоеперстія, такъ какъ митрополиты греки естественно постарались бы ввести на Руси тотъ обрядъ, который господствовалъ и всѣмъ принимался въ греческой церкви, а русскіе, такъ какъ авторитетъ грековъ въ то время еще ничѣмъ не былъ поколебленъ въ ихъ мнѣніи, охотно подчинились бы требованіямъ своихъ митрополитовъ. Къ этому нелѣпнне прибавить указаніе и на то обстоятельство, что у самихъ грековъ ясное и опредѣленное ученіе о троеперстіи, насколько это намъ извѣстно, положено въ первый разъ въ сочиненіи извѣстнаго солунскаго иподиакона Дамаскина Студита начала XVI вѣка, а у русскихъ только со второй половины XV вѣка появляется такъ-называемое Феодоритово Слово, въ которомъ опредѣленно выражено ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, и которое во все послѣдующее время служило главнымъ оправданіемъ двоеперстія. Появленіе у насъ Феодоритова Слова именно со второй половины XV вѣка и его быстрая распространенность съ этого времени указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что именно въ это время явилась нужда оправдать двоеперстіе какимъ-либо авторитетнымъ свидѣтельствомъ, подыскать для него данныя въ церковно-исторической древности, явилась потребность защитить этотъ древній русскій обычай отъ проявившихся на него въ то время какихъ-то нападеній. Въ виду этого время появленія у насъ Слова Феодорита о крестномъ знаменіи служитъ указателемъ, когда именно въ первый разъ сталъ проникать на Русь усвоенное въ то время греками троеперстіе, которое необходимо вступило у насъ въ борьбу съ двоеперстіемъ, почему для оправданія послѣдняго и понадобилось теперь Феодоритово Слово. По ятно само собою, что русское двоеперстіе въ крестномъ знаменіи мы вовсе не считаемъ произведеніемъ Феодоритова Слова, — наоборотъ появленіе самаго Слова Феодорита (будетъ ли оно подложное или подлинное) было вызвано потребностію оправдать уже существовавшій у насъ обычай двоеперстія, какъ это мы увидимъ ниже.

находить въ ней своихъ сторонниковъ и защитниковъ, то соборъ ограждаетъ узаконяемый имъ обрядъ, несогласный съ современнымъ греческимъ, страшною соборною клятвою, съ цѣлю предупредить возможность его измѣненія въ пользу греческаго обряда и на все послѣдующее время. Очевидно іерархи, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, были твердо убѣждены, что православный обрядъ во всей его первоначальной чистотѣ и неповрежденности сохранился только у русскихъ, тогда какъ современные греки допустили въ немъ въ послѣднее время нѣкоторыя новшества и искаженія.

Постановленія Стоглаваго собора имѣли громадную важность для послѣдующихъ отношеній русскихъ къ грекамъ. Уже вслѣдъ за «лорентійскою унією и паденіемъ Константинополя у насъ раздались голоса, обвинявшія грековъ въ неправославіи. Эти обвиненія грековъ подхвачены были нашими книжниками-грамотѣями, которые и построили на основаніи ихъ особую теорію объ исключительномъ призваніи Москвы и о благочестіи русскихъ, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ²⁶⁾. Понятно, что эти крайнія воззрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, нашли себѣ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора новую опору, подтвержденіе и оправданіе и потому все болѣе и болѣе распространялись въ средѣ русскаго общества, для большинства котораго существованіе въ русской церкви обряда, несогласнаго съ греческимъ, всегда служило нагляднымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ справедливости возводимыхъ на современныхъ грековъ обвиненій въ потерѣ ими истиннаго православія. Но какъ бы ни былъ широко распространенъ этотъ взглядъ на грековъ среди русскаго общества, все-таки онъ никогда не былъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Онъ высказывался только какъ частное мнѣніе и притомъ высказывался только во время горячихъ споровъ, когда возникалъ ненормальный вопросъ: у кого православіе сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ,—у грековъ или у рус-

---

²⁶⁾ Эти воззрѣнія русскихъ на грековъ и роль этихъ воззрѣній въ русской жизни подробно нами указаны въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, во введеніи.

скихъ,—причемъ естественная національная гордость и самолюбивіе русскихъ побуждали ихъ безмѣрно хвалить свое и всячески унижать греческое.

Русскіе іерархи хорошо знали, что флорентійская унія была дѣломъ только политическаго разсчета, дѣломъ немногихъ, а не всего народа, что въ дѣйствительности греки относились къ уніи съ ненавистію и никогда не признавали ея, такъ что и послѣ флорентійской уніи православіе въ Греціи сохранилось попрежнему. Въ этомъ смыслѣ наши іерархи и дѣлали заявленія. Такъ первый самими русскими поставленный митрополитъ Іона, въ посланіи къ кievскому князю Александру Владиміровичу, пишетъ: „ты самъ знаешь, что случилось въ Царьградѣ *въ царяхъ и патріаршество*... въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы, *тогда какъ ни въ монастыряхъ, ни въ одной изъ церквей въ Царьградѣ и во всей Святой горѣ нидѣ не поминается имя папы, а держатъ все, по милости Божіей, добрую старину*, т.-е. митрополитъ Іона обвинялъ въ уклоненіи въ латинство только царя и патріарха, признавая весь остальной греческій народъ строго держащимся православія ³⁷⁾). Митрополитъ Θεодосій, призывая въ 1464 году новгородцевъ и псковичей къ дачѣ милостыни Св. Гробу, пишетъ, что іерусалимскій патріархъ „самъ бы пошелъ въ землю нашу, желая *по выше данной ему силѣ и по благодати Божіей, дать намъ благословеніе отъ своей руки* и даровать прощеніе грѣховъ тѣмъ, которые бы съ вѣрою ему исповѣдали“, но по обстоятельствамъ не могъ исполнить своего желанія, а прислалъ вмѣсто себя протосингела своего Іосифа съ тѣмъ, чтобы онъ былъ рукоположенъ въ Москвѣ въ митрополиты Кесаріи Филипповой, чтѣ Θεодосій, согласно желанію патріарха, и исполнилъ ³⁸⁾). Этотъ фактъ ясно говоритъ за то, что и послѣ флорентійской уніи между греками и русскими попрежнему существовало церковное единеніе.

Скоро русскіе, поддерживавшіе съ православнымъ Востокомъ постоянныя живыя сношенія, убѣдились въ томъ, что и господ-

³⁷⁾ А. И. 1, № 47.

³⁸⁾ А. Э. 1, стр. 127.

ство турокъ не искоренило православія на востокъ. Поэтому, параллельно съ существованіемъ крайнихъ воззрѣній, признающихъ грековъ потерявшими православіе, мы встрѣчаемъ у русскихъ и мнѣнія совершенно противоположныя. Извѣстный нашъ путешественникъ XVI вѣка по святымъ мѣстамъ, Трифонъ Корабейниковъ, въ описаніи своего путешествія, которое было столь любимымъ и распространеннымъ чтеніемъ въ древней Руси, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „и вииде патріархъ (іерусалимскій) святѣйшій (въ великую церковь) съ православными христианами (иже) суть: греки и сиряне, и серби, ивери, и Русь, арелланите (?), волохи. А латыни и воѣ еретики, игумены и попы ихъ, взимають огонь отъ христіанскаго кадила, что на гробѣ Господни, и своя кадила зажигаютъ, а святѣйшій патріархъ свѣщъ имъ изъ своихъ рукъ съ огнемъ небеснымъ не дастъ, удаляется отъ нихъ и не советуетъ съ ними ничто же... Служилъ патріархъ (александрійскій въ Синайской обители) со всѣмъ соборомъ, у Николы чудотворца и облачался все по нашему російскому обычаю“. О синайскихъ инокахъ, удивляясь ихъ суровой жизни и терпѣнію, Корабейниковъ замѣчаетъ, что онѣ „подобни ангеломъ“, „зѣло подвижны къ Богу“. Прибывъ въ Райфу онъ замѣчаетъ: „въ Райфѣ же грековъ нѣсть, живутъ сиряне, вѣра православная христіанская³⁹⁾. Въ одномъ хронографѣ (списокъ котораго относится къ 1647 году) разсказывается, что четыре вселенскіе патріарха, „подвижеся отъ Св. Духа“, совѣщались между собою посланіями, чтобы „отъ своего четверочисленнаго и благочестиваго лика“ послать единаго въ Москву къ царю Михаилу Феодоровичу, дабы онъ поставилъ на Москвѣ патріарха, чтобы русская церковь болѣе не вдовствовала. Патріархи рѣшили для этой цѣли послать въ Москву іерусалимскаго патріарха Θεοφана, который дѣйствительно отправился на Русь и, прибывъ въ Москву, поставилъ здѣсь, съ согласія царя, патріархомъ Филарета Никитича⁴⁰⁾. Въ старинныхъ космографіяхъ (которыя А. Поповъ

³⁹⁾ Рукопись нашей Академической бібліотеки № 436, стр. 14 об., 20, 59 об. 5, 67 и 74.

⁴⁰⁾ Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, Андрея Попова, стр. 208.

подраздѣляетъ на три редакціи), про грековъ говорится въ космографіи первой редакціи: „патріархи же (греческіе) и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и святія Божія церкви ничимже вреждены суть, но тяжкими данми усмирены суть; въ космографіи второй редакціи: греки „вѣру христіанскую держать, какъ великихъ чиновъ люди, тако же и общій народъ, и въ церковныхъ чинѣхъ такоже по стариннымъ обычаямъ содержатся“; въ космографіи третьей редакціи: „грецы вѣру христіанскую имуть непремѣнну“. Греки, живя подъ турецкимъ игомъ „патріарха же и митрополиты и архіепископы своя имуть, *православни попрежнему* и монастыри и церкви имуть, аще и утѣсняеми отъ турокъ, но *благочестіе непремѣнно соблюдающе* ⁴¹⁾).

Но для насъ болѣе важны, конечно, не мнѣнія лицъ частныхъ и случайныхъ, а мнѣнія правительственныхъ и церковныхъ.

Что наши великіе князья, а потомъ цари московскіе признавали греческій Востокъ православнымъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ того, что они всѣмъ четыремъ, восточнымъ патріархамъ, затѣмъ на Аѳонъ, Синай и въ другіе знаменитѣйшіе восточные монастыри, правильно посылали значительныя дачи милостыни въ видахъ поддержанія православія на востокъ. Посылая „задравныя“ и „заупокойныя“ милостыни на востокъ, наши цари требовали, чтобы въ патріаршихъ церквахъ и въ различныхъ восточныхъ монастыряхъ молились о здравіи государя и его семьи и поминали за упокой его умершихъ предковъ ⁴²⁾). Такія отношенія нашихъ государей къ православному востоку были бы совершенно невозможны, еслибы они смотрѣли на грековъ, какъ на народъ уже потерявшій истинное православіе.

Что сама русская церковь признавала свое единеніе съ церковію греческою, признавала старѣйшинство послѣдней и ея полное православіе, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ учрежденія у насъ патріаршества. Первый нашъ патріархъ Іовъ былъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, права нашего патріарха были опредѣлены и узаконены константинопольскимъ соборомъ; въ нашихъ церквахъ при богослуженіи, въ

⁴¹⁾ Ibid. стр. 462, 499, 520.

⁴²⁾ См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. 4, стр. 105—145.

знакъ единенія русской церкви съ греческою, возносилось имя константинопольскаго и другихъ восточныхъ греческихъ патриарховъ. Филаретъ Никитичъ былъ поставленъ въ патриархи іерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ. Еслибы русская церковь дѣйствительно считала грековъ утеравшими истинное православіе, какъ бы она рѣшилась принять поставленіе своего главы отъ представителей потерявшей уже православіе церкви, и какъ бы тогда возможно было возношеніе имени константинопольскаго патриарха при богослуженіи въ русскихъ церквахъ?

Но мало того, что наши патриархи принимали ставленіе отъ патриарховъ греческихъ, но и на Москвѣ въ одно время патриархомъ избранъ былъ, и притомъ вполнѣ правильно, грекъ Игнатій. Правда противъ патриарха Игнатія у насъ возникли потомъ разныя подозрѣнія, даже высказывались сомнѣнія въ его полномъ православіи; но эти обвиненія и сомнѣнія возникли уже послѣ и источникъ ихъ заключался не въ дѣйствительномъ неправовѣрїи Игнатія, а въ его близости къ ненавистному Разстригѣ ⁴²⁾,

Въ Москву не разъ, въ концѣ XVI вѣка, прїѣзжали различные греческіе іерархи и оставались у насъ на вѣчное житіе, или на очень долгое время, причемъ нѣкоторые изъ нихъ дѣлались даже епархіальными архіереями (напримѣръ ахридскій архіепископъ Нектарій былъ у насъ, въ началѣ XVII вѣка, вологодскимъ архіереємъ). Всѣ эти выходцы-архіереи свободно пользовались въ Москвѣ своими архіерейскими правами и участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ наряду съ русскими іерархами. Отъ архіерея-выходца, желавшаго остаться въ Москвѣ, наше правительство требовало только, чтобы онъ представилъ свою ставленную грамоту и отпускную отъ своего патриарха и чтобы при совершеніи богослуженія на Руси придерживался тѣхъ

---

⁴²⁾ Одинъ хронографъ говоритъ: «Растрига низвергнувъ Іова «и на его мѣсто вводитъ на престолъ единомысленнаго себѣ Игнатія патриарха, родомъ страны италійскія, а вѣры не вѣмъ греческія, не вѣмъ латинскія, едино вѣмъ, еже православія догматы неистово исполняюща и творяща. Игнатія, его же безъ священныхъ рукоположеній (?) возведе на престолъ Растрига, сего въ Чудовъ монастырь послаша подъ начало, яко да совершенно навикнетъ благочестія вѣры, иже во Христа Бога». (А. Попова: Изборн. слав. и рус. статей внес. въ Хрон. рус. редакціи стр. 193—194).

церковныхъ особенностей, которыми русскіе отличались тогда отъ современныхъ грековъ ⁴⁴⁾).

Но признавая грековъ православными ⁴⁵⁾ и находясь съ ними

---

⁴⁴⁾ См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отнош. Рос. къ прав. востоку, стр. 145—220.

⁴⁵⁾ Мнѣніе, что русская церковь признавала грековъ православными, повидимому расходится съ тѣмъ фактомъ, что у насъ нѣкоторыхъ грековъ отдавали иногда подъ началъ для исправленія изъ христіанскія въѣры. Но это явленіе—отдача грековъ подъ началъ для исправленія ихъ въѣры,—было очень рѣдкимъ и прямо исключительнымъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгали у насъ только тогда, когда имѣлись опредѣленные данныя, что тотъ или другой грекъ, ранѣе своего прибытія въ Москву, или отступалъ отъ православія, какъ это было, напримѣръ, съ извѣстнымъ справщикомъ книгъ Арсеніемъ грекомъ; или когда прибывшій грекъ нѣсколько лѣтъ находился въ плѣну у невѣрныхъ, или вообще въ какихъ-либо особенно близкихъ и подозрительныхъ отношеніяхъ къ туркамъ, латинамъ и уніатамъ. По смыслу соборныхъ постановленій 1620 года о бѣлоруссахъ, отдача подъ началъ въ Москвѣ православныхъ кіевлянъ, имѣла значеніе мѣры чисто предохранительной, противъ возможности появленія въ Москвѣ, подъ видомъ православныхъ, лицъ въ дѣйствительности вовсе неправославныхъ, такъ что и отдача какого-либо грека подъ начало служила всегда только выраженіемъ сомнѣнія въ истинности православія даннаго лица, а не грековъ вообще. Поводы же сомнѣваться русскимъ въ православіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ грековъ, были иногда дѣйствительно вполне законные и основательные, такъ какъ между греками всегда встрѣчались лица уклонившіяся или прямо въ латинство, или чаще въ уніатство. При этомъ нельзя не отмѣтить и тотъ фактъ, что наше правительство, отдавая подъ начало православныхъ бѣлоруссовъ и грековъ, дѣлало, какъ мы видѣли выше, большое различіе между ними, и именно въ пользу грековъ: подначальнымъ бѣлоруссамъ оно запрещало входить въ самую церковь, прикладываться къ иконамъ, благословлять ихъ воздвигательнымъ крестомъ, между тѣмъ какъ подначальнымъ грекамъ, если они не обличены были въ отступленіи отъ православія, все это разрешалось, такъ что все ихъ подначальство приравнивалось къ обыкновенному говнѣнію православныхъ. Другой фактъ. Въ 1653 году иверскій афонскій архимандритъ Климъ, съ согласія всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ властей и торговыхъ гречанъ, просилъ у государя и патріарха Никона дать для прѣзжихъ грековъ особый монастырь въ Москвѣ, гдѣ бы служба совершалась на греческомъ языкѣ, потому что греки русской службы не понимаютъ, а *иные русскіе поны* мірскихъ торговыхъ грековъ въ церковь Божию божественнаго пѣнія слушать непушала, *называли ихъ невѣрными*. (Греческія дѣла 7177 года, № 13.) Но уже самое выраженіе челобитной: «иные русскіе поны показывать, что не всѣ, а только нѣкоторые русскіе священники «называли грековъ невѣрными», притомъ не духовныхъ, а мірскихъ лицъ, которыхъ они легко могли, по простому невѣдѣнію, отнести къ восточнымъ нехристіанскимъ народностямъ. Впрочемъ существованія у насъ въ значительной части общества крайн яго во

въ церковномъ единеніи, русскіе въ то же время въ дѣлѣ благочестія считали себя выше грековъ: они были убѣждены, что греки, сохранивъ у себя неповрежденною самую вѣру православную, т.-е. православное вѣроученіе, въ то же время въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, неосознательно и незамѣтно для себя, отступили отъ старины, вслѣдствіе чего ихъ церковный чинъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, уже нуждается въ исправленіи, и именно по образцу русскаго, который сохранился во всей его первоначальной полнотѣ и неповрежденности.

Указанное нами мнѣніе русскихъ ⁴⁶⁾, что греки „по грѣху

зрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, мы вовсе не отрицаемъ, а только не признаемъ его мнѣніемъ церковнымъ, хотя эти крайнія воззрѣнія, какъ значительно распространенныя, могли оказывать, въ известныхъ случаяхъ, свое давленіе и на лицъ нашей церковной іерархіи.

⁴⁶⁾ Этотъ взглядъ русскихъ, вполне объясняющій намъ ихъ отношенія къ грекамъ, съ особенною ясностію и опредѣленностію выраженъ въ запискѣ очевидца современника о томъ, «какъ служилъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій съ русскими митрополитами, съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископомъ» (въ 1619 году). Эта любопытная записка говоритъ: «егда патріархъ вошелъ въ церковь къ службѣ и тогда входъ пѣли ему подъяки казанскаго митрополита. И какъ, начало полога, пошелъ прикладыватися къ образомъ и чудотворцевымъ мощемъ, и хотѣлъ было опять стать на свое мѣсто въ церкви, и тутъ ему сказалъ спасской дьяконъ Дионисей: «поди де государь во олтарь, тамъ де приложись ко Евангелію, и крестомъ себя благословишь и властей служащихъ». И онъ пришедъ во олтарь, приложась ко Евангелію и благословися крестомъ, и служащихъ властей благословлялъ. И какъ сталъ въ церкви на своемъ мѣсте, и въ то время пришелъ ево архимандритъ и архидьяконъ во олтарь, и стали предъ престоломъ во обычныхъ своихъ рясахъ, и положили на престолѣ служебники и ризы и стихари. И Матвѣй митрополитъ учалъ имъ говорити, чтобъ онѣ служебники и ризы и стихари съ престола сняли, и впредь бы не клали, а сталибъ на обычномъ мѣсте и служебники и ризы и стихари клали, гдѣ пригодится, а не на престолѣ. И они рѣчи его не узнали, и съ престола ризъ и стихарей не сняли, и митрополитъ велѣлъ дьякону своему соборному Ивану ризы и стихари съ престола снять и положить на обычномъ мѣсте, идѣже имъ быти достоитъ. И они учали опять ризы и стихари класть на престолъ. И Матвѣй митрополитъ и архіепископъ Иосифъ (Рязанскій съ 10 генв. 1619 г.) изъ олтаря вышли. А въ то же время приходилъ Иона митрополитъ (крутицкій съ 1613—1624 г.) прикладыватися къ чудотворцевымъ мощемъ, а служилъ в архангеле. А учали патріарху говорити: «великій господи́нь святѣйшій Ѳеофанъ патріархъ, наша истинная православная христіянская прковь не прила сего чина. Пришелъ твой архимандритъ и архидьяконъ

позалоснѣли отъ перваго, преданнаго мнѣ чина“, со времени патриарха Іосифа, въ передовомъ, вышнемъ и бодѣе образованномъ московскомъ кругу, стало *уступать* другому мнѣнію, что грѣши доселѣ, *со* *всема* держать православную вѣру

во *вѣрѣ* и стали предъ престоломъ въ однихъ раскахъ безъ ризъ и безъ стихарей, а *положили* на престолахъ служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того не ведется, что на престолахъ Евангеліе и крестъ, а иного ничего не кладуть. А предъ престоломъ приходишь ты, да со служебники твои митрополиты и архиепископы и епископы въ своихъ манаткахъ, а кромѣ того, ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы крестю не приходятъ, точию въ едонахъ и стихаряхъ. И патриархъ противу того сказалъ: «то да учинилося просто, а впредь не того же будетъ». Да митрополиты жъ Матвѣй и Иона, и архиепископъ Іосифъ патриарху говорили: «ризъ де на твоихъ архимарите не по чину, оплечья у нихъ ни подолникоу нѣтъ, а у стихаря такоуж оплечья нѣтъ ни подпазушникъ пройма, а у насъ въ правдехъ писано, да вашего жъ греческаго закона: стихарь есть великая иражда на (небеса) благодареніе Его съ нами; не дошитою подпазушкою,—ребромъ язва, а оплечье,—рана батожная. Запятіе есть, имже бѣ связанъ: рудѣ бо Его напредъ связаша; патриархомъ есть, имже вѣдоша къ распятію не уже бо, но плащъ возложиша на выю его и совоушиша оба конца тако и ведоша. Фелонъ есть хламида червленая или котига не шитая, съ бѣлую жъ ризу обмачиша по образу Вышнѣго, якоже рече евангелистъ: ризы же Его быша бѣлы яко свѣтъ». И патриархъ сказалъ у насъ де такъ, какъ де есть. А после архимаритъ его сказалъ: «естъ де и у насъ ризы по вашему жъ сдѣланы, а тѣ же сдѣланы въскорѣ». И патриархъ же говорилъ митрополитомъ: «Бога ради, де, указывайте намъ по своему, какъ де у васъ чинъ ведется, а я де радъ слушати».

Агда его облачалъ архидьяконъ и говорилъ по своему языку зично: зисподати деспота, князая съ правне страны, а не противу патриарха. И какъ патриархъ ободося и подяки пѣди ему: исподати деспота, и онъ въ то время всталъ и архидьяконъ его поднесъ ему подсвѣщникъ серебрянъ, по своему ихъ обычаю учивенъ на три шадаца (шандана), а въ тѣхъ шанданѣхъ по свѣщи, и онъ тѣми свѣщами учалъ освѣяти кругомъ на всѣ четыре страны и параманѣ (параманда) служебнаго у него не было, лише тогъ парамандъ, что на свитке, а понагию возложи на верху сана и амаюра. И митрополиты и архиепископы ему о томъ говорили, и онъ сказалъ: «парамандъ де на мнѣ есть на что де другой»; а про понагию учили говорить, и онъ отказалъ же: «у насъ де такъ ведется»; а шапка на немъ была безъ опушки на черномъ бархате прибываны плащи, какъ коруна позлащени да каменны сажены, а святыхъ нѣтъ, лише на верху выбитъ крестъ, да по странамъ четыре херувима и серафима; а на проскомидіѣ дѣйствовалъ надъ одѣтѣмъ агнецомъ, а в прочие просвиры стоялъ по обычаю, какъ дѣйствовали власти, и ему говорили: «какъ де ты государь служилъ преже сего и ты де просвиры задривные вынѣмалъ въ херувимскую пѣснь, а у насъ того чину не ведется, и тебѣ бѣ государъ такоуж нинѣ вынимати задривные просвиры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь». И патриархъ говорилъ: «и

ненарушимою, что русская церковь и въ церковно-обрядовыхъ вопросахъ должна неуклонно держаться постоянного единенія съ греческою церковію. Уже въ большомъ Катихизисѣ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1627 году, на вопросъ: действит-

я де стану дѣйствовать по вашему жъ чину, а вопрекъ де тому у меня арбудеть». Потомже пришесть Арсенен архіепископъ суждальскій и онъ патриарховъ арамъ знаетъ и патриархъ дѣйствовалъ все по нашему, какъ ему Арсенен укажетъ, а молитвы и октеньи и возгласы говорилъ своимъ языкомъ, по своему служебнику, і въ службѣ освящать нашими свѣщани, диме какъ началъ говорить: *глаголю отъ твоихъ, і въ тѣ поры архидьяконъ ево руку правую положи на глѣву и коснулся ко святни дискоу подвинулъ по престолу вопрекъ правой рукой, а возглаголю глѣвою рукой подвинулъ. Ино власти о томъ патриарху говорили: «указъ де того дьяконъ не дѣйствуетъ, то де ерейская служба», и они в томъ прощениѣ получили, а ни в чемъ не пререковали, потому что у нилъ, по греху покаялись отъ перваго преданнаго имъ чина). И какъ постъ службы провокали его до келии митрополиты и архіепископъ, и онъ обратился говорить: «пресѣвими де вы меня своимъ благочестиемъ, и напоми де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много челоуъ бѣю». (Эта записка, явленная изъ нашей академической рукописи № 202, напечатана архимандритомъ Леонидомъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г. кн. II.) Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, въ чемъ собственно русскіе іерархи полагали недостатокъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ современныхъ грековъ: они были убѣждены, что греки «позакосѣли отъ перваго преданнаго имъ чина»—погрѣшили въ вѣсторазжъ церковныхъ чинахъ, которые во всей ихъ первоначальной чистотѣ и неизмѣненности сохранились теперь только у русскихъ. Ироническія слова патриарха Теофана, съ которыми онъ по окончаніи службы, обратился къ сопровождавшимъ его русскимъ іерархамъ: «просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ и напоми де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, і въ томъ де вамъ много челоуъ бѣю»—были приняты русскими за чистую монету, такъ что они вполнѣ были увѣрены, что имъ дѣйствительно приходится, относительно церковнаго чина, поучать самихъ восточныхъ патриарховъ. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и влччаръ Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, который въ преніяхъ по поводу перекрещиванія датскаго королевича Вольдемара, заявлялъ нѣмчину-пастору Матѣю: «да хотя тебѣ и не годны кажутся наши книги, но во всѣ царства христіанскіе на востоцѣ и на полуднѣ и на западѣ и гдѣ ни есть христіане, то начальники ихъ: патриархи и митрополиты и архіепископы и весь чинъ священноі, къ нашему государю царю и великому князю Михаилу Теодоровичу всея Русіи и ко святѣйшей церкви поклоняются и со слезами просятъ, еже не пици и одежды, но ученія і заступленія о православной вѣрѣ, и не отъ четырехъ патриарховъ вселенскихъ, но отъ дому пречистые Богородицы великия Росіи, отъ владычества государскаго. И имъ государь нашъ, глава христіанская, съ пастыремъ своимъ, есегда всѣмъ ищущимъ христіанскую вѣру соблюдать, і яко единому тѣлу своему, споболѣзнуеть и писаними и ученими і духовною пицею всегда веселаетъ и*

тельно-ли римляне первоначальники въ вѣрѣ, дается такой от-
ветъ: „не первый есть законъ, или вѣра римская, покуда на-
чало вѣрѣ Христовѣ отъ Іерусалима пріять Римъ, иудеи (въ
Іерусалимѣ) и до сего времени греки цѣлу и ненарушиму сохра-
няютъ ея⁴⁷⁾. Мысль о подножъ православіи современной грече-
ской церкви, о всегданнемъ единеніи съ нею церкви русской
ясно и опредѣленно высказалъ самъ патріархъ Іосифъ въ сво-
емъ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару. Въ первомъ
своемъ посланіи къ Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ
Іосифъ между прочимъ пишетъ, что „греки и Русь“, отвергли
спасу „за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ“, „а назвали
соборную наеолоическую церковь едину восточную, которая седь-
мию вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ во всемъ
ненарушиму, цѣлу и невредиму соблюдаетъ и до днесь“, что
„римляне и германе“ не крестятся прямымъ крещеніемъ, „якоже
изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими
седмию соборы въ три погруженія, еже и донынѣ у грековъ и у
насъ Руси невредимо соблюдаемо есть“. Во второмъ посланіи къ

прохлаждаетъ и упокоиваетъ всякими потребами, и церкви всѣ во вселенной ве-
селятся и радуются о его владычествѣ надъ христіанами» (Рукопись Синод. би-
блиотеки № 857, л. 185 об.—186). Но что подъ этимъ наученіемъ восточныхъ
іерарховъ со стороны русскихъ вовсе не разумѣется наученія собственно вѣрѣ,
которая сохранилась у грековъ во всей ея цѣлости и неповрежденности, а на-
ученіе именно церковному чину, въ которомъ греки по грѣхамъ «позакосили». —
это доказывается еще и слѣдующимъ заявленіемъ одного изъ современниковъ пре-
ній по поводу вопроса о переименованіи королевича Вольдемара. Этотъ совре-
менникъ, описывая исторію сватовства Вольдемара, неудачныя попытки вновь
окрестить его, заявляетъ, что весь западъ развращенъ папою и Лютеромъ, и на
востоки народы «во тмѣ пребываютъ, непросвѣщенны же божественнымъ свѣтомъ,
сирѣчь святымъ крещеніемъ, кромѣ греко-русскія вѣры: грекове, *тии еще хра-
нятъ Божественный законъ*, аще и въ неволи пребываютъ *того ради помзми-
нишася, но обаче еще держатъ нашу христіанскую вѣру, иже предана
намъ отъ самого Господа нашего Іисуса Христа, и отъ святыхъ его уче-
никъ и апостолъ и отъ святыхъ отецъ*». (Рукопись: Книга преій по брачному
дѣлу Валдемара датскаго королевича, изъ собранія Е. В. Барсова.)

⁴⁷⁾ Л. 26. На соборѣ 1620 года Филаретъ Никитичъ между прочимъ говоритъ:
«мы же смиреннѣе храняще его (патріарха Гермогена) наказаніе, и тамо въ
польскихъ градѣхъ бывше, ничтоже отъ поведѣнія его неуступихомъ и ни въ
чемъ ни мало не сложихомся ко отвергшимся отъ соборныя церкви и отъ все-
ленскихъ патріархъ».

Вольдемару Іосифъ пишетъ, что русскіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимирѣ, что „съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архіепископы и архимандриты прежде сего и нынѣ прѣбываютъ; да еще и сами патріархи свидѣтельствовавшие въ старѣ (т.-е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней“⁴⁹. Доказывая, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ іерусалимской истинной церкви принадлежать теперь и другія „паче же и четыре патріаршіе мѣста, къ сему же (въ истинной іерусалимской церкви) съ тѣми (четырьмя восточными патріархатами), со всеми святыми вкугѣ, и наша святая великая русскійская церковь соизласуется правымъ исповданіемъ“⁴⁹). Такимъ образомъ патріархъ Іосифъ самое православіе русскихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскими, православную вѣру, „ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь“.

Съ особенною силою и опредѣленностію мысль, что четыре греческіе патріарха доселѣ во всемъ сохранили православную вѣру неизмѣнною, что они ничего не измѣнили даже ни въ какомъ церковномъ преданіи и древнемъ постановленіи, доказывается въ изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ знаменитыхъ книгахъ, доселѣ уважаемыхъ нашими старообрядцами, въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Вѣрѣ. Въ Кирилловой книгѣ (л. 93) говорится: „четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, тако же и по единому, писаньи своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ, и ихъ учениковъ, и седми вседенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держамъ и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа“. Въ книгѣ о Вѣрѣ такимъ образомъ характеризуется современное

⁴⁹) Рукопись нашей академической библіотеки, № 338, л. 3, 96, 99 об.

положеніе греческой церкви, страдающей подъ игомъ невѣрныхъ турокъ: „святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Иисуса Христа Бога и Спася нашего и истинныхъ его наследниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не свращаяся къ горнему Иерусалиму сыны своя препровождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чемомъ установленіи Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отцевъ преданія, и седьми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отнимаетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, ни прибавляя, ни отнимая* что но яко солнце одинакою лучею правды всегда, *аще и въ неволи пребывая*, свѣтится правою вѣрою. А чтобы лучше православыи христіане въ той мѣрѣ вѣдомость могли имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ Греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственнаго врага неволю терпѣтъ, но вѣру истинную, и совѣсть свою чисту и несверну, царю нехъ всіми цари и Богу сохраняють. Ничего бо турки отъ вѣры, *и отъ церковныхъ чиновъ отнимають*, точию дань грошовую отъ грековъ приѣмлютъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣнствѣ ни мало не належають, и не воступаютъ въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ огнестерской быше, вѣры не отпадоша, и первіи христіане, въ триста лѣтъ въ тѣмной неволи будучи, вѣры не догубиша, тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *да зарадятся всякая уста малолуцихъ неправду, гордыню и уничиженіемъ, на смиренныхъ грековъ!*“ „Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Но рекуть римляне, яко патриарси со всімъ духовенствомъ турецкому дани дають: и то есть правда; нечего тому дивитися: аще и дають, да волю имуть свое, благочестіе содержати, зане и Христосъ Богъ нашъ св. Петру за себѣ и за его повелѣ дань воздати,—и нѣсть рабъ болій господина своего... Всеу безъ ума биснушы римстїи гордостію безмѣрною возносятся, яко богатый онъ, и укоряють убогаго въ душѣ Лазаря, иже въ терпѣніи возложеннаго креста Господня, съ ярма своего не снимаючи носить, и терпятъ съ Лазаремъ и съ иными избранными Божіими смиренніи грекове, дондеже

Вотъ извѣщать... Слушати, говоритъ таже книга, составленная по совѣту и благословенію патріарха Іосифа, слушати восточныхъ перлве и патріарха константинопольскаго и прочіихъ четырехъ, творить намъ оную пользу: благословеніе временное и спасеніе вѣчное. *Русійскому народу патріарха вселенскіа архієпископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и науцъ духовной естъ польза, и пріобрѣтѣніе велие, спасительное и точное*...⁴⁹⁾.

Очевидно, что эти возрѣнія на грековъ и греческую церковь, высказанныя въ Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Бѣрѣ, прямо подготавливали почву для церковной реформы Никона, создавали прочіую опору для всей будущей его реформаторской дѣятельности, ибо они рѣшительно опровергали ходившіе и очень распространенные на Руси слухи о потерѣ греками истиннаго православія, указывали на необходимость полнаго единенія русской церкви съ греческой, которая во всемъ, не исключая самыхъ церковныхъ чиновъ, осталась до послѣдняго времени строго вѣрна древнимъ уставамъ и преданіямъ „не отступивъ отъ нихъ и въ малѣйшей части“.

Заявляя о полномъ единеніи русской церкви съ греческою, что „съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся“, что русскому народу константинопольскаго патріарха „слушати и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцъ духовной естъ польза“, патріархъ Іосифъ доказывалъ это и самымъ дѣломъ. Онъ обратился къ константинопольскому патріарху съ особою грамотою въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно-ли мнѣгимъ архієреямъ и іереямъ служить божественную литургію двумя потирами? Подобаеть ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единокласно? Нѣкоторые жены оставляютъ мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужи оставляютъ жѣны своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ, или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа былъ полученъ изъ Константинополя соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ заявлялось, что великая констан-

---

⁴⁹⁾ Главы: 2, 20, 26.

тихопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзать двери вѣрнымъ къ разумнѣю божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумнѣи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, „напаяетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви“, такъ какъ она всѣ догматы благочестія „хранитъ ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняли, не умалили и не прибавили“. Въ тоже время константинопольскій патріархъ прислалъ Іосифу грамоту отъ себя лично, въ которой опять заявляетъ, „что если иное что понадобится блаженству вашему, то блаженство ваше братскою о Богѣ любовію, пусть ищетъ какъ и присылаетъ вопросы о исправленіяхъ церковныхъ, ибо великая церковь Христова, благодатию Святаго Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна въ нихъ исправлять неисправленное; святая каеолічественная, амертольская великая церковь Христова, противъ прошенія никогда безотвѣтною не бываетъ“³⁰⁾.

Такимъ образомъ уже патріархъ Іосифъ считалъ нужнымъ и необходимымъ обратиться къ патріаршему константинопольскому собору, какъ къ такому учрежденію въ православной церкви, отъ котораго русская церковь должна получать указы и отвѣты по поводу разныхъ возникающихъ въ ней церковныхъ вопросовъ и недоумѣній³¹⁾. Этими самымъ патріархъ Іосифъ от-

³⁰⁾ Греческія дѣла 7159 г. № 8.

³¹⁾ При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее малопонятное обстоятельство: вполне естественно было ожидать, что Іосифъ, въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи, сошлется на присланный ему отвѣтъ константинопольскаго патріарха, иначе самое его обращеніе къ нему не имѣло бы цѣли. А между тѣмъ въ соборномъ опредѣленіи 1651 года о единогласіи, Іосифъ вовсе не упоминаетъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха, а ссылается только на постановленіе русскаго Стоглаваго собора. Чѣмъ объяснить это явленіе? Возможны два предположенія: Іосифъ въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи нарочно умолчалъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха изъ опасенія, какъ бы эта ссылка на авторитетъ современныхъ грековъ не вызвала протеста со стороны сильной въ то время партіи ревнителей русской старины, признававшихъ грековъ удержавшими истинное благочестіе, такъ что это умолчаніе со стороны Іосифа было дѣломъ осторожности и благоразумія, слѣдствіемъ его нежданія произвести возможныя церковныя волненія. Но, кажется, вѣроятнѣе будетъ объяснить это дѣло предположеніемъ, что Іосифу, въ окончателъной редакціи соборнаго постановленія о единогласіи, просто не дозволили упомянуть объ отвѣтѣ константино-

крыто призналъ, что константинопольская церковь по прежнему дѣйствительно „напаяетъ и подаетъ жизнь всѣмъ церквамъ“, что въ дѣйствительности она всѣ догматы благочестія по прежнему хранить „ненарушимо и неподвижно, ничего не умалая и не прибавляя въ нихъ“, и что, такъ какъ она есть „источникъ и начало всѣмъ церквамъ“, то ей и принадлежитъ право во всѣхъ другихъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ „исправлять неисправленное“. Понятно, какой сильный удар наносилъ этимъ

польскаго патриарха, а заставили его сослаться только на постановленіе Стоглаваго собора. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: враждебные патриарху Іосифу (о чемъ сказано будетъ ниже) Стефанъ Вонифатьевичъ и Нероновъ ввели сначала единогласіе въ своихъ церквахъ въ Москвѣ, а затѣмъ, другъ ихъ Никонъ, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, ввелъ единогласіе въ своей епархіи. Дѣлалось это, вѣроятно, съ разрѣшенія только царя, во имя патриарха Іосифа, который по этому и отнесся къ введенію единогласія, какъ къ своеволю и самочинію подчиненныхъ ему лицъ, но на сторонѣ которыхъ стоялъ однако царь. Такъ какъ Стефанъ, Нероновъ и Никонъ въ оправданіе своего образа дѣйствій, вѣроятно, сослались на ясное и опредѣленное постановленіе объ единогласіи Стоглаваго собора, то Іосифъ, изъ противодѣйствія имъ, обратился къ константинопольскому патриарху и рѣшился ввести единогласіе только послѣ дозволена отъ него. Помощительскаго отвѣта, считая вопросъ о единогласіи даже бы еще на рѣшенныхъ церковію окончательно. Понятно отсюда, что значило для заинтересованныхъ лицъ, сослаться ли соборное опредѣленіе о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патриарха, или на постановленіе Стоглаваго собора. Въ первомъ случаѣ, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія было бы самочиніемъ, своевольнымъ введеніемъ въ церковную практику того, что еще не рѣшено было окончательно голосомъ церкви; во второмъ случаѣ, т.-е. когда исходной точкой для рѣшенія вопроса бралось только постановленіе одного Стоглаваго собора, какъ вполне достаточное, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія не только не было актомъ своеволия, но простымъ выполненіемъ обязательныхъ для каждаго соборныхъ постановленій, за что они заслуживали уже не порицанія, а похвалы. Въ виду этого, если интересъ патриарха Іосифа требовалъ опереться въ соборномъ рѣшеніи 1651 года о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патриарха, то интересъ Стефана, Неронова и Никона наоборотъ требовалъ сослаться на Стоглавый только соборъ, который вполне оправдывалъ ихъ предшествующій образъ дѣйствій въ вопросѣ о единогласіи. А такъ какъ патриархъ Іосифъ въ это время уже сильно потерялъ свое значеніе и вліяніе и царь вполне находился на сторонѣ Стефана, Неронова и Никона, то Іосифъ и долженъ былъ уступить своимъ сильнымъ, опиравшимся на царя, противникамъ, вслѣдствіе чего въ соборномъ постановленіи 1651 года о единогласіи и было упомянуто только объ опредѣленіи Стоглаваго собора, и вовсе умолчено объ отвѣтѣ константинопольскаго патриарха, — это было, очевидно, пораженіемъ для Іосифа и торжествомъ для его противниковъ

Иосифъ тѣмъ представленіямъ русскихъ, по которымъ истинному благочестію теперь слѣдовало учиться не русскимъ у грековъ, а совершенно наоборотъ; понятно, какъ недовольны имъ были всѣ ревнители родной старины, убѣжденные, что у современныхъ грековъ благочестія „и слѣду нѣтъ“, что самая вѣра православная у нихъ сдѣлалась „пестра“; понятно также, что Иосифъ, своимъ обращеніемъ къ авторитету константинопольскаго патріарха, при рѣшеніи русскихъ церковныхъ дѣлъ, уже прямо указывалъ на тотъ путь, которымъ слѣдовало идти его преемнику Никону въ его реформаторской дѣятельности.

Г Л А В А ІІІ.

Сознаніе, что наши церковныя книги неисправны, заключаютъ въ себѣ много погрѣшностей, что ихъ необходимо исправлять и притомъ по греческому тексту, существовало у насъ давно. Книжныя исправленія Максима Грека, такъ печально окончившіяся для самого исправителя, были вызваны этимъ именно признаніемъ неисправности существующихъ наличныхъ славянскихъ переводовъ. Ученики и сотрудники Максима, сами трудившіеся надъ книжными переводами, рѣшительно заявляютъ, что славянскіе переводы книгъ неисправны, такъ какъ древніе наши переводчики нерѣдко плохо знали языки греческій и русскій и потому не могли сдѣлать хорошихъ переводовъ книгъ⁴²⁾. Но эти заявленія просвѣщенныхъ сотрудниковъ и учениковъ Максима не имѣли практическаго значенія, отчасти потому, что въ рус-

---

⁴²⁾ Нилъ Курлятевъ, переведшій съ греческаго псалтырь, подъ руководствомъ Максима Грека, въ предисловіи пишетъ: «якоже пишетъ Иванъ Златоустый, двѣ же вины описаны неавственна глаголанія, рещи хочеть, что ради есть: единъ убо есть, яко отъ еврейскна бесѣды во еллинскна приложихася; егда же языкъ во инъ языкъ приложится много имать неудобство явленіе, но тѣи едины вѣдять, иже многимъ языкомъ искусни суть; и старецъ Максимъ родомъ грекъ и наученъ философіи въ своемъ языкѣ и второе по-римски языкъ и грамотѣ умѣлъ, третіе нашъ языкъ зналъ довольно и грамотѣ умѣлъ вельми разумно, и пожаловалъ мнѣ сказывалъ все извѣстно и по тонку вся, и азъ писалъ вся какъ стоитъ въ греческомъ разумѣ и своимъ языкомъ, вся же по ряду и прямо и безъ украшенія. А прежніи переводницы нашего языка извѣстно не знали и они превели ино гречьски, ово словенски, и ино сербски и другая болгарски, ихъ же не удумавшася преложили на русскій языкъ. А Киприанъ митрополитъ погречьски гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ,

скомъ обществѣ все глубже и шире распространялось предубѣжденіе противъ греческихъ книгъ, будто бы испорченныхъ еретиками; отчасти потому, что между русскими, даже высшими іерархами, совсѣмъ не было такихъ лицъ, которые бы хорошо знали греческій языкъ и потому могли бы ратовать за необходимость исправлять наши книги по греческимъ, проверяя возникшее противъ нихъ предубѣжденіе. Приходилось по необходимости довольствоваться только одними славянскими переводами и въ то время, когда у насъ уже завелось печатаніе книгъ и когда, слѣдовательно, нужда въ исправныхъ и однообразныхъ спискахъ сдѣлалась особенно настоятельною. Старались для книгъ, готовившихся къ печати, избирать самые лучшіе и исправные списки, но это, оказалось, мало могло помочь дѣлу, — различные древніе списки были очень неодинаковы и въ то же время каждый изъ нихъ былъ исполненъ своихъ ошибокъ и погрѣшностей. Натолкнувшіеся на эти затрудненія книжные справщики въ извиненіе погрѣшностей, допущенныхъ ими въ печатныхъ книгахъ, стали настойчиво заявлять въ послѣсловіяхъ издаваемыхъ ими книгъ, что наши древніе славянскіе переводы оказываются очень неодинаковыми, вслѣдствіе неискusstва и недостаточнаго знанія языка со стороны самихъ древнихъ переводчиковъ, что къ этому коренному недостатку присоединились потомъ и другія, происшедшія отъ ошибокъ неискusstва и неудачныхъ поправокъ разныхъ переписчиковъ книгъ, людей нерѣдко совершенно невѣжественныхъ ⁵²⁾.

нашъ языкъ, слытъ словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ коложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся) и онъ мнилъ ся, что поправилъ Псалковъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ; и нынѣ многыя у насъ и въ ея время книги пишуть, а пишуть отъ неразумія все по-сербски, и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣють, и многыя неразумныя смущаются» (Опис. рукоп. Царскаго № 327).

⁵²⁾ Въ послѣсловіи Миней служебной 1607 года говорится, что царь Василій Ивзавовичъ возвѣщаетъ патриарху Гермогену, «дабы ему, еже по духу съ сынами своими, соборнѣ изсидѣтельствовати вселѣтное обхожденіе книгъ дванадцать мѣсяць Миней; отъ многихъ бо хѣтъ сія книги, егда отъ греческаго языка на словенскій предложены, и мнози древнии преовдичны и претидущици или изроншиа, или смѣсишиа, или съ чужь погрѣшишиа»... (Опис. старопеч. книгъ Толстаго, № 51). Въ предисловіи къ Уставу церковному, начатому печатаніемъ въ

Повторяющіяся жалобы на несправность древнихъ славянскихъ переводовъ, на ихъ несогласіе между собою, въ концѣ-концовъ естественно должны были привести, особенно болѣе образованныхъ книжныхъ справщиковъ, къ мысли обратиться къ греческимъ подлинникамъ и по нимъ править наши книги, такъ какъ

1607 году, а оконченному въ 1610 году, говорится: «отъ инокъ бо хѣтъ сія книга, егда отъ греческаго языка на словенскій переведена, и мнози преводници, или преписующи, или изрочиша, или смѣсиша, или въ члѣт погрѣшиша» (Опис. старопеч. книгъ Царскаго № 50). Въ послѣсловіи къ Потребнику, начатому печатаніемъ въ 1631 году, а оконченному въ 1633 году, говорится: «слышавши бо благочестивѣйшіе пастыри е оны, Богомъ въчтанныи царь и отецъ его святѣйшій патриархъ, мною тако е преводниши еше въ божественныхъ писаніяхъ разласіе, еже къ заподѣдемъ Госюда нашего Іисуса Христа несличное стихословіе, и сіа разумно внемлюще не маду вину быти благочестію, и помншающе, каа и откуду естъ вима такоа разласіа божественныхъ писаній церковнао соединенія: и на мнози испитующе, и отъ блаженныхъ писаній извѣщавахуса, яко вичиамъ же мѣ въ житейскихъ вещехъ истинѣ быти въ предреченной книгѣ, точіо: за небреженіе и гѣнотъ и негѣдніе божественныхъ писаній, вѣлае несогласіе и разстояіе въ церковнѣмъ соединеніи случаетса, и тако самовольнѣ терчіемъ небреженія дуть правый покрывашеса». Въ виду этого царь и патриархъ «восхотѣша во святѣй величїи и апостольской церкви несогласная въ божественныхъ писаніяхъ согласіемъ исправити... повелѣста отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собирати, и во свидѣтельству божественныхъ писаній благоразсудный оной совѣтъ праводавати, и отъ тѣхъ древнихъ харатейныхъ книгъ божественныхъ писаній стихословіе исправлати, яке несправленіемъ отъ преписующихъ и многогѣтныхъ обичаевъ погрѣшена быша» (ibid № 99). Съ особенною силою о невозможности издавать исправныя печатныя книги, на основаніи только старыхъ славянскихъ переводовъ, заявляютъ справщики при патриархѣ Іосифѣ. Издавая въ 1647 году книгу Іоанна Лѣтвичника, они заявляютъ въ послѣсловіи: «еще же вамъ, христовременитому достоянію, и о семъ не незавѣстно буди, яко не мали переводы сіа святая книги Лѣтвици къ тасненію печатнаго дѣла собраніа, еще же и самая та книга, Лѣтвица, яке въ Царѣградѣ списаса инокомъ трудолюбивымъ Ефремомъ, въ обители пресвѣтлѣи владичици нашеа Богородици Иперивлето, въ гѣто 6929, но вси несогласіемъ друга друзей въ немамъ согласуютъ: иже въ сей напредѣ, то въ друзей назади, въ вреность реченія словеса и не порядку, и не точію же се, но и въ сущихъ речеахъ и толкованіихъ мноа не сходятся; но не неазирахомъ бо въ Царѣградскую, правленія ради реченій, зане бѣше въ переводѣ крѣпчайши прочиихъ, а не раду. И о семъ да никтоже на ны поречеть, яко друга друзїи книга не согласуетъ: не нами бо сіе, но отъ преже насъ бывшихъ, паче же, еже во грѣсехъ преводы съ преводами несогласующеса, а и еще въ древнихъ мѣтахъ. Якоже глаголетъ преподобный отецъ Никонъ, черныя горы инокъ, вторыа своа книги

только при этомъ условіи будетъ полная возможность издавать у насъ вполне исправныя церковныя книги. Къ этой именно мысли и пришли книжные справщики при патриархѣ Іосифѣ. Но такъ какъ у насъ доселѣ книги исправлялись только по славянскимъ переводамъ, а къ греческимъ книгамъ большинство относилось очень подозрительно, то іосифовскіе справщики повели дѣло очень осторожно, сначала рѣшились подготовить почву для замышленного дѣла, а потомъ, когда общественное мнѣніе будетъ нѣсколько подготовлено, приступить и къ его осуществленію. Уже Кириллова книга и книга о Вѣрѣ значительно подрывали, какъ мы видали, предубѣжденіе русскихъ противъ грековъ вообще и утверждали русскихъ въ той мысли, что греки такъ же православны, какъ и русскіе; послѣ этого оставалось разрушить предубѣжденіе русскихъ противъ греческихъ книгъ и ввернуть въ нихъ убѣжденіе, что наши церковныя книги должны быть исправлены по греческимъ, причемъ исправленіе должно быть поручено людямъ, получившимъ научное образованіе. Это должно было сдѣлать очень обширное, составленное въ Москвѣ, предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, напечатанной у насъ въ 1648 году.

Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго приводятся обширныя выписки изъ тѣхъ сочиненій Максима грека⁴⁴⁾, гдѣ только онъ говоритъ о своихъ книжныхъ исправленіяхъ. Всѣми этими выдержками изъ сочиненій Максима Грека илѣтся въ виду внушить читателямъ такія мысли: русскія церковныя книги дѣйствительно очень неисправны, заключаютъ въ себѣ много погрѣшностей, которыя произошли или отъ недостаточныхъ знаній всѣхъ тонкостей греческаго языка первыми переводчиками, или „отъ переписующихъ ихъ ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ ра-

---

въ первомъ своемъ словѣ, еще: потребно же есть видѣти, яко иже изначала сущая братія со мною свидѣять, яко различни типики, студійскія же и іерусалимскія, собрахъ и прочтохъ, и не согласисаха единъ къ другому, нѣже студійскій съ другимъ студійскимъ, ни іерусалимскій, съ другимъ іерусалимскимъ... Сиде убо глаголетъ преподобный отецъ Никонъ, *по сему убо и въ прочіахъ познаваемъ якоже и сами кнѣзь зримъ несходство*». (Ibid. № 154).

⁴⁴⁾ Мы приводимъ здѣсь содержаніе только второй части предисловія, о первой же, трактующей о пользѣ научнаго образованія, скажемъ послѣ.

зубъ и хлѣбности грамматикійстѣй“, которые, „послѣ первыихъ“, „котѣще, якобы исправить и наиболее испортили“. Исправленіе книгъ Максимомъ было не только дѣломъ необходимымъ, но и богоугоднымъ, почему Максимъ и осуждаетъ тѣхъ, которые „не точно возбражаютъ такому богоугодному дѣлу“, но даже называютъ его за это еретикомъ. Исправленіе русскіихъ церковныхъ книгъ не можетъ „прилагать велию досаду возсіявшимъ въ русской землѣ пресвѣдѣннѣйшимъ чудотворцамъ“, которые „снѣзными свѣдѣнными книгами благоугодиша Богови, какъ это говорили неразумные люди Максиму. Дары Святаго Духа даются людямъ различныя—одному даръ пониманія явна, а другому, и именно русскимъ святымъ, этого дара не было дано. Русскимъ чудотворцамъ также не можетъ быть никакой досады отъ книжамъ исправленій, какъ отъ того, что Снмакъ, Ведотіонъ и Анида исправили Веткій Заѣтъ, не было поношенія всѣмъ тѣмъ святымъ, которые жили до нихъ. Русскія книги слѣдуетъ исправлять и именно по греческимъ книгамъ, какъ своему первообразу и первоисточнику, въ подтвержденіе чего предисловіе приводитъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ ученика и сотрудника Максима, Силуана: „аще ли кто отъ ученыхъ обрящетъ разуму разуму несогласующъ, той да вручить первообразную ону богодохновенную исторію вѣдиноую, самую ту матеръ сея, и тако отъ той сумнѣніе свое и иныхъ многихъ, да разрѣшаетъ, и неисправленное исправляетъ безъ сомнѣнія всякаго, сія и намъ пріятна и зѣло желательна, *кромъ же сія да не прельститъ починити, да не реку испортити*“. Исправлять русскія книги съ греческихъ должны только люди, въ совершенствѣ знающіе греческій языкъ и при этомъ хорошо изучившіе разныя науки. Максимъ Грекъ говорить объ этомъ: „аще кто недоволенъ и совершеннѣ научился будетъ яже грамматикіи и риторикіи и самыя философіи, не можетъ прямо и совершенно ниже разумѣти писуемая, ниже приложити я на инъ языкъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорить: „Еллинскій языкъ, сирѣчь греческій, зѣло есть хитрѣйшій, не всякъ сиче удобъ можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей и той, аще грекъ будетъ родомъ и умомъ остръ, еще же и охочъ, а точію не таковъ, учится убо отъ части, а въ совершеніе его не дошелъ, якоже обрѣтаю случшееся и присно-

памятныхъ переводниковъ святыхъ писаній отъ греческаго языка на русскій“... Приводятся и слѣдующія слова ученина Максима, Силуана: „вѣвъ многихъ отъ тщесавія въ таково безуміе пришедшихъ, яко невѣдѣти ничесого грамматичнаго устроенія, ниже родовъ, ниже временъ, ниже окончаней и прочихъ таковыхъ, яже изложиша премудрѣйшіе учителя, та же съ таковыми неразуміемъ шатающихся прелгати неудобъ разумная и исправляти, да не реку сопротивная творити“⁴⁵).

Такимъ образомъ подъ покровомъ авторитета всѣми уважаемаго и почитаемаго Максима грека, этого единственнаго ученаго человека московской Руси, Іосифовскіе книжные справщики смѣло и рѣшительно проводятъ ту мысль, что русскія церковныя книги очень неисправны и потому нуждаются въ немедленномъ тщательномъ исправленіи, которое не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго или противнаго благочестію, что исправлять наши церковныя книги слѣдуетъ по греческимъ, какъ своимъ первообразамъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ наши книги могутъ издаваться вполне исправными, что исправленіе книгъ должно быть поручено людямъ не просто только знающимъ греческій и славянскій языкъ, но людямъ правильно и научно образованнымъ, такъ какъ только они могутъ понимать всѣ тонкости языка греческаго и славянскаго.

Эти заявленія Іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ произвели свое дѣйствіе. Въ 1549 году, по вызову правительства къ намъ являются ученые, знающіе греческій и латинскій языки, кіевляне:

⁴⁵) Іосифовскіе книжные справщики и ранѣе 1648 года заявляли уже объ исправленіи книгъ по правиламъ грамматики и о необходимости ея изученія для справщиковъ. Въ послѣсловіи къ Апостолю 1644 года они говорятъ: «и о семъ же вѣсѣ не возможимъ, яко да не позааритъ ваша купно общаго свѣта совѣсть, егда убо узрите въ письменѣхъ (яковы рещи занедовыченіе) странность или въ просодіи, и возмнитса въ яко ново сіе и необычно: ей ей не ново и не нами убо сія вписашася, но ово убо отъ древнихъ вѣдущихъ доброписцевъ нашея Великія Руси, овоже отъ грамматическаго любомудрія, сирѣчь отъ осмочастнаго разумѣнія и правленія въ родѣхъ, въ числѣхъ, въ вѣдѣхъ, во временѣхъ, въ лицѣхъ, въ наклоненіяхъ... А грамматическаго убо, сирѣчь осми частей слова и разума вѣдѣніе, трудно, но внятельно и смыслу сердець нашихъ просвѣтительно; безъ сего убо кто и мняся видѣти, ничтоже вѣсть, того ради учайся и вникай, да вникаетъ и о прочихъ (Описъ старопеч. книгъ Царскаго № 181).

Епифаній и Арсеній, а въ слѣдующемъ 1650 году Дамаскинъ Паицій, для перевода Библии съ греческаго языка на славянской. И другія церковныя книги уже при патриархѣ Іосифѣ начинаютъ у насъ исправлять съ греческихъ, о чемъ открыто и заявляютъ іосифовскіе книжные справщики. Въ послѣсловіи къ извѣстной Іосифовской Кормчей, которая начата печатаніемъ по повелѣнію государя „по совѣту и благословенію“ патриарха Іосифа въ 1649 году 7 ноября, говорится: „буди вамъ, христоменитому достоянію, всѣмъ извѣстно: яко да соузъ мира церковнаго твердо, въ душѣ кротости хранится и да не будетъ, несогласія ради, распри въ церковномъ тѣлеси, сего ради, многія преводы сея святаго книги, Кормчи, ко свидѣтельству типографскаго дѣла, собрани быша; въ нихъ же едина паче прочихъ, въ сущихъ правилѣхъ крѣпчайши, *напаче же свидѣтельствова ту книгу греческая Кормчая книга*, Паисіи патриарха святаго града Іерусалима, яже древними писцы написана за многія дѣла, ему же патриарху Паисіи въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ“⁵⁶). Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1650 года говорится: „подобаетъ вѣдати, яко яже въ книгѣ сей указы о ипакояхъ, на павечерняхъ по трисвятомъ, и на полунощницахъ по трисвятомъ же, и по шестой пѣсни, вмѣсто воскресныхъ кондакъ, указаны на ряду кондакъ—заступнице христіаномъ, отложить подобаетъ. Глаголати же вмѣсто того и на павечерняхъ и на полунощницахъ и по 6 пѣсни, егда не поется святому помилеосъ, непременно воскресныя кондаки высоты ради воскреснаго дне; ипакой бо точію по непорочныхъ глаголются, *помеже и во греческихъ переводѣхъ по сему же уставу обрѣтохомъ*, еже воскресныя кондаки на тѣхъ мѣстѣхъ глаголати. *Сего ради и послѣдующе сему такоже указомъ и положихомъ въ концы книги сел.* На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о семъ, *зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ*“. Т.-е. справщики заявляютъ, что положенные ими въ самой книгѣ указы вмѣсто воскресныхъ кондаковъ пѣть, въ означенныхъ случаяхъ кондакъ „заступница усердная“, слѣдуетъ оставить и пѣть воскресныя кондаки, какъ это показано на двухъ послѣднихъ припечатанныхъ послѣ листахъ книги. Эту перемѣну они произво-

⁵⁶) Опис. старопеч. книгъ Толстаго № 114, Царскаго № 168 и 169.

дять потому, что такъ найдено ими положеннымъ въ греческихъ книгахъ. Въ самой же напечатанной ими книгѣ „Шестодневъ“ эти перемены не произведены потому, что во время печатанія книги у нихъ еще не было подъ руками греческихъ книгъ и имъ пришлось печатать съ прежнихъ переводовъ, греческія же книги явились у нихъ тогда, когда печатаніе Шестоднева уже было кончено. Ясное дѣло, что уже при патриархѣ Іосифѣ, не позже 1650 года рѣшено было при изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ справляться съ греческими книгами и по нимъ производить нужныя исправленія, причемъ, какъ это видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, Іосифовскіе справщики не только на дѣлѣ справлялись съ греческими книгами, но и давали имъ въ случаѣ разногласія преимущество предъ славянскими переводами.

Такимъ образомъ при патриархѣ Іосифѣ не только точно и опредѣленно намѣчена была та программа книжныхъ исправленій, которой потомъ слѣдовалъ Никонъ, но уже при Іосифѣ ее начали приводить въ исполненіе, при немъ найдены были и ея исполнители, такъ что Никону въ этомъ отношеніи приходится только продолжать то дѣло, которое было начато его предшественникомъ.

сказаннаго нами о состояні книжныхъ исправленій при патриархѣ Іосифѣ самою собою слѣдуетъ, что книжными справками при Іосифѣ нивѣдъ не могли быть такія лица, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе противники церковной реформы. Иначе, а между тѣмъ и доселѣ, это мнѣніе о книжныхъ исправленіяхъ Іосифа поуди всѣми признается какъ достовѣрное. Оно основывается на свидѣтельствѣ митрополита, Игнатія тобольскаго, который, въ третьемъ своемъ посланіи, говоритъ, что Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳеодоръ, Нероновъ и Стефанъ Воинъ-агатьевъ „вели въ оно время (въ концѣ патриаршества Іосифа) имѣяху дерзновеніе къ самодержцамъ“, напечатали въ разныхъ церковныхъ книгахъ армянскія мнѣнія, такъ какъ патриархъ Іосифъ, „мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи на совѣтъ вышешюмянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. Съ этого именно времени, говоритъ Игнатій, по Руси и распространилось двоеперстіе и другія раскольничьи мнѣнія, съ этого именно времени „все отъ мала и до велика отъ тѣхъ книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати“⁵⁷⁾. Это мнѣніе Игнатія тобольскаго безъ всякой повѣрки было принято, какъ несомнѣнное, нашими церковными историками и полемистами съ расколомъ. Но въ послѣднее время его достовѣрность была однако значительно поколеблена. Были найдены и напечатаны сохранив-

ГЛАВА IV.

Изъ сказаннаго нами о состояніи книжныхъ исправленій при патриархѣ Іосифѣ самою собою слѣдуетъ, что книжными справками при Іосифѣ нивѣдъ не могли быть такія лица, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе противники церковной реформы. Иначе, а между тѣмъ и доселѣ, это мнѣніе о книжныхъ исправленіяхъ Іосифа поуди всѣми признается какъ достовѣрное. Оно основывается на свидѣтельствѣ митрополита, Игнатія тобольскаго, который, въ третьемъ своемъ посланіи, говоритъ, что Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳеодоръ, Нероновъ и Стефанъ Воинъ-агатьевъ „вели въ оно время (въ концѣ патриаршества Іосифа) имѣяху дерзновеніе къ самодержцамъ“, напечатали въ разныхъ церковныхъ книгахъ армянскія мнѣнія, такъ какъ патриархъ Іосифъ, „мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи на совѣтъ вышешюмянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. Съ этого именно времени, говоритъ Игнатій, по Руси и распространилось двоеперстіе и другія раскольничьи мнѣнія, съ этого именно времени „все отъ мала и до велика отъ тѣхъ книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати“⁵⁷⁾. Это мнѣніе Игнатія тобольскаго безъ всякой повѣрки было принято, какъ несомнѣнное, нашими церковными историками и полемистами съ расколомъ. Но въ послѣднее время его достовѣрность была однако значительно поколеблена. Были найдены и напечатаны сохранив-

⁵⁷⁾ Стр. 92—103.

списано до нашего времени списки справщиков книг за XVIII векъ съ точности обозначены, когда и кто записался книжною справою и сколько за это получалъ⁸⁹⁾. Въ этихъ спискахъ имена Аввакума, Лазаря, Неронова и другихъ вовсе нѣтъ, хотя справщики книги за время Иосифа и указаны. Нѣное дѣло, что упомянуты лица вовсе не были книжными справщиками. Но окончательно остаться это мнѣніе въ іосифовскихъ справщикахъ, какъ ошибочное, даже наши лучшие новейше историки не признаютъ въ виду этихъ трудныхъ вопросовъ, которые тогда возникаютъ при объясненіи вѣрны признаваемой порчи нашихъ церковныхъ книгъ при патриархѣ Иосифѣ. Если въ действительности книжными справщиками при патриархѣ Иосифѣ были не извѣстные невѣжественные протоиереи и иерее, сдѣлавшіе по толкѣ противниками книжныхъ исправленій Никона, а совсѣмъ другія лица, люди для тогдашняго времени очень образованные и въ некоторыхъ отношеніяхъ даже либеральные⁹⁰⁾, то откуда же и къ въ такомъ случаѣ внесены были въ наши печатныя іосифовскія книги морозовскія местословія невѣжествомъ раскольничьи мнѣнія? Чтобы избежать отвѣта на этотъ вопросъ преобр. Макарій, въ своей Исторіи русской церкви, думаетъ объяснить дѣло такимъ образомъ: онъ признаетъ, что Аввакумъ, Лазарь и другіе дѣйствительно не были простыми, обыкновенными справщиками, почему ихъ имена и не попали въ списки книжныхъ справщиковъ, не за то они имѣли высшій, верховный надзоръ за книжными исправленіями, такъ что имъ принадлежала послѣдняя редакція всѣхъ предназначенныхъ къ печатанію книгъ, благодаря чему они и имѣли полную возможность

⁸⁹⁾ Румянцова, Древн. зданія Москов. печатнаго двора, въ Древностихъ Моск. Археолог. Общ. II, отд. I, примѣч. 67. Прибав. къ Творен. Св. Отцовъ 1883 г., кн. IV, статья И. Маневетова: «Какъ у насъ правилась церковная книга», стр. 536—542.

⁹⁰⁾ Около 1647 года вѣдано было напечатать житіе преподобнаго Сергія, въ составъ котораго вошли некоторые его новыя чудеса. Но печатники не хотѣли печатать всѣхъ новыхъ чудесъ, «истину бо глаголаху даже быти и, амыгда, въ случай, а не въ чудеса» (Временникъ Общ. Ист. и Древн. кн. X, смѣсь, стр. 5—6). Неясно, что подобное скептическое отношеніе къ некоторымъ новымъ чудесамъ при Сергіи, повлеченнымъ въ это житіе, не могло исходить отъ такихъ лицъ, какъ Нероновъ, Аввакумъ и др.

всюсть въ наши церковныя книги и дѣйствительно внесли въ нихъ раздѣляемыя ими раскольничьи мнѣнія. Думаютъ также принимать дѣла подѣрживать, ссылаясь на Арсенія Сукаева, "который въ своихъ предѣлахъ съ правами о вѣрѣ между прочими заявляетъ: "а у насъ книги писать избранные люди и безпрестанно, какъ книги читать, а какъ тѣми людьми надзирають, по государству, укаажу митрополита и архимандрита и прочимъ, кому государь укаажать, и о всякомъ дѣлѣ докладывать государю и патриарху". Целъ протопоповъ, избывши высшій санъ зорь за справщиками книгъ, и изгнано, повороти, разуметь или вѣстныхъ протопоповъ: Аввакума, Лазаря, Неронова.

Но и въ такомъ, уже значительномъ смѣщенномъ видѣ, и въ томъ, что разныя раскольничьи отцы внесены въ іосифовскія книги Аввакумомъ, Лазаремъ и Нероновымъ, именованъ не можетъ быть принято, такъ какъ эти протопопы въ дѣйствительности никогда не имѣли никакого отношенія къ книжнымъ исправленіямъ во времена патриарха Іосифа.

Мы уже видали, что іосифовскіе справщики не только открыто и рѣшительно заявляли на разѣ о несправности шапскихъ евангельскихъ переводовъ, вообще о необходимости сфрмить ихъ съ греческими подлинниками, е престоареніи ижевай справы людемъ, долуившимъ серьезное научное образование, едновательна идуившимъ языки греческій и славянской, но иже: они еще при Іосифѣ уже начали исправлять наши церковныя книги съ греческихъ. Точно также мы видали, что іосифовскіе справщики егѣе печатають въ Молдавѣ проповѣданія, иже протопоповъ ижевай, даже, издавая ихъ, за тѣрррррррр св. отцовъ, что въ числителныхъ ими книгахъ они настойчиво проповѣдуютъ о полномъ православіи грековъ, о необходимости сноситься съ ними по всемъ церковнымъ вопросамъ и во всемъ поступать единомысленно съ ними,—такъ что въ дѣйствительности іосифовскіе справщики во всемъ были предшественниками Никона, подготавливали для его реформы почву и въ частности, относительно книжныхъ исправленій были съ нимъ вполне единомысленны: Никонъ былъ только продолжателемъ дѣла, начатаго іосифовскими справщиками. Думать послѣ этого, что Аввакумъ, Лазарь и Нероновъ дѣйствительно были при Іосифѣ или справщиками книгъ, или имѣли за

изданіемъ высшій надзоръ, значить допускать слишкомъ вопіющую несообразность, нѣчто рѣшительно невозможное.

Та же полная несообразность этого мнѣнія обнаруживается и при соображеніи другихъ данныхъ.

Важнѣйшая старообрядческая особенность—ученіе о двоеперстїи, въ первый разъ внесена была въ Псалтырь, которую начали печатать 11 сентября 1642 года, а окончили въ томъ же году 31 декабря. Въ этой Псалтыри есть нѣсколько сводныхъ статей, изъ которыхъ вторая заглавляется такъ: „Вѣдомо буди и о семь, яко подобаетъ всякому христианину вѣдати извѣстно, како лице свое крестити крестообразно и истово“... и пр. Вся статья о перстоложеніи изложена буквально сходно съ тѣмъ, какъ она была потомъ напечатана въ знаменитой Кирилловой Книгѣ, появившейся въ 1644 году. Значить, первое появленіе въ печатныхъ Юсифовскихъ книгахъ ученія о двоеперстїи относится къ 1642 году. Теперь спрашивается: въ 1642 году были ли въ Москвѣ протопопы Аввакумъ, Лазарь, Нероновъ, предполагаемые справщики книгъ, первые будто бы внесшіе въ нихъ ученіе о двоеперстїи? Вотъ данныя для рѣшенія этого важнаго вопроса: въ 1644 году протопопомъ московскаго Благовѣщенскаго собора былъ священникъ Никита ⁶⁰⁾. Значить духовникъ царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевичъ, выдвигнутой Неронова, Аввакума и др. сдѣлался протопопомъ Благовѣщенскаго собора не раньше 1645 или 1646 года, когда онъ, какъ духовникъ новаго царя, сталъ особенно значительнымъ человекомъ. Стефанъ тѣсно сблизился съ Ѳедоромъ Ртищевымъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ одобренія царя, назначилъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора Іоанна Неронова, который ранѣе былъ приходскимъ священникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Слѣдовательно Нероновъ переселился въ Москву изъ Нижняго Новгорода никакъ не ранѣе 1646 или 1647 года. Что же касается

---

⁶⁰⁾ «Благовѣщенскаго собора, что у государя на Овнѣхъ, приходившіе къ патриарху съ ирландичною св. водою протопопы: 152 г.—Никита; 154—155 г.—Стефанъ Вонифатьевичъ» (Матеріалы для ист. археол. и статистики москв. церквей—Забѣлина, стр. 169 и 1.040).

Аввакума, то онъ самъ даетъ опредѣенныя свѣдѣнія о времени своего переселенія въ Москву. Сначала онъ былъ сельскимъ священникомъ въ Нижегородской области, а потомъ былъ поставленъ протопопомъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ онъ пробылъ всего только восемь недѣль и затѣмъ бѣжалъ въ Москву. Вскорѣ послѣ этого, по словамъ Аввакума, „Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ мощи Филиппа митрополита“. Значить, Аввакумъ поселился въ Москвѣ только уже въ послѣдній годъ патриаршества Іосифа ⁶¹⁾ и въ Москвѣ, по его собственнымъ словамъ, занимался не книжными исправленіями, а тѣмъ, что читалъ въ Казанскомъ соборѣ народу книги, т.-е. отеческія поученія, такъ какъ онъ, переселившись въ Москву, приписался къ Казанскому собору, протопопомъ котораго былъ его другъ, Нероновъ. Аввакумъ же указываетъ и на время, когда въ Москву перебрался и костромской протопопъ Даниилъ. Именно онъ рассказываетъ, что когда ему пришлось бѣжать изъ Юрьевца въ Москву, то онъ „на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа жъ Даниила изгнали“. Слѣдовательно Даниилъ явился въ Москву не задолго до прибытія сюда Аввакума, т.-е. въ послѣдніе мѣсяцы патриаршества Іосифа. Логинъ былъ взятъ въ Москву изъ Рязани уже при патриархѣ Никонѣ. Лазарь и Никита въ то время еще вовсе не были въ Москвѣ.

Такимъ образомъ предполагаемые книжные справщики при патриархѣ Іосифѣ, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Логинъ появились въ Москвѣ—первый никакъ не ранѣе 1646—1647 года, Аввакумъ въ послѣдніе только мѣсяцы патриаршества Іосифа, а Логинъ и Лазарь—уже при Никонѣ. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ эти лица могли принимать прямое, или непрямое участіе въ книжныхъ исправленіяхъ, могли вносить старообрядческія мнѣнія въ наши церковныя книги, напечатанныя еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году, когда ихъ въ это время и въ Москвѣ-то вовсе не было? Какимъ образомъ напримѣръ Аввакумъ, бывшій до пятидесятихъ годовъ

⁶¹⁾ Въ послѣдствіи онъ, Аввакумъ, Иванъ, показывалъ, что отецъ его выѣхалъ изъ Москвы изъ Юрьевца въ 1659 году, т.-е. въ 1661 г. (Еснова, Опис. раск. дѣл. XVIII стол. т. I, стр. 119).

простыми, никому неизвестнымъ сельскими овладѣнникомъ; могъ видѣть изъ своего села въ Нижегородской области напечатаніе въ Москвѣ церковныхъ книгъ, на внесеніе въ нихъ разныхъ не подобающихъ статей? Ясное дѣло, что считать Неронова, Аввакума, Данила и Лазаря справщиками книгъ при Іосифѣ или верховными руководителями книжной справы, видѣть именно въ нихъ виновниковъ появленія въ нашихъ церковныхъ книгахъ различныхъ старообрядческихъ мнѣній, значитъ допускать и что совершенно несообразное и совсѣмъ невозможное. Да и вообще странно было бы какого-нибудь Аввакума видѣть въ роли книжнаго справщика, а тѣмъ болѣе верховнаго руководителя книжной справы, когда онъ, по словамъ его единомысленника и почитателя, извѣстнаго дьякона Федора, не могъ грамотно прочесть даже и свою собственную имѣющуюся Псалтырь и отличить въ ней простую опечатку отъ подлиннаго текста; когда онъ даже относительно основнаго христіанскаго догмата, въ ученіи о Св. Троицѣ, впадаетъ въ еретическое мудрованіе. Какъ ли бѣдна была древняя Русь образованными людьми; все-таки дѣло въ этомъ отношеніи не доходило до того, чтобы у насъ справщиками книгъ дѣлали лицъ не могущихъ читать грамотно; не могущихъ замѣтить въ книгѣ простой опечатки и не имѣющихъ правильнаго представленія даже о Св. Троицѣ. Думать такъ значило бы слишкомъ уже злоупотреблять представленіемъ о всеобщемъ невѣжествѣ въ древней Руси и слишкомъ уже унижать, въ ущербъ истинѣ, нашу древнюю церковную жизнь ⁴²⁾

---

⁴²⁾ Послѣ Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ противниковъ церковной реформы Никона осталось много сочиненій, въ которыхъ они постоянно говорятъ о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ, слышать новонаправленія книги со старыми печатаніями, и въ то же время ни разу и нигдѣ не говорятъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ когда-либо былъ книжнымъ справщикомъ, — умочаніе рѣшительно ничѣмъ необъяснимое, еслибы они, какъ предполагаютъ, дѣйствительно были книжными справщиками при Іосифѣ. Еслибы еще кому и можно было приписать эту противническую реформу Никона участие въ книжныхъ исправленіяхъ при Іосифѣ, то единственно двумъ лицамъ: Павлу, епископу коломенскому и Иоанну Неронову, какъ какъ они двое изъ всѣхъ противниковъ реформы Никона дѣйствительно жили значительное время въ Москвѣ при Іосифѣ и потому имѣли возможность заглядывать книжною справкою или же имѣть за сѣбя верховный над-

Какъ несправедливо живіе, чтобымъ жившимъ: справедливѣи при патриархѣ Іосифѣ были пріѣзжаніе протѣвники мерзости ре-

зоръ. Но и это, единственно возможное предположеніе, рѣшительно опровергается свидѣтельствомъ дьякона Феодора, который говоритъ: «на епископа Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопопа Іоанна Неронова писалъ Никонъ тогда ко греческимъ патриархамъ ложныя басни, оправдугъ самъ себя, а въ нихъ клеветы, лже дѣловы, будто они составили новыя молитвы и чины церковныя и тѣмъ людей развращаютъ, и отъ соборнаго церкви отдѣляютъ. Намъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ во всей русской земли вѣдомо о томъ, яко нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни единыя молитвы, ни тропаря новаго, и единого слова развратнаго не вложили они въ старыя книги нигдѣ отиудъ, и раскола въ церкви отъ нихъ не бывало никакова, и у книжника *сирѣчь на мечтаномъ дворѣ не сажисаши, и се набрѣшиха не бываши егда о семъ осяи Москвѣ* (Матер. для ист. раск. Свободина, т. VI, стр. 198—199). Заподозривать это свидѣтельство Феодора о Павлѣ коломенскомъ и Нероновѣ невозможно,—это дѣло было вѣдомо всей Москвѣ и она немедленно обвинила бы Феодора во лжи, еслибы онъ сказалъ неправду. Здѣсь кстати уже укажемъ еще на одинъ выдающійся фактъ, который прямо и рѣшительно говоритъ что по крайней мѣрѣ протопопа Аввакуму не только не былъ справедливъ при Іосифѣ, но что онъ даже не былъ особеннымъ покровителемъ и почитателемъ іосифовскихъ книгъ, по крайней мѣрѣ въ первое время. Какъ известно Аввакуму, Лазарь, дьяконъ Феодоръ посланы были въ Пустозерскъ, гдѣ между ними возникли горячія препирательства по разнымъ богословскимъ вопросамъ, во время которыхъ протопопъ Аввакумъ очень опредѣленно выразилъ свое отношеніе къ іосифовскимъ книгамъ. Дьяконъ Феодоръ говоритъ, между прочимъ, и слѣдующее о своей распрѣ съ Аввакумомъ: «а о образѣ Святыя Троицы съ протопопомъ Аввакумомъ у меня распра бысть до казни еще здѣшняя, о единомъ стихѣ токмо, еже въ тройческомъ канонѣ 6 глаго, на воскресной полунощницѣ, во Псалтыряхъ со возсѣдованіемъ поется 1 пѣсни стихъ той: пресущный едине Господь и трисіянне образы, въ тождествѣ зрака снѣи, и прочая. *Сиче бы его Псалтырь аввакумови начитано три Оасафи патриархѣ*. Сказавъ потомъ, что печатка іосифовской Псалтыри была потомъ исправлена, Феодоръ говоритъ: «а у мене въ то время *Псалтырь бысть учебная Іосифа патриарха*, въ ней же положено богословія святыхъ отецъ Аванасія, и Кирилла, и Мавсимы Милостивна: и тамо учать святки отцы къ вопрошающимъ едины образъ показывати, а состави и лица три. И таки три лица и три состави во единомъ образѣ. И въ *Катихизисѣ* также богословія есть. И азъ тѣ книги чиню, протопопу, показывалъ, еже учать насъ три лица Святыя Троицы исправляти во единомъ образѣ и единому трисіянному зраку Вечества показывати научи. И *оно мнѣ книгамъ* (т. е. іосифовскимъ) *не отримъ и сою Псалтырь* (іосифовскую) *сирѣчь о семъ стихѣ книги начитавалъ*. Далѣе, дьяконъ Феодоръ разсказываетъ: «а въ той же Псалтыри его (Аввакума), которую онъ *называлъ* *семью книжъ* *три-*

формы. Никона, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и крупше, такъ рѣшительно несправедливо и то мнѣше, что будто бы

те, была описъ во 104 псалмѣ, сія рѣчь: и видѣ израиль во Египетъ, и возврати люди своя зѣло. А у него было: и возврати люди своя зѣло. И за сію описъ боляшии года бранился со мною, еже азъ то назвалъ описью и велѣтъ глаголахъ ему: во исцѣлѣ томъ возврати люди своя Израиль, а не возврати. Онъ же браяше мѣ вялко: *ты др. старья книги, судиши и несправедливо, мнѣ рещиши*, а я де за нихъ мучуся отъ никоніанъ, давно тебе! Лазарь съ нимъ же на меня брюжжалъ. И послѣ отъ нинхъ Псалтырей позналъ, яко право глаголахъ ему». (Матеріалы, т. VI, стр. 119 и 127). Итакъ протопопы Аввакумъ вѣрили только въ свою іосафовскую Псалтырь, ея называлъ правде всѣхъ іосифовскихъ книгъ, ничѣмъ не хотѣлъ признати, чтобъ въ ней были: означены и чтобы она требовала какого-либо исправленія. Говорить, негодъ этого, что Аввакумъ былъ книжнымъ справщикомъ при Іосифѣ, что имъ, или его единомышленниками внесены были въ іосифовскія книги разныя старообрядческія мнѣши, намъ кажется рѣшительно невозможнымъ. Да и вообще противники церковной реформы Никона нигдѣ и никогда не выдвигаютъ на первый планъ іосифовскія книги, какъ мнѣши рѣшительное преимущество предъ другими: старопечатными до-никонскими книгами, что было бы съ ихъ стороны нондѣ, естественно, еслибы они дѣйствительно были книжными справщиками и во всѣхъ особенностяхъ іосифовскихъ книгъ, сравнительно съ предшествующими, видѣли свое личное дѣло. Но они обыкновенно защищаютъ не іосифовскія книги, а старья до-никонскія книги вообще, вовсе не различая между іосифовскими и не-іосифовскими. Не допустивъ, что ихъ совѣки на старья книги при полемикѣ противъ новонаправленныхъ чаще заимствуются изъ книгъ іосифовскихъ; то это явленіе легко объясняется тѣмъ, что при Іосифѣ разныя книги было напечатано больше, чѣмъ при его предшественникахъ патріархахъ, что іосифовскія книги исправлялись лучше и съ большею тщательностію, нежели книги его предшественниковъ, что книгъ современныхъ имъ, онѣ были имъ и болѣе извѣстны и болѣе доступны. Впрочемъ есть одно свидѣтельство за то, что проповѣдники Никона изъ всѣхъ лаврскихъ печатныхъ книгъ уважали по преимуществу книги филаретовскихъ изданій. Папавель, митрополитъ крутицкій, говоритъ иноку Авраамію: «врагъ Божій! Да то и въ вашихъ любимыхъ Потребникахъ филаретовскихъ напечатано... (Матер. VII, 411). Это подтверждаетъ и Аввакумъ въ своемъ посланіи къ священнику Стефану: «ка многія де наши дужевныи люди, пишетъ онъ, возмутились и злыми жими іосифовымъ патріархомъ, не видуще писанія, ни слыи его, заблуждающе отъ пути истиннаго: будто де не сладны съ филаретовыми и іосафовыми. И мы несходства и ересей не разумѣемъ: книги добры іосифовы, я ихъ всѣхъ приемлю, и чествуя дрбзаю» (Мат. V, 215). Самая возможность со стороны некоторыхъ противниковъ Никона хулить книги патріарха Іосифа, какъ несходныя съ филаретовскими и іосафовскими, которымъ вѣрили по преимуществу, возможность возникновенія въ средѣ противниковъ реформы Никона вопроса: слѣдуетъ ли признавать имъ іосифовскія книги, уже прямо опять говорить за то, что гла-

наши церковныя книги при патриархѣ Іосифѣ подверглись особой порчѣ и искаженію вслѣдствіе невѣжества іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ.

Главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ для обвиненія книжныхъ Іосифовскихъ справщиковъ въ невѣжество, порчѣ и искаженіи ими нашихъ книгъ служитъ то обстоятельство, что только при патриархѣ Іосифѣ въ наши печатныя церковныя книги внесены были въ первый разъ извѣстныя старообрядческія особенности—ученіе о двоеперстїи въ крестномъ знаменїи, двоеніе аллилуїи и пр. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли книжные справщики временъ патриарха Іосифа должны нести всю вину и всю отвѣтственность за внесеніе ими въ наши церковныя книги извѣстныхъ такъ-называемыхъ старообрядческихъ особенностей или для того времени эти особенности вовсе не были тѣмъ, чѣмъ онѣ стали послѣ церковной реформы Никона? Въ видахъ болѣе правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія вопроса возьмемъ важнѣйшую статью — ученіе о двоеперстїи и посмотримъ, откуда и какъ взялся этотъ обычай, чтобы видѣть, насколько правы были или нѣтъ Іосифовскіе справщики, внося это ученіе въ наши печатныя церковныя книги. Начнемъ наше изслѣдованіе съ московской Руси.

Какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію обычай, на это мы находимъ отвѣты въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона. Въ основу ученія о перстосложенїи въ московской Руси (отличаемъ отъ кievской), со второй половины XV вѣка, когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложенїи въ крестномъ знаменїи, положено было главнымъ образомъ такъ-называемое *Теодоритово слово*⁶²⁾, которое во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ

вари раскола: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Лазарь и др. никогда не были при Іосифѣ книжными справщиками и къ книжной справкѣ вообще не имѣли никакого отношенія.

⁶²⁾ Различныя доселѣ извѣстныя редакціи такъ-называемаго *Теодоритова Слова* напечатаны въ Братскомъ Словѣ—1876 г. Отд. II, III, стр. 197 и слѣд.

редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знамені двуперстное перстосложение (всѣ попытки объяснить некоторые редакціи этого слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны) и такъ понимаемое всеми русскими XVI и XVII вѣка, она внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто. Разъ получивши оправданное выраженіе въ Феодоритовомъ словѣ, ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключющее всѣ другія формы перстосложения, какъ неправыя. Митрополитъ Даніилъ училъ: „сиде благословиши рукою и престоидися три персты равно имѣти вкуцѣ—болшею, да два послѣднихъ, по образу троическу..., а два перста имѣти наплетена, а не дростерта, а тѣмъ указъ тамо: преобразуютъ двѣ естества Христовѣ—божество и человечество и пр.“⁶⁴⁾ Преподобный Максимъ грекъ училъ: „совокупленіемъ бо тріехъ персты, сирѣчь палца и еже отъ средняго и малаго, тайну исповѣдусемъ богоначальныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Св. Духа, единого Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняго сплетнася два естества во Христвѣ... и пр.“⁶⁵⁾ Стоглавый соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: „иже кто не знаменаетъ двѣма персты, якоже и Христовѣ, да есть проклятъ“. Это сборное постановленіе о двоеперстіи имѣло вполне обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двоеперстіе въ крестномъ знаменіи. Первый московскій патріархъ Іовъ пишетъ обширное посланіе къ грузинскому митрополиту Николаю, чтобы научить грузинскія держать правую христіанскую вѣру безъ всякихъ перемѣнъ и отступленій, которыя ими допущены. Въ это поученіе, составленное изъ старыхъ русскихъ поученій, патріархъ Іовъ вноситъ нѣчто отъ себя и именно относительно перстосложения въ крестномъ знаменіи. Онъ пишетъ, поучая грузинскаго митрополита: „молящися, креститися подобаетъ двѣма прьсты; прежь положити на чело главы своея, тоже на перси; потомъ же на плече правое,

⁶⁴⁾ Ibid. стр. 206.

⁶⁵⁾ Это слово Максима напечатано въ Кирилловой книгѣ, л. 184, об.

тоже и на зъвое; огибене прьсту именуеть шествие съ небесъ, а стоящій переть указуетъ вознесене Господне; а три переты равны держати—исповѣдуемъ троицу нераздѣльну, т.-е. истинное крестное знаменіе“⁶⁶). При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ былъ напечатанъ въ Москвѣ послѣ долгихъ исправлений такъ-называемый большой Катихизисъ, составленный Лаврентіемъ Визаніемъ. Въ этомъ Катихизисѣ, какъ извѣстно, находится правильное, положительное ученіе о двоеперстїи, которое такимъ образомъ въ первый разъ вошло въ печатныя московскія книги при Филаретѣ, а не Іосифѣ. Въ 1637 году въ Грузію, вмѣстѣ съ царскими посланцами, патріархомъ Іоасафомъ отправлено было и особое посольство изъ духовныхъ лицъ (между ними былъ и Арсеній Сухановъ), въ наказъ которымъ говорится, что они посылаются въ Грузію „для исправленія и утвержденія святаго православнаго христіанскаго вѣры“. Исполняя свою миссію, послы между прочимъ говорили грузинскимъ епископамъ: „архіепископъ вашъ и епископы и дщны сами себя знаменіемъ крестнымъ, по преданію св. апостола и св. отецъ, ограждать не умѣють, а прочихъ людей благословить истинно и не знаютъ“⁶⁷). Едва ли нужно объяснять, почему московскіе послы находили тогдашнее грузинское перетолкованіе въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи неправильнымъ. При патріархѣ Іосифѣ ученіе о двоуперстнемъ крестномъ знаменіи вносится въ разныя наши печатныя церковныя книги, а патріархъ Никонъ, въ началѣ своего патріаршества и самъ употреблялъ двоеперстїе, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ митрополитъ Игнатій тобольскій⁶⁸). Такимъ образомъ такое авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Макарий грекъ, такіе выдающіеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Да-

⁶⁶) Ист. русск. церкви Макарія, X, 72.

⁶⁷) Христ. Чтен. 1884 г. мартъ, статья Блюкурова: Поѣздка старца Арсенія Суханова въ Грузію.

⁶⁸) Приказавшіе въ Москву восточные патріархи, говорятъ Игнатію, «видяще сего всесвятѣйшаго господина Никона, крестное знаменіе на себѣ положиша двоеперстнымъ сложеніемъ (понеже и великая достоинства, *оси отъ мала и до велика* отъ тѣхъ (исидоровскихъ) книгъ, начала двойцемъ перстовъ на себѣ крестъ изображати)» изболчили его въ неправотѣ. Третье посланіе Игнатія стр. 103.

ники: Макарий, а также наши основатели: патриархи: Иовъ, Филаретъ, Досаеъ, Досеъ и Никонъ, въ началѣ патриаршества и наконецъ, даже свѣдѣніи собора русскихъ епархій (Стегларій) неопровержимо и согласно свидѣтельствуютъ, что въ московской Руси въ концѣ XV, до половины XVI вѣка, общепотребительнымъ и признаваемымъ всею церковью за единственное правильное перетосложение въ крестномъ знаменіи было двуперстное. Если попытки православныхъ полемистовъ съ расколомъ довлебать фактъ существованія въ началѣ XVI вѣка дошедшій до насъ редакціи въ ученіи о перетосложеніи, въ которыхъ замѣчается какая-либо мелочность и несмѣрѣнность, и потому она въ пользу существованія у насъ троеперстія (какъ общепризнаваемого обычая), оказываются рѣшительно неудачными, ибо они не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго свидѣтельства, вродѣ тѣхъ, какіе имѣеть за собою двоеперстіе. Нужно признавать, какъ тово требуетъ историческая истина, что фактъ существованія въ московской Руси двоеперстія, стоитъ твердо и неопровержимо. А отсюда само собою становится понятнымъ, что Иосифовіе справщики, внося въ наши церковныя печатныя книги ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, никакъ не могутъ нести за это ответственности, никакъ не могутъ не возвращаться за это порицанію и укоризнамъ, ибо они ратовали въ этомъ случаѣ за общепотребительный и всю церковью признаваемый тогда обычай, который въ то время еще ни съ чьей стороны не подвергался сомнѣнію.

Если неудачны и совсѣмъ противны исторической истинѣ всѣ попытки нашихъ полемистовъ съ расколомъ довлебать фактъ существованія въ московской Руси двоеперстія, какъ господствующаго и общецерковнаго обычая, то точно также очень неудачны и ихъ попытки объяснить, откуда и когда возникъ въ московской Руси этотъ обычай, который они считаютъ неправильнымъ, только простымъ искаженіемъ древнѣйшей и единственно правой формы перетосложенія троеперстной. При объясненіи, откуда и какимъ образомъ въ московской Руси могло появиться неправое перетосложение въ крестномъ знаменіи, нашимъ полемистамъ приходится при ихъ нежеланіи быть безпристрастными, при ихъ неохотѣ серьезно и научно изучить интересующій ихъ

вопросъ; прибѣгать иногда въ очень сильномъ и даже фантастическомъ предположеніямъ, который не смотря на всю ихъ очевидную несостоятельность и непригодность, выдвигаются однако за несомнѣнную историческую истину. Таково на примѣръ старинное предположеніе, что двоуперстіе есть будто бы армянское перстосложеніе⁴⁹⁾ и перешло на Русь отъ армянъ или новѣйшее предположеніе, что двоуперстіе явилось у насъ благодаря истрѣбъ пророкамъ папства⁵⁰⁾. Но уже одна возможность дѣлать подобныя предположенія—объяснять церковныя обычаи древней православной Руси: вліяніемъ какиъ-то армянъ или пророками латинства, уязвляеть на полное безнадѣжное положеніе тѣхъ, которые принуждены прибѣгать къ такимъ предположеніямъ.

Болѣе осторожныя и серьезныя историки полемику для объясненія происхожденія у насъ двоуперстія не осмѣются уже ни армянъ и латинъ, а подыскивають болѣе вѣроятныя и удобопріимлемыя предположенія. Невѣжество древней Руси, вѣсть что, говорятъ они, истинный виновникъ появленія у насъ двоуперстія, наше собственное невѣжество наредѣлао древнее тросперстіе въ двоуперстіе, оно же и приняло и держало свою передѣлку, какъ древній и единственно правый обычай, армяне же и латинцы тутъ ни причемъ. 3f).

⁴⁹⁾ Хотя дѣйствио, что греки всегда употребляли армянскіе въ употребленія въ крестномъ знаменіи только одного перста, какой армянскій обычай греки и приводили въ связь съ склонностію армянъ къ монофизитству. Объ этомъ скажемъ ниже.

⁵⁰⁾ Такъ объясняетъ дѣло свѣщ. Виноградовъ въ своемъ сочиненіи «О Θεодоритовой Слозь» Москва 1836 г.

11) Намъ важнѣйшій и лучший историкъ русской церкви, митрантъ Макарій, помѣстивъ въ Братскомъ Слозѣ (за 1875 г.) статью: «Правдо Свояго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія», въ которой повденіе у насъ двоуперстія думаетъ объяснить смѣшеніемъ сложенія перстовъ въ крестномъ знаменіи и въ священническомъ благословеніи. Какому-нибудь грамотѣ, говоритъ онъ, любившему поумѣловать, легко могло придти на мысль, вѣтъ въ церкви употребляется для разныхъ перстосложенія для благословенія и претставле знаменія, когда совершенно удобно соединить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла? Родившійся въ головѣ какого-либо грамотѣ, такая мысль могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣми и чрезъ нихъ мало-по-малу распространяться. Или дѣло совершилось еще проще: какой-либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрую-

неисправности съ расколомъ съ стороны некоторыхъ знавшихъ историковъ, но нашему мнѣнію, никакъ не можетъ быть признано и оправдываемо, хотя бы самыми остроумными и бойкими разсужденіями о моральномъ русскомъ невѣжествѣ, въ удивительной и совершенно намъ непонятной ослѣпотѣ всѣхъ ртцковъ Свѣтлаго собора. Мы думаемъ, что представители русской церкви, на столько то всегда были свѣдущи, чтобы умиль различить другій, доселѣ признаваемый всею церковію православный образъ, отъ другаго или неправославнаго или только что новонамъщеннаго какому-то неизвѣстному невѣждоу; думать иначе влечеть, но нашему мнѣнію, единомъ уже презрительно отнотся къ представителямъ нашей древней церковной іерархіи, знаніи имѣть о православіи и христіанствѣ пониманіи вообще нашихъ предковъ и всей русской церкви черзчуръ уже низкое представленіе, не оправдываемою действительностію.

Что древнерусіе слово не было знамѣнцемъ невѣжественнаго московскаго книжника и грамотея и что вообще оно не было принадлежностію только невѣжественной московской Руси, да это мы имѣемъ прямые и рѣшительныя доказательства. По указаніямъ нашихъ филологовъ въ Кіаевѣ въ 1584 году было напечатано небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ „Максимъ, инокъ, како подобаетъ знаменствоватися крестнымъ знаменіемъ“⁴⁷⁾. Въ действительности это не есть слово Максима о крестномъ знаменіи, но произведеніе некакого-то автора, хотя въ немъ самое умное и перстросложное изложеніе согласна съ Максимомъ, инокъ: „совокупленіемъ тріехъ частей, сирѣчь пача и еже отъ средяго и малаго тайну поповѣдуемъ божачьныхъ тріехъ испостасяхъ Отца, Сына и Духа Святаго, единнаго Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средяго, съшедшае два естества во Христѣ, сирѣчь самаго Спаса Христа исповѣдуемъ свершена Бога и съвершена чловѣка въ двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго“... Въ 1596 году въ Виднѣ была напечатана Лаврентіемъ Зизаніемъ Азбуна, въ приложеніи которой помѣщено было сочиненіе его брата Стефана Зизанія подъ заглавіемъ: „Изложеніе о православной вѣрѣ“. Въ концѣ

⁴⁷⁾ Оно находится въ Моск. Румянц. музеѣ № 2.224, по указателю Ундольскаго № 96.

этого изложенія въры находятя особая статья „о знаменіи крестномъ“, въ которой заключаетя слѣдующее ученіе о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи: „зложеніе великаго палца здвома малыми значить святую Троицу, а сиконеніе того, што при великомъ до среднего, значить въ прирощени и истности въ Христѣ. Положеніе правыя руки на чело, значить двои: предвѣчное отъ Бога Отца Сыново рождество и тоеже высокости зыполь, а што на пупъ, значить иже тойже Сынъ Божій зступилъ на землю и въчеловѣчился отъ панны чистой святой Маріи и злюдми жилъ, распять, умеръ, всъсреъ въ третій день, и взнеся на небеса, сѣдитъ одесную Отца, але еще не конецъ. А обвоженіе руки правой первъ на правое плече, а потомъ исправаго на лѣвое, значить иж въ судный день справедливыи на правили Бога будутъ стояти, а грѣшныи на лѣвици и тое значить иж тогда справедливыи лнесутъ судъ на грѣшныхъ, правица бо въмъ въ судный день лѣвицу звалчить, а не лѣвица правиду. Нынѣ бо въмъ лѣвица правицу преслѣдуетъ, а тогда праведницы не только людей грѣшныхъ, але и аггеловъ згрѣшившихъ осудятъ, ищи въ евангеліи отъ Марка глава 19 Лупѣ глава 22, и въ Коринѣянамъ I посланіе глава 2, мудрость Соломона глава 3¹⁰). Въ 1602 году въ Вильнѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей и о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артыкулѣхъ въры, единое правдивое церкви Христовы“. Въ этой книгѣ, въ пятой главѣ, о крестномъ знаменіи между прочимъ говорится: „злученіемъ трехъ палцовъ посподу-то есть великаго и малаго и третего, што подѣ малаго, исповѣдуется таежница божественныхъ трехъ испостасей: Отца Сына и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. Протягнѣнемъ же двохъ палцовъ—вышняго и средняго, показуется таежница самаго Господа нашего Исуса Христа, ижъ есть досканалый Богъ и досканалый былъ человекъ нашего для спасенія. Также зложивши палцы первый кладемъ руку на голову, албо на чело, визнаваючи, ижъ една правдивая и вѣчная наша голова Христосъ есть, яко апостоль мовить: Господа нашего Богъ Отецъ далъ голову вышей всѣхъ церкви, которая есть тѣло его. Потомъ же кладемъ руку на животъ, исповѣдуочи

¹⁰) Азбука Зизанія находится въ Румянц. муз. № 65.

битіе его на землю, и еже въ пречистѣмъ животѣ Богоматере безсѣмянное зачатіе Его, тотъ бо прошелъ утробу ее, яко солнце снго, невремѣючи ключа дѣны рождествомъ своимъ. Потомуже владеть на правое плече, визнаваючи нкъ сѣдигъ на правицы Бога Отца, прочее, прочее яду... ажъ доложатся врази его подножіе ногъ его. Потомуже на лѣвое плече владеть, образуочи, нкъ прійдетъ еще во второе на судъ и вѣдаеть на дѣвицы сущимъ муку вѣчную, а на правицы сущимъ животъ вѣчный. Также перекрестивше лице свое анемедіемъ крестнымъ, кланяемся Богу, абы насъ лѣваго стоянія избавиль, а благословеніе свое даль намъ“⁷⁴⁾. Около двадцатыхъ иди въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Києвѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Книга о вѣрѣ о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви“, во второй части которой, въ статьѣ „о знаменіи крестномъ“, говорится: „злученіемъ трехъ палцовъ посполу, то-есть великаго и малого, и третего, што подлѣ малого, исповѣдуется таемница божественныхъ трехъ ипостасей: Отца, Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ трехъ лицахъ. А протяженіемъ двохъ палцовъ, вышнего и среднего, показывается таемница Бога слова вѣтленіе Господа нашего Иисуса Христа и двохъ натуръ божской и человѣческой слученіе подъ единою особою“ и т. д. вполнѣ согласно съ приведенною сейчасъ выдержкою изъ книги: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей... и о иныхъ артикулѣхъ вѣры“. Не только въ печатныхъ книгахъ, но и въ разныхъ южно-русскихъ рукописныхъ сборникахъ, гдѣ только говорится о крестномъ знаменіи, всегда содержится ученіе о двоеперетіи. Такъ оно находится въ тѣхъ многочисленныхъ сборникахъ, которые известны подъ именемъ Литовскихъ Просвѣтителей, оно содержится и въ той рукописной южно-русской книгѣ о Вѣрѣ, сочиненіи кіевскаго михайловскаго игумена Наонаила, которая въ простомъ дословномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году⁷⁵⁾.

⁷⁴⁾ Ibid. № 85.

⁷⁵⁾ Именно въ ней ученіе о перстосложеніи излагается такъ: «зложеніе трехъ палцовъ правой руки посполу то-есть великаго и малого и третьяго, што подлѣ малого исповѣдуется таемница божественныхъ трехъ ипостасей: Отца, Сына и Св. Духа, единаго Бога въ тріехъ лицахъ. Протяженіемъ же двохъ палцовъ —

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ печатныхъ и рукописныхъ южно-русскихъ книгъ, помѣщенныхъ ранѣе московской печатной Псалтири 1642 года, въ которой въ первый разъ было напечатано ученіе о двоеперстїи въ крестномъ знаменїи, оказывается, что и кїевская Русь также, какъ и московская держалась до половины XVII вѣка того же двоеперстїи и что въ кїевской ученой литературѣ, до половины XVII вѣка, свидѣтельствъ за троеперстїе рѣшительно не имѣется. Въ виду этихъ неопровержимыхъ данныхъ видѣть въ двоеперстїи специальный продуктъ московскаго невѣжества, измышленїе невѣжественныхъ московскихъ грамотѣевъ оказывается рѣшительно невозможнымъ, такъ какъ двоеперстїе признавали правымъ, открыто его проповѣдывали и въ первый разъ внесли его въ свои печатныя книги южно-русскїе ученые, уже по примѣру которыхъ и Иосифовскїе книжные справщики внесли ученїе о двоеперстїи въ московскїя печатныя книги, заимствовавъ у кїевлянъ и самую редакцію въ изложенїи этого ученїя. Что же касается того вопроса: откуда взялось двоеперстїе и въ кїевской Руси, то отвѣтъ на это, по нашему мнѣнїю, можетъ быть одинъ: двоеперстїе существовало въ древней Руси, какъ общїй обычай, еще до раздѣленїя митрополїй, съ самаго начала введенїя у насъ христіанства, а потомъ въ качествѣ древняго и всеми признаннаго обычая, оно удержалось и на сѣверѣ и на югѣ и послѣ раздѣленїя митрополїй, вплоть до самой половины XVII вѣка, когда сначала въ кїевской Руси (при Могилѣ), а потомъ и въ московской (при Никонѣ), произведена была однородная церковная реформа, приведшая русскїе церковныя чины и обряды въ соотвѣтствїе съ современными греческими. Такое предположенїе необходимо сдѣлать въ виду того, что кїевская Русь въ церковномъ отношенїи, съ первыхъ временъ введенїя у насъ христіанства до конца второй половины XVII вѣка, всегда находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, подъ его высшимъ

высшаго и средняго показуется таемница самаго Господа нашего І. Христа, иже есть doskonaлый Богъ и doskonaлый былъ человекъ нашего дѣла спасенїе» и пр. какъ это изложено въ московской печатной книгѣ о Вѣрѣ, въ которой московскїе издатели не прибавили и не измѣнили отъ себя ни одного слова. Рукоп. Ундольскаго № 427, л. 126.

вѣдѣніемъ и водительствою. Восточные патріархи не разъ принимали самое живое и дѣятельное участіе въ церковной жизни южной Руси, не разъ бывали въ ней сами лично, не разъ посылали туда своихъ визарховъ. Кроме того въ южной Руси почти непрестанно жили разные греческіе епископы, жило въ ней всегда много и другихъ грековъ и между ними бывали и люди ученые, которые, какъ на примѣръ, протоевнгель александрійскаго патріарха Іосифъ, принимали даже прямое и непосредственное участіе въ исправленіи южно-русскихъ церковныхъ книгъ съ греческихъ. При такихъ условіяхъ въ южно-русской церкви никакъ не могло появляться, а тѣмъ болѣе такъ долго существовать двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, еслибы оно дѣйствительно было только позднѣйшимъ новозмышленнымъ искаженіемъ единственно правой и единственно древней формы перстосложенія—троеперстной. Если же греки, сами уже употреблявшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ троеперстіе, оставляли однако у кievлянъ двоеперстіе, то это показываетъ, что они видѣли въ русскомъ двоеперстіи древній, прочно установившійся и потому привычный для народа обычай и притомъ такой, въ которомъ они, греки, не находили ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ.

О существованіи двоеперстія у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кроме собственно русскихъ, имѣются нѣкоторые положительныя данныя. Въ 1650 году извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія и прибывъ съ нимъ въ Молдавію, остановился въ метохѣ сербскаго Аеонскаго Зографскаго монастыря. Игуменъ и братія этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки и аеоиты сожгли на Аеоитѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: „нѣкто у нихъ былъ старецъ честень-сербинъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ и лѣты старъ, жилъ въ скитѣ и держалъ книги московскія у себя и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ де тому же училъ“. Узнавъ объ этомъ греки аеоиты призывали старца на соборъ къ отвѣту и называли московскія книги еретическими. И онъ де имъ говорилъ, что *есть у нихъ книги старинныя сербскія письменныя, а въ нихъ де*

писано о крестномъ знамені также, какъ и въ московскихъ. И тое де книгу письменную, сыскавъ, принесли на соборъ и стущали въ московскою печатною книгою и все де сошлось слово въ слова противъ московской печати, а та де книга, какъ писана 130 мѣтъ тому⁴. И московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой заключалось ученіе о двоеперстїи, греки аеониты сожгли, причемъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ явился ахридскій архіепископъ Даниилъ, который въ то время случился на Аеонѣ. Сухановъ собралъ о соженіи русскихъ книгъ на Аеонѣ точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ и, такъ какъ Даниилъ ахридскій въ это время находился уже въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому жаловался на него Сухановъ. Даниилъ, учаемый очевидцами, въ присутствіи патріарха, Суханова и другихъ далъ такое показаніе: „было де во Аеонской горѣ такъ: собралися старцы на сербскаго старца Дамаскина именемъ, что онъ крестится не по гречески и иныхъ тому учить, и того де старца поставя на соборѣ, допрашивали, откуда онъ тому научился? И онъ де указалъ на сербскую на письменную книгу, что въ ней такъ писано креститься. И тое де книгу, вземъ у него сожгли, а та де книга старинная сербская, тому 130 мѣтъ какъ написана и тому де есть письмо, здѣ прислано изъ Аеонской горы къ митрополиту Стефану Торговицкому“⁷⁶). Съ своей стороны и старецъ Чудова монастыря Пахомій, также, какъ и Сухановъ, сопровождавшій изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, доносилъ государю: „а за крестное воображеніе и за книги, которые пожгли (на Аеонѣ), говорилъ вопреки и противъ правды святыхъ отецъ стоялъ святые Аеонскіе горы старецъ Теодоръ, житіемъ духовенъ и греческіе, государь, старцы хотѣли іво убить до смерти“⁷⁷). Григоровичъ, при посѣщеніи имъ Аеона на одной книгѣ Хиландарскаго монастыря, прочесть замѣтку, что въ 1650 году, когда на святой горѣ происходили пренія о крестномъ знаменіи, „сожегоше книги московскіе на карчи-ахъгрыци и духовника Дамаскина и попа Романа и ученика ихъ Захарію въ темницы затворише и глобише ихъ 60 гроши. Оле бѣда отъ

⁷⁶) Статейный списокъ Суханова, греческія дѣла 7157 г. № 8.

⁷⁷) Греческія дѣла 7158 г. № 9.

дукаваго рода гръческаго! Мца маіа ки веіе безчестіе соторина васемъ серблемъ и болгарамъ ⁷⁶⁾). Отрицать послѣ этихъ свидѣтельствъ тотъ фактъ, что сербы аeonиты около половины XVII вѣка потому именно стали на сторону мосновскаго двоеперстія противъ современнаго гръческаго троеперстія, что находили ученіе о двоеперстіи и въ своихъ старыхъ письменныхъ книгахъ, неудобно.

Другое, еще болѣе рѣшительное свидѣтельство объ употребленіи православными сербами двоеперстія въ крестномъ знаменіи заключается въ слѣдующемъ: въ 1618 году въ Угорцахъ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Собраніе въкращенныхъ словесъ отъ божественнаго писанія изъ объясненій и положеній святыхъ апостоловъ оудядесяти артыкуловъ православной вѣры. Выдруковано кештомъ и накладомъ благочестиваго его милости Александра Шептицкаго Зшептичь, працевъ і стараніемъ іеромонаха Павла Домжива Лютиковича і еродикона Селивестра. Въ Угорцахъ, року 1618, мца марта 30 дня“ ⁷⁷⁾). Въ этой книгѣ, представляющей нечто въ родѣ краткаго катихизиса, на первой же страницѣ, находится статья „О знаменіи крестномъ“, въ которой ученіе о перстосложеніи излагается такъ: „зложеніе великаго пальца здвома малыми, значитъ Святую Троицу, а склоненіе того, што при великомъ до средняго, значитъ двѣ натурѣ и истности въ Христѣ. Положенъе правой руки на чело значитъ двое: предвѣчное отъ Бога Отца сыновне рождество и тое же звысоности зышолъ“ и такъ дажѣ вполне сходно, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, съ изложеніемъ ученія о троеперстіи Стефана Зизанія, какъ оно было изложено въ прибавленіи къ Азбукѣ 1696 года. Понятное дѣло, что православные сербы не могли бы печатать и пользоваться этой книжкой, еслибы видѣли въ ней на первой же страницѣ неправославное ученіе о перстосложеніи, противорѣчившее существовавшему всегда у нихъ обычаю троеперстія. Если же они могли рѣшиться печатать въ своихъ учительныхъ книгахъ ученіе о двоеперстномъ крестномъ

⁷⁶⁾ Григоровича, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. 2, стр. 82.

⁷⁷⁾ Этой рѣдкой книжки въ Россіи находится только два экземпляра, одинъ въ Румянцевскомъ московск. музеѣ, другой—въ Импер. публичн. библиотекѣ.

знамени, вопреки тогдашнему греческому троеперетию, то конечно только потому, что находили оправдание для этого в своей собственной церковной практикѣ, могли сослаться на свои древнія книги (какъ это было на Асоѣ), подтверждающія двоеперетіе.

На вопросъ, откуда же у русскихъ и у другихъ православныхъ славянъ взялось двоеперетіе въ крестномъ знаменіи, отвѣтъ, очевидно, можетъ быть одинъ: они могли заимствовать двоеперетіе только у своихъ общихъ просвѣтителей христіанствомъ грековъ. Такъ именно и заявляли объ этомъ противники церковной реформы Нивона, которые утверждали, что будто бы въ древнее время и сами греки употребляли въ крестномъ знаменіи двоеперетіе, которое они и передали русскимъ, что будто бы и сами греки въ относительно недавнее только время перемѣнили двоеперетіе на троеперетіе. Дьякомъ Федоръ говоритъ: „у нихъ (грековъ) говорили ~~и~~ ^{иногда} аллилуію ⁹⁰⁾, и сложеніе перста имѣли также мы; но недавно имѣнили, смущаемы отъ римскихъ наукъ“. Во время пренія о перстосложеніи съ Леонасіемъ, митрополитомъ иконійскимъ, дьякомъ Федоръ говорилъ ему: „и у васъ такого мудрованія (т.-е. троеперетія) преже сего не бывало при прежнихъ святѣйшихъ патриархахъ православныхъ, до иподьякона свашаго Дамаскина, отъ него же вы книги прелестестеса... мы, въ православномъ сложеніи перстовъ, во знаменіи крестномъ на четырехъ вашихъ святыхъ осылаемо и тѣмъ вѣруемъ“. Онъ же говоритъ: „самаго канархиста Гроба Господни, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 1774 году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ, отъ же слова ми: патриархъ де іерусалимскій по старому слагаетъ перети, за насъ знаменіе крестное вы нынѣ почали страдати... а царградскій де патриархъ благословляетъ по новому малакинскому сложеніемъ. И обѣ руки ихъ начерталъ на бумагѣ перомъ. И о ценотѣ въ греческихъ книгахъ старыхъ отнюдь нѣсть, развѣ новаго нѣвого безъимянника иподьякона Дамаскинскаго“. Старецъ Симонова монастыря Серапіонъ на допросъ показывалъ въ 1666 году, что

---

⁹⁰⁾ Что у грековъ действительно въ древнее время употреблялась и сугубая аллилуія, см. объ этомъ прекрасную статью Николаевскаго: «Къ исторіи споровъ объ аллилуія», Христ. Чт. 1884 г.

онъ разспрашивалъ иконійскаго митрополита Аѳанасія про греческіе церковныя обычаи и Аѳанасій будто бы говорилъ ему, что у грековъ младенцевъ крестятъ чрезъ обливаніе и что греки въ настоящее время употребляютъ троеперстіе, „а въ старину де и у нихъ въ грекахъ крестились двѣма персты; и та де у нихъ оставили, и назвали тотъ крестъ арменскимъ крестоу, „нынѣ де у нихъ въ грекахъ двѣма персты не знаменуются, а знаменуются де тремя персты, во образъ Святыя Троицы“⁸¹⁾. Инокъ Авраамій говоритъ: „а еже осылаются на грекъ о сложении трехъ персты, и тамо сія у нихъ недавно введися предѣсть, всего осмьдесятъ лѣтъ. А прежде сего отиудъ не было сія и некоторый богословецъ и учитель церковный не написалъ ни гдѣ, ни предѣль тремя персты креститися, понеже худно есть и нечесиво, арменское то, а не христіанское“. „А егда государь вопрошавши отъ нихъ о своемъ ихъ мудрованіи: кто вамъ предаде сіе и кто васъ научи сему, еже оиудею крестъ вообразити? и осылаются на невідкомаго человека, Дамаскина имени, иподьякона; Студита, что онъ такъ мудрствовалъ и написалъ. А тотъ ихъ Дамаскинъ невідомо кто, и во святыхъ не слышимъ его“. Тотъ же Авраамій пишетъ: „гдѣ бо таковое не праведно речася, или предадеся когда, еже тремя персты креститесея? Отъ апостола ли?— Никакоже. Или отъ какимъ отъ дьявольскъ отецъ? Никакоже. Или отъ отступника папы Формова. Онъ бо тако мудрствовалъ; и другій учитель Дамаскинъ иподьяконъ такъ же написалъ, о немъ же ниже слышахомъ когда прежде сего, ни отцы наша возвѣстиша намъ. И никій, государь, учитель новый не согласуетъ со святыми и богоносными отцами древле предавшими намъ единою сіе таинство, но ео армены едина мудрствуютъ. Они бо, зловѣрци, тако тремя персты крестятъ лице свое безъ воплощенія Христова“⁸²⁾.

Имѣли ли какое-либо дѣйствительное основаніе указанныя заявленія противниковъ Никона о томъ, что будто бы ранѣе и сами греки употребляли двоеперстіе въ крестномъ знаменіи и что будто бы троеперстіе появилось у нихъ относительно очень недавно?

⁸¹⁾ Матер. для ист. раск. VI, 34, 52, 53, 166, 1, 624.

⁸²⁾ Матер. для ист. раск. VII, стр. 69—70, 294, 299.

Какъ известно, патриархъ Никонъ обращался къ константинопольскому патриарху за рѣшеніемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, и между прочимъ относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи. Никонъ получилъ на свои вопросы отвѣтъ отъ цѣлаго Константинопольскаго собора, такъ что на этотъ отвѣтъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на официальное выраженіе взгляда всей константинопольской церкви на интересующій насъ вопросъ. Патриархъ Паисій отъ имени Константинопольскаго собора пишетъ Никону: „На двадцать четвертый (вопрѣсь), въ которомъ спрашиваете, какъ подобаетъ христіанину, изображать свой крестъ, т.-е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе по преданію поклоняться, имѣя первые три перста соединенными вмѣстѣ въ образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, или научены славить единого Бога въ трехъ ипостасяхъ, Отца и Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вмѣстѣ со крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, спшедшаго съ небесъ и вочеловѣчшагося и плотію пострадавшаго ради спасенія нашего. Да это и основательно, поедику чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь“. Вотъ и весь отвѣтъ патриарха на вопросъ Никона о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи. Патриархъ Паисій, конечно, хорошо понималъ, что Никонъ въ виду неодинаковости перстосложенія въ крестномъ знаменіи у русскихъ и у грековъ, требовалъ отъ него рѣшительно высказаться о томъ, какое перстосложеніе истинно древнее и правое: русское ли двоеперстное, или греческое троеперстное; зналъ онъ конечно и то, что русскіе придаютъ этому вопросу чрезвычайно важное значеніе, и однако въ своемъ отвѣтѣ онъ только указываетъ на существующій у современныхъ грековъ обычай и на его полное соотвѣтствіе съ православнымъ вѣрученіемъ, вовсе не утверждая въ то же время, что современное греческое троеперстіе есть единственно-правое и всегда исключительно употреблявшееся въ православной церкви перстосложеніе, не говоритъ, чтобы русское двоеперстіе было и не древнее, и не правое. Отвѣтъ ца-

тріарха можно перевести такимъ образомъ: греки употребляютъ въ крестномъ знаменіи троеперстіе и они вполнѣ правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правое православное вѣроученіе, а рускіе могутъ держаться своего вѣковаго обычая—двоперстія и будутъ также правы, если они конечно соединяютъ съ этимъ правую православную мысль. Болѣе опредѣленно и рѣшительно патріархъ Паисій высказалъ свою мысль о томъ или другомъ способѣ перетосложенія въ крестномъ знаменіи въ слѣдующемъ отвѣтѣ на вопросъ Никона относительно способа сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи. Что касается сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи, пишетъ патріархъ Паисій Никону, „то церковь благословляетъ вѣхъ, изображая іерейскою рукою имя Мессіа, или, что то же, имя Іисуса Христа, именно: изображая *i* и *s*—что въ сокращеніи значить Іисусъ, и *x* и *s*—что въ такомъ же сокращеніи означаетъ Христосъ. А какими перстами кто почитываетъ эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа при посредствѣ руки священника, и что Іисусъ Христосъ самъ даетъ благодать благословенія по прошенію того, кто ищетъ ея съ вѣрою. Не приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается Христосъ благословляющимъ на иконахъ, поелику такая форма пертосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Іисусъ Христосъ, именно: большой палець, т. е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Іисуса, а два (второй и третій) стоймя съ небольшимъ наклоненіемъ одного изъ нихъ *x*, и малый послѣдній *s*, что значить Христосъ. Впрочемъ то же самое будетъ означать, если будутъ держатъ и два послѣдніе перста (приклоненными) ниже въ формѣ двухъ *s s*, три же первые стоймя, какъ изображалось *i* и *x*,—и это не дѣлаетъ никакого различія“. Такимъ образомъ патріархъ Паисій, отвѣчая на вопросъ относительно пертосложенія въ іерейскомъ благословеніи, прямо и рѣшительно говорить, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіа, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное, и тѣмъ ясно даетъ понять, что константинопольская церковь, отъ лица которой говоритъ патріархъ, сущность дѣла полагаетъ здѣсь не въ томъ или иномъ пертосложеніи, а въ са-

мой мысли, выражаемой имъ, такъ что, если человекъ держитъ правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какъ онъ и какіе именно персты слагаетъ. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго архіерейскаго или іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другаго перстосложенія, то тѣмъ болѣе конечно эта свобода допустима относительно обычнаго знаменованія себя крестомъ каждымъ христіаниномъ, лишь бы только мысль, выражаемая тѣмъ или другимъ перстосложеніемъ, была строго православна.

Вотъ точка зрѣнія православной константинопольской церкви на то или другое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и въ архіерейскомъ благословеніи, официально выраженная въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Никону. Этимъ вполнѣ объясняется то явленіе, что константинопольская церковь, сама употребляя въ послѣднее время исключительно троеперстіе, въ то же время допускала существованіе двоеперстія и въ московской и въ кievской Руси и у сербовъ, и вовсе не предпринимала какихъ-либо мѣръ для замѣны его у нихъ троеперстіемъ, такъ какъ она знала, что съ двоеперстіемъ русскіе и сербы соединили ту же самую православную мысль, что и греки съ троеперстіемъ. Но была въ этомъ дѣлѣ и другая сторона.

Простое заявленіе константинопольскаго патріарха, что греки употребляютъ по преданію древнее обыкновеніе креститься тремя первыми перстами во образъ Св. Троицы, безъ всякаго подтвержденія этого положенія какимъ-либо доказательствомъ, кромѣ указанія на заключающееся въ немъ православное ученіе, очевидное нежеланіе патріарха сказать, что русское двоеперстіе не есть такое же древнее обыкновеніе, какъ и греческое троеперстіе, его очевидное преднамѣренное стремленіе внушить русскимъ ту мысль, что то и другое перстосложеніе въ существѣ дѣла совершенно безразлично, лишь бы только имъ выражалась православная мысль, ясно показываетъ, что ученый Мелетій Сиригъ, которому принадлежитъ составленіе соборныхъ отвѣтовъ на вопросы Никона, хорошо знаетъ, что въ православной вселенской церкви перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было въ различное время неодинаково, что русское двоеперстіе нѣкогда существовало и у самихъ грековъ, отъ которыхъ оно

вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и перешло къ русскимъ. Именно этимъ и объясняется то обстоятельство, почему константинопольскій соборъ въ своихъ отвѣтахъ Никону никакъ не могъ сказать того, что единственно древняя и православная форма перстосложенія въ крестномъ знаменіи есть только троеперстная, современная греческая, и что русское двоеперстіе по отношенію къ греческому троеперстію есть уже позднѣйшая, искаженная форма перстосложенія, хотя Никонъ въ своихъ вопросахъ и требовалъ конечно именно того, о чемъ рѣшительно умалчиваетъ соборъ, т. е. желалъ знать, какое перстосложеніе древнѣе и простѣе—греческое или русское—двоеперстное троеперстное.

Что у грековъ въ древнее время вмѣстѣ съ другими формами перстосложенія существовало и двоеперстіе, на это имѣются прямые данныя. Такъ одинъ грекъ XII вѣка отличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя подобно монофелитамъ однимъ перстомъ, „между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и три лица (въ Божествѣ)“⁸⁵). Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 года (хотя некоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говоритъ, что въ крестномъ знаменіи „два перста убо и една рука являютъ распятаго Господа нашего Исуса Христа, во двою естеству и въ единомъ составѣ познаваема“. Но болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія въ крестномъ знаменіи принадлежитъ несторіанскому митрополиту Ильѣ Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане и монофизиты называютъ православныхъ, — и съ несторіанами, онъ говоритъ „въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами: что они не согласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, одни знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе двумя перстами, ведя,

⁸⁵) Cotelerio: Ecclesiae Graecae monumenta, t. III, p. 500—XXIV, 502—XXXVI, 507—LVII, 508—LVIII и 670.

наоборотъ, справа налѣво. Яковиты, 'объявля' себя 'однимъ' перстоу съ сѣва направо; означаютъ этимъ, что: вѣруютъ въ единого Христа—превели искупленныхъ отъ грѣха (сѣва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты, изображая крестъ въ знаменіи двумя перстами—справа налѣво, исповѣдуютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ Божество и человѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиной нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой“. Это ясное и определенное свидѣтельство объ употребленіи греками въ X вѣкѣ двоеперетія въ крестномъ знаменіи наши полемисты съ расколомъ стараются всячески отвергнуть на томъ основаніи, что подъ мелхитами слѣдуетъ будто бы разумѣть вовсе не православныхъ, а какихъ-то невѣдомыхъ для исторіи еретиковъ. Такъ о. Виноградовъ, въ своемъ сочиненіи „О Θεодоритовомъ Словѣ“ говоритъ: „мелхиты почему-то въ статьѣ о крестномъ знаменіи, помѣщенной въ Чтен. Общ. Ист. 1847 г., № 7, названы *православными*“. Почему пресвященный Филаретъ черниговскій, авторъ упомянутой статьи о крестномъ знаменіи, называетъ мелхитовъ православными, это понятно. Ассеманъ, у котораго Филаретъ черниговскій и о. Виноградовъ берутъ приведенное выше свидѣтельство Ильи Гевери, въ главѣ, гдѣ находится это свидѣтельство, прямо говоритъ, что нѣкоторые несторіанскіе обряды очень сходны съ обрядами мелхитовъ или грековъ, что несторіане *ἵτις* *ἑραεσιν* *αερασιτις* и затѣмъ говоритъ между прочимъ, что несторіане изображаютъ крестъ „*по обычаю грековъ*“, въ доказательство чего и приводитъ свидѣтельство Ильи Гевери о томъ, что мелхиты и несторіане крестятся двумя перстами ⁶⁴).

Что подъ мелхитами нужно разумѣть православныхъ и, частіе, православныхъ грековъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ и изъ другихъ мѣстъ Ассемана, гдѣ онъ только говоритъ о мелхитахъ. По поводу небеснаго огня, сходящаго въ Іерусалимѣ въ великую утрению на Гробъ Господень, онъ говоритъ: „*яе* *волею* *Бога*, *а* *волею* *тварей* *дѣлается* *это* *чудо*: *это* *ясно* *изъ* *того*, *что* *патріархъ* *мелхитовъ* *въ* *какое* *хочетъ* *время* *входитъ* *и* *зажигаетъ*“.

⁶⁴) Asseman. Biblioth. Oriental. T. III, pars 2, pag. CCCLXXVII—CCCLXXVIII и CCCLXXXVIII.

еть свѣчи въ двухъ лампадахъ, скрытыя въ запертомъ святомъ гробѣ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ армянскій патриархъ, семь дѣтъ прожившій въ Іерусалимѣ и входившій для возжиганія огня вмѣстѣ съ патриархомъ мелхитовъ“⁸⁵⁾. Ясно, что въ данномъ случаѣ патриархомъ мелхитовъ названъ не кто иной, какъ православный іерусалимскій патриархъ. На это даже и указываетъ самъ Ассеманъ, когда говоритъ: „Quaresimus говоритъ, что огонь возжигается абиссинцами, а не патриархомъ мелхитовъ или грековъ“⁸⁶⁾. Армянскій митрополитъ, конца XIII и начала XIV вѣка, „Ebedjesus Sebepais“, различивъ три секты христіанъ, именно яковитовъ, мелхитовъ и несторіанъ, объ мелхитахъ прибавляетъ: другая, которая признаетъ два естества и одно лицо въ Христѣ, называется сектой мелхитовъ, такъ какъ установлена силой императоромъ; и ее признали римляне, которые называются франками, и константинопольскіе греки и всѣ сѣверные народы: именно рутены (Русскіе), аланы, черкассы, азіані, грузины и другіе ихъ сосѣди. Франки же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что считаютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына и для жертвы употребляютъ опрѣзоны“⁸⁷⁾.

И другіе ученые, напримѣръ Combetis, подъ мелхитами разумѣютъ православныхъ, или всѣхъ тѣхъ, которые вопреки еретикамъ-монофизитамъ признали четвертый Вселенскій соборъ. Онъ говоритъ: „одни, послѣдовавшіе православной вѣрѣ, собору и царю Маркіану, были названы мелхитами, т.-е. царскими, потому что мелхи по-сирски и по-еврейски значить царь“⁸⁸⁾. Наши полемисты съ расколомъ, въ подтвержденіе того, что подъ мелхитами слѣдуетъ разумѣть еретиковъ, а не православныхъ, ссылаются на старопечатную Кормчую, въ которой приведены слѣдующія слова Дмитрія, митрополита визичевского (911—919 г.),

⁸⁵⁾ Ibid. p. CCCLXV.

⁸⁶⁾ Ibid. p. CCCLXVI. И въ другихъ мѣстахъ Ассеманъ называетъ грековъ мелхитами: «тѣ же ступени посвященія и у грековъ мелхитовъ въ антиохійскомъ патриархатѣ», «обрядъ благословенія архидіакона относится къ антиохійской церкви грековъ мелхитовъ»; «ограниченная власть хорепископа и періодефта у грековъ мелхитовъ, сирійцевъ несторіанъ и яковитовъ», Ibid. p. DCCCXXXII, DCCCXLIII.

⁸⁷⁾ Ibid. c. CCCXXXIII, и t. II, p. 456.

⁸⁸⁾ Combetis Historia haeresis Monothelitarum, p. 265.

о яковитѣхъ и о хащшарѣхъ: „другая ересь мелхите нарекошася, иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши, мелхій бо царь сказуется; сии же и хащшари, иже токмо въ крестъ вѣрують, по языку бо ихъ хаши крестъ именуется“⁸⁹⁾.

Но вопросъ въ томъ: кто былъ благочестивый царь Маркіанъ, за которымъ послѣдовали мелхиты и отъ котораго они получили свое названіе? Это былъ греческій императоръ Маркіанъ, супругъ Пульхеріи, который въ 451 году собралъ въ Халкидонѣ четвертый Вселенскій соборъ, осудившій монофизитовъ, которые съ этого времени уже окончательно отдѣлились отъ православной церкви, увѣряя, что опредѣленія Халкидонскаго собора состоялись будто бы подъ давленіемъ императора, почему они принявшихъ этотъ соборъ и назвали отъ еврейско-сирскаго слова мелехъ-царь—мелхитами, парскими или по современному—фроялитами. Очевидно, что слѣдовать благочестивому царю Маркіану, т.-е. быть мелхитами значило быть православнымъ, наоборотъ, не слѣдовать Маркіану, т.-е. не быть мелхитомъ—значило не быть православнымъ. Въ виду этого уже само собою становится понятнымъ, что православный митрополитъ Димитрій кизическій никакъ не могъ назвать мелхитовъ, „иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши“, еретиками. Онъ дѣйствительно и не называетъ мелхитовъ еретиками. Приведенное мѣсто Димитрія кизическаго съ греческаго читается такъ: „мелхитами были названы послѣдовавши благочестивому царю Маркіану, ибо мелхи значить царь“⁹⁰⁾ и только. Вѣроятно какой-нибудь позднѣйшій славянскій писатель, приводя это мѣсто изъ Димитрія кизическаго, и видя, что онъ говоритъ о еретикахъ яковитахъ и тутъ же о какихъ-то непонятныхъ ему мелхитахъ, счелъ и послѣднихъ за еретиковъ наравнѣ съ яковитами и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ отъ себя къ словамъ Димитрія кизическаго пояснительную приставку изъ двухъ словъ: „другая ересь“, благодаря чему православные послѣдователи благочестиваго царя Маркіана совершенно неожиданно превратились въ еретиковъ.

⁸⁹⁾ Свящ. Виноградова: О Феоодоровомъ словѣ, стр. 46. Высокопреосв. Макарія статья: правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія. Братское слово, 1875 г., кн. 2, стр. 34.

⁹⁰⁾ Подлинный греческій текстъ приведенныхъ словъ Димитрія Кизическаго, см. у Рали и Потли въ Zбѣхата, т. IV, стр. 407—408.

Силу приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ въ пользу существованія у грековъ двоеперстія въ X, XI и XII вѣкахъ нѣкоторые думаютъ ослабить и тѣмъ еще соображеніемъ, что будто бы приведенныя свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, специально сирійскій обычай ^{*)}, котораго совѣтъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстіе вовсе не употреблялось. Но и такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію. Мы имѣемъ подъ руками такой фактъ, который ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви вначалѣ XI столѣтія. Этотъ фактъ заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антиохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ мидитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргиропуломъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году 15 июня Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитскими, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ константинопольскимъ составленъ былъ соборъ съ цѣлю обратить яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху и Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же послѣ долгаго спора не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали едея въ евхаристіи и крестились не однимъ перстомъ, а двумя ^{**)}. Григорій

^{*)} См. вышеупомянутую статью митрополита Макарія въ Братскомъ словѣ, стр. 34, 35, 43.

^{**)} Tum (inquit) facto rursus conventu Patriarcham (Graecorum) et episcopos accessentes, Ioannem Abdon Patriarcham et Eliam Symnadae episcopum sedere

Bar-hebraeus, яковитсiй патрiархъ конца XIII вѣка, у котораго Ассеманъ взялъ приведенное имъ извѣстiе, въ своей „Хроникѣ“ о пребыванiи Иоанна Абдона въ Константинополь рассказываетъ слѣдующее: когда Абдонъ явился въ Константинополь, то народъ благодаря неблагопрiятнымъ вѣстямъ, распущеннымъ про яковитовъ митрополитомъ Никiеоромъ, бросалъ въ яковитскаго патрiарха и его свиту съ крышъ камнями. „Когда же предстали предъ патрiархомъ халкидонскимъ въ ихъ большой церкви, того патрiарха злорѣчивый митрополитъ греческiй убѣдилъ не вступать съ ними (яковитами) въ изслѣдованiе о вѣрѣ, такъ какъ они были чрезвычайно искусны въ спорахъ, но не могъ сдѣлать, чтобы не спрашивали ихъ. Итакъ, когда спрашивали, что же они исповѣдывали, наши принесли два свитка (двѣ книги), написанные по гречески и по сирiйски. Когда же раскрыли свитки, то греки ничего не могли прочесть въ нихъ. „Мы васъ привели, сказали противники (греки), не затѣмъ, чтобы у васъ учиться вѣрѣ, но чтобы васъ учить вѣрѣ; исповѣдуйте вмѣстѣ съ нами двѣ природы послѣ соединенiя (post unionem)“. А патрiархъ (яковитскiй) отвѣтилъ: „мы ни въ чемъ не измѣнили исповѣданiе нашихъ отцовъ“. Тогда сей злорѣчивый милитинецъ, поднимаясь, говоритъ: „ты отвергаешь исповѣданiе императора“⁹³⁾ и

---

jusserunt. Quumque post longam disputationem nostros in suam sententiam flectere nequivissent, id unum ab iis postularunt, ne scilicet olenam Eucharistiae admitterent, neve crucem unico digito, sed duobus firmarent. Asseman. Biblioth. Oriental. T. II, pag. 352 и 356.

⁹³⁾ Греки такимъ образомъ отождествляли православiе съ вѣрностью константинопольскому императору; въ числѣ доказательствъ въ пользу православiя указывали на то, что его установили и исповѣдуютъ византийскiе императоры, почему яковиты и потомъ несторiане и называли православныхъ грешовъ презрительно *мелхитами*, т.-е. вѣрующими по приказу царя. Гиббонъ говоритъ: «многочисленность и высшiе признаки могущества давали латинянамъ и грекамъ нѣкоторое право называть себя католиками; но на востокѣ имъ давали менѣе почетное названiе *мелхитовъ* или *роялистовъ*, т.-е. такихъ людей, вѣрованiя которыхъ основывались не на Свящ. Писанiи, не на разсудкѣ и не на традици, а были установлены и поддерживались произвольно властiю свѣтскаго монарха. Ихъ противники (т.-е. яковиты и несторiане) могли ссылаться на слова членовъ Константинопольскаго собора, объявившихъ себя рабами государя и могли съ злобною радостiю рассказывать, какъ декреты Халкидонскаго собора были внушены и переданы императоромъ Маркiаномъ и его цѣломудренною супругой (Ист. упадка и разрушенiя римск. имперiи, т. V, стр. 273, перев. Невѣдомскаго).

ударилъ патриарха по щекѣ, ему самъ блаженный подставилъ и другую. Такимъ дѣйствіемъ многіе изъ знатныхъ грековъ были раздражены, опечалены и плакали и, вышедши, разошлись съ ропотомъ. Патриархъ же и его спутники были отведены въ монастырь Маг-Меннае и на слѣдующій день въ монастырь Григорія. Потомъ собравши другой соборъ, пригласили патриарха (греческаго) и епископовъ (греческихъ) и заставили присутствовать патриарха (яковитскаго) и Елію симнадійскаго. Когда же послѣ многихъ собесѣдованій увидали, что тѣ съ ними совсѣмъ не соглашаются, сказали: „только не примѣшивайте елей къ священной частичкѣ и не изображайте крестъ однимъ перстомъ, но двумя“^{*)}.

Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патриархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами желая обратить въ православіе яковитскаго патриарха Іоанна VIII и его спутниковъ, торжественно потребовалъ отъ нихъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, но двумя. Ясное дѣло, что вначалѣ XI вѣка какъ самъ константинопольскій патриархъ, такъ и другіе греческіе іерархи въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно-православнымъ перстосложеніемъ, вопреки монофизитскому одноперстію. Почему греки держались двоеперстія и почему они такъ настойчиво требовали отъ яковитовъ, чтобы тѣ никакъ не крестились однимъ перстомъ, а двумя,—понятно. Употребленіе яковитами одного перста въ крестномъ знаменіи находилось въ тѣсной связи съ ихъ монофизитскими воззрѣніями на природу Христа. Ассеманъ въ своей „dissertatio de Monophysitis, помѣщенной въ началѣ втораго тома его: Bibl. Oriental., говоритъ: „Пратеолъ со словъ Бернарда люксембургскаго, а со словъ Пратеола Куалтерій Гошманъ пишутъ, что яковиты не вѣруютъ во Святую Троицу, но только въ единство, въ обозначеніе чего при крестномъ знаменіи знаменуютъ себя и осѣняютъ однимъ перстомъ. Откуда они взяли

---

*) *Tantum modo, aiebant, ne misceatis oleum particulae consecrandae, et ne cruceм signetis uno digito, sed duobus.* Gregorii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum издава въ трехъ томахъ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями, Ioannes Baptista Abbeloos et Thomas Iosephus Lamy Loceanii 1872 г. Приведенія нами свѣдѣнія объ Іоаннѣ Абдонѣ взяты изъ перваго тома, стр. 426—430.

такой обычай—не говорить. Но что онъ дѣйствительно былъ измышленъ, это доказываютъ синодальныя посланія патріарховъ того народа къ александрійскимъ первосвященникамъ, равно богословскія сочиненія епископовъ и ученыхъ, на которыя я ссылаюсь въ этомъ томѣ; наконецъ сирійскія литургіи и богослужебныя книги той сенты, въ которыхъ ничто такъ часто не встрѣчается, какъ исповѣдываніе тринитности лицъ и единства божественной природы. Почему же знаменіе креста совершаютъ однимъ перстомъ, причину этого указываетъ Давидъ, сынъ Павла, епископъ яковитскій, въ діалогѣ de Trisagio въ слѣдующихъ словахъ: поелику Христосъ одинъ, Божіе слово, которое воплотилось, а не два и распятъ на одномъ крестѣ и одинъ разъ; по сему крестъ изображаемъ однимъ перстомъ. Ту же почти причину, указанную самими яковитами, принимаетъ и Яковъ Витрійскій въ *Histor. Orient.* Когда же я спрашивалъ, говорить, почему знаменовались только однимъ перстомъ, отвѣчали, что однимъ перстомъ обозначали единую божескую сущность, тремя же частями—Троицу, осѣняя себя знаменіемъ креста во имя тринитности и единства. *Греки же и сиріане возражали имъ, что по причинѣ единства природы, которую признавали во Христѣ, знаменовались только однимъ перстомъ.* Замѣть, что не только противники яковитовъ, наковы греки и сиріане, обвиняютъ ихъ въ томъ нелѣпнѣйшемъ заблужденіи, которое Пратеоль и иные вышеупомянутые авторы имъ приписываютъ⁹⁵. Греки обличали латинянъ въ томъ, что они крестятъ лицо однимъ перстомъ подобно тому, какъ это дѣлаютъ монофизиты, имѣющіе въ виду обозначить этимъ единую природу Распятаго⁹⁶). Combetis говоритъ⁹⁶), что яковиты „придумали и то, чтобъ однимъ перстомъ крестить лицо, какъ признающіе во Христѣ одну природу“. Gretseri говоритъ⁹⁷), что одноперстіе въ крестномъ знаменіи „употреблялось нѣкогда еретиками монофизитами въ означеніе единой природы во Христѣ, по свидѣтельству Никіфора (lib. 18, с. 53)“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: „два перста (въ крестномъ знаменіи означаютъ) двѣ природы во

⁹⁵) Cotelario, *Ecclesiae Graecae monumenta*, t. III, p. 507, 508, 670.

⁹⁶) *Historia haeresis monothelitarum*, p. 266.

⁹⁷) *Opera omnia*, t. 1, lib. IV, cap. I, p. 338 и cap. IV, p. 343.

Христѣ... ибо если еретики монофизиты однимъ перстомъ выражали еретически одну природу во Христѣ, почему не изображать православнымъ, въ противность еретикамъ, двѣ природы (во Христѣ) *двумя перстами, обыкновенно употребляемыми при изображеніи креста*“. Дѣйствительно, когда появилась ересь монофизитовъ, которая воспользовалась древнѣйшей, до того употреблявшейся формой перстосложенія — одноперстіемъ для пропаганды своего еретическаго ученія, стала смотрѣть на одноперстіе какъ на символическое выраженіе своего ученія о единой природѣ во Христѣ, тогда православные вопреки монофизитамъ стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христѣ. Такъ случилось, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить внѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе — православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ православное народонаселеніе было перемѣщено съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патріарха и его спутниковъ, настойчиво требовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя: по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія заключали въ то время и о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось и въ константинопольской церкви и потомъ между сирійскими православными христіанами и почему троеперстіе, эта самая естественная для христіанина форма перстосложенія^{*)}, могло сдѣлаться въ греческой церкви всеобщимъ

^{*)} Потому что троеперстіемъ выражается основной догматъ христіанства — ученіе о троячности лицъ въ Божествѣ. Съ этой точки зрѣнія и латиняне признають троеперстіе за самую лучшую форму перстосложенія. Такъ: Gretseri,

господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ; этимъ объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, не соприкасавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ⁹⁹⁾.

Такимъ образомъ въ греческой православной церкви, благодаря особымъ обстоятельствамъ (именно монофизитству), несомнѣнно существовалъ очень продолжительный періодъ времени, когда двоеперстіе было въ ней господствующею и преобладающею формою въ крестномъ знаменіи; отрицать этотъ фактъ невозможно, да и нужды въ этомъ, какъ увидимъ, нѣтъ никакой.

Изъ сказаннаго нами понятнымъ становится, откуда и когда произошло на Руси двоеперстіе и насколько виновато въ немъ московское невѣжество. Въ 1029 году самъ константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, требовалъ на соборѣ отъ яковитскаго патріарха Іоанна VIII Абдона и его спутниковъ, чтобы „они крестились не однимъ перстомъ, а двумя“, требовалъ этого конечно потому, что правымъ и обязательнымъ для православныхъ перстосложеніемъ греки считали въ то время двоеперстіе. Но, какъ извѣстно, менѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до этого событія русскіе приняли христіанство отъ грековъ, приняли къ себѣ присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтителі русскихъ христіанствомъ, греки прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ виѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству; понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскихъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ

въ вышеуказанномъ сочиненіи (t. I, сар. IV, р. 343) говорить: «и не важно, всей ли рукой или тремя перстами изображать крестъ, хотя яснѣе изображеніе Троицы при троеперстномъ знаменіи.

⁹⁹⁾ Объ употребленіи въ римской церкви троеперстія въ крестномъ знаменіи говорятъ: папа Левъ IV (847—855), папа Иннокентій III (1198), Лука, епископъ тудентскій въ Испаніи († 1288) и др. (Всѣ эти свидѣтельства указаны въ вышеупомянутой статьѣ высокопр. Макарія, помѣщенной въ Братскомъ словѣ, 1876, кн. 2, стр. 38—39 и въ статьѣ преосв. Филарета, архіеп. черниговскаго, помѣщенной въ Чт. общ. исторіи и древностей 1847 г. кн. VII, стр. 32).

это время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложение, то конечно и русскихъ они научили знаменоватъ себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами. Вотъ когда и откуда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

Но признаніе того факта, что двоеперстіе въ крестномъ знаменіи существовало нѣкогда въ православной греческой церкви, какъ преобладающая и господствующая форма перстосложения, что она по времени предшествовала господствующему значенію троеперстія, нисколько однако не оправдываетъ нашихъ старообрядцевъ, доселѣ смотрящихъ на двоеперстіе какъ на единственно и исключительно православную форму перстосложения и отрицающихъ всѣ другія формы, какъ неправославныя и даже еретическія. Дѣло въ томъ, что если двоеперстіе, какъ господствующая форма перстосложения и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстнаго перстосложения, то все-таки и само оно не было однако первоначальной и древнѣйшею формою перстосложения, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ. На это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“. Св. Епифаній говоритъ о нѣкомъ знакомомъ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ „взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* впечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе“. Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Теодоритъ, церковный историкъ Созоменъ, св. Григорій Двоесловъ Іоаннъ Москъ и др. Только у одного св. Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ“¹⁰⁰).

¹⁰⁰) Всѣ эти свидѣтельства приведены въ статьѣ митрополита Макарія: «Правильно Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія» (Братское слово 1875 г. кн. 2) и въ статьѣ «О крестномъ знаменіи» Филарета, архіепископа черниговскаго (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г. № 7).

Самый крестъ при знаменованіи себя въ первые вѣка христіанства изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ или же на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльных частяхъ тѣла, такъ что знаменованіе себя большимъ крестомъ въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время ¹⁰¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что перстосложеніе для крестнаго знаменія было въ христіанской церкви въ различное время очень не одинаково; знаменовали себя крестомъ и однимъ перстомъ, и двумя, и тремя, причемъ въ различное время такому или иному перстосложенію усвоилось обыкновенно известное, определенное символическое значеніе въ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ ¹⁰²⁾, которое хотѣли выразить вѣншиимъ,

¹⁰¹⁾ Объ этомъ находятся свидѣтельства у Тертуліана, Кипріяна, св. Ипполита, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Ефрема Сирина, Амвросія Медианскаго, у Иеронима, Августина и др. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ и нѣкоторымъ русскимъ первой половины XVI вѣка. Соборная грамота въ Соловецкій монастырь, о заточеніи бывшаго троицкаго игумена Артемія, говоритъ: «да и потому Артемью вина, что троицкій бывшей игуменъ Иона Сергіева монастыря писалъ на него, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: нѣтъ де въ томъ ничего, прежде и сего на челѣ своемъ знаменіе креста, а нигдѣ своимъ произволеніемъ болше на себя кресты кладуть» (А. Э. 1, № 239, стр. 252).

¹⁰²⁾ Филаретъ, архіепископъ черниговскій, въ своей статьѣ: богослуженіе русской церкви до-монгольскаго времени, въ трактатѣ о крестномъ знаменіи говоритъ: «Извѣстно, что христіане вселенской церкви въ разное время различно знаменовались крестнымъ знаменіемъ, смотря по тому, какую мысль вѣри, какое чувство нужно выражать симъ вѣншиимъ дѣйствіемъ, по обстоятельствамъ времени. Чтобы показывать единство Божіе многобожникамъ (въ первое время христіанства), творили знаменіе креста *однимъ перстомъ*. Когда явился Аріій съ своею враждою противъ св. Троицы, тогда *нѣкоторые* стали знаменоваться тремя перстами, хотя общимъ знаменіемъ продолжало оставаться одноперстие. Сіе (троеперстное) неуспѣло еще освятиться употребленіемъ вмѣсто одноперстнаго, какъ монофизитство, явивъ къ концу V вѣка, заставило православныхъ обратиться къ другому знаменію. Монофизиты съ тѣмъ большимъ рвеніемъ продолжали употреблять одноперстное знаменіе, что оно, какъ казалось имъ, подкрѣпляетъ мнѣніе объ единомъ ествѣ въ Христвѣ Иисусѣ. Православные, желая исповѣдать не только устами, но осязательнымъ знакомъ два естества во Христвѣ, *стали знаменоваться двумя перстами*. Къ началу X вѣка сн два вида знаменій—одноперстное и двуперстное служили однимъ изъ вѣншиихъ отличій двухъ разныхъ вѣроисповѣданій, монофизитскаго и православнаго. Такъ было въ Сиріи и

для всех видимымъ знаменемъ, такъ что правильность того или другаго перетолкованія опредѣлялась въ данное время соединяемымъ съ нимъ ученіемъ. Самый крестъ въ знаменованіи себя христіане сначала изображали только или на чекъ, или на другихъ частяхъ тѣла и уже послѣ стали класть руку при изображеніи креста на чело, потомъ на животъ, на правое плечо и на лѣвое или сначала на лѣвое, а потомъ на правое. Следовательно перетолкованіе въ крестномъ знаменіи и самый способъ изображенія креста имѣютъ свою исторію, такъ какъ они съ теченіемъ времени видоизмѣнялись по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, причемъ эти видоизмѣненія, всегда находились въ связи съ вѣрученіемъ, которое хотѣли въ данное время выразить извѣстнымъ перетолкованіемъ ¹⁰²⁾. Отсюда само собою

Арменіи, гдѣ монофизитство дѣйствовало съ особою силою. Между тѣмъ троенерстное знаменіе крестомъ входило болѣе и болѣе въ употребленіе и особенно тамъ, гдѣ монофизитство мало занимало собою умы людей: за нимъ осталось то преимущество, что оно для всехъ выражало одинъ изъ самыхъ важныхъ догматовъ христіанства—догматъ св. Троицы, а другихъ отклоняло отъ опоръ пустыхъ». (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г. кн. VII, стр. 30—32).

¹⁰²⁾ Къ сожалѣнію въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще нѣтъ ни одного, строго-научнаго, безпристрастнаго и серьезнаго историческаго изслѣдованія какъ о перетолкованіи въ крестномъ знаменіи, такъ и по другимъ вопросамъ, которые однако уже дѣланы два столѣтія служатъ между православными и старообрядцами предметомъ горячихъ споровъ, прерваній и взаимныхъ обвиненій, часто несправедливыхъ благодаря тому, что обѣ спорящія стороны не имѣютъ подъ собою твердой, научно-изслѣдованной почвы. Намъ кажется, что на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ нравственный долгъ изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и возможна будетъ правильная постановка полемики съ расколомъ, самая ея успѣшность и плодотворность. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха полемики съ расколомъ недостаточно ограничиваться одними обличеніями невѣжества и непониманія раскольниковъ, а нужно показать и свое собственное, строго-научное и безпристрастно-приобрѣтенное знаніе, недостаточно ограничиваться и заявленіями однихъ общихъ истинъ, что обрядъ не догматъ, что онъ въ теченіе вѣковъ видоизмѣнялся въ православной церкви и можетъ видоизмѣняться, что значеніе обряда опредѣляется не тою или другою его внѣшнюю формою, а заключающимся въ немъ ученіемъ. Необходимо для успѣха полемики эти общія истины показывать и доказывать на безпристрастно и основательно изученной исторіи тѣхъ самыхъ частныхъ обрядовъ, по поводу которыхъ старообрядцы отбѣднили отъ церкви и о которыхъ доселѣ ведутся постоянно горячіе споры съ ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, безпри-

слѣдуетъ, что считать какую-либо одну форму перстосложенія за единственно православную, будто бы всегда неизмѣнно существовавшую въ православной церкви, исключаящую всѣ другія формы, какъ неправославныя, придавать тому или другому перстосло-

страстно и безъ полемическихъ увлеченій будетъ изложена, напимѣръ исторія перстосложенія въ православной церкви и если возможно и въ другихъ христіанскихъ церквахъ, сдѣлается понятнымъ, что обрядъ никакъ нельзя смѣшивать съ догматомъ, считать его, какъ и догматъ всегда одинаково неизмѣннымъ, тогда и онъ увидитъ, что съ точки зрѣнія древности существованія обряда и двоеперстіе и троеперстіе есть позднѣйшія формы перстосложенія по отношенію къ древнѣйшей—одноперстію. Онъ увидитъ и то, что одноперстіе, сначала строго-православный обрядъ, уотребляемый великими отцами и учителями церкви, съ теченіемъ времени сдѣлался неправославнымъ, конечно не самъ по себѣ, но въ виду того, что имъ воспользовались еретики монофизиты, связавшіе съ нимъ къ соблазну православныхъ свое еретическое ученіе, вслѣдствіе чего православная церковь и замѣнила у себя одноперстіе, ставшее символомъ монофизитства, двоеперстіемъ, ставшимъ символомъ православія. Онъ увидитъ далѣе, что появленіе двоеперстіа и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой смыслъ и значеніе. Какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, то и сама греческая константинопольская церковь, желая и самой формою перстосложенія въ крестномъ знаменіи отличаться не только отъ монофизитовъ одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ, строго державшихся двоеперстіа, съ которыми они соединили свои еретическія представленія объ образѣ соединенія двухъ природъ во Христѣ, замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ всякому христіанину троеперстіемъ, а ея примѣру послѣдовали потомъ и всѣ другія православныя церкви, такъ что двоеперстіе сдѣлалось съ этого времени исключительной принадлежностью только несторіанства, стало еретическимъ перстосложеніемъ въ глазахъ православныхъ. Отсюда уже само собою будетъ понятнымъ каждому не только то, что двоеперстіе не есть догматъ, но что оно, перешедши на Русь отъ грековъ, когда тѣ вели еще борьбу съ монофизитами, для русской церкви вовсе не соприсавшейся съ монофизитствомъ, никогда не имѣло того исключительнаго и важнаго значенія, каково оно имѣло въ свое время для церкви греческой. Въ виду этого для русскихъ рѣшительно не было никакихъ серьезныхъ и уважительныхъ сколько-нибудь причинъ уморно держаться именно только двоеперстной формы перстосложенія, а тѣмъ болѣе считать ее за исключительно православную форму, особенно послѣ того, какъ и сама греческая церковь отказалась отъ двоеперстіа и замѣнила его у себя троеперстіемъ, благодаря чему нѣкогда православное двоеперстіе сдѣлалось теперь исключительной принадлежностью еретиковъ несторіанъ. Наконецъ, если двоеперстіе уже по самому своему существу и происхожденію не имѣло на Руси той исключительной специальной причины для своего существованія, какаю для него была въ извѣстное время въ греческой церкви и уже по одному этому

женію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значить или вовсе не знать исторію перстосложенія, или завѣдомо исказать ее изъ неправильно понятыхъ полемическихъ цѣлей. То перстосложеніе православно и обязательно для каждаго христіанина, какое въ данное время признаетъ такимъ сама православная церковь, такъ какъ только ей одной исключительно принадлежитъ право, какъ устанавливать и

должно было уступить съ теченіемъ времени свое мѣсто троеперстію, то гдѣ богѣ такая переѣна должна была совершиться у насъ, что благодаря неправильному взгляду на обрядъ вообще и въ частности благодаря нежанію исторіи перстосложенія въ крестномъ знаменіи, нѣкоторыми русскими при дано было двоеперстію совѣмъ неподобающее ему значеніе: оно признано было за догматъ, за единственно православную форму перстосложенія, всегда неизмѣнно существовавшую будто бы въ православной церкви и исключавшую всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправильныя. И это въ то время, когда на православномъ востоцѣ двоеперстіе сдѣлалось исключительно принадлежностію несторіанства, когда тамъ на употребленіе двоеперстія стали смотрѣть какъ на внѣшній видный знакъ принадлежности употребляющаго его лица къ несторіанству. Между тѣмъ русскіе, имѣя неправильное представленіе о происхожденіи и значеніи двоеперстія, стали однако обвинять грековъ на этомъ между прочимъ основаніи въ неправо-славіи, въ искаженіи древняго православнаго обряда и только себя считали людьми истинно и строго православными, вслѣдствіе чего замѣна у насъ двоеперстія, теперь уже исключительно несторіанскаго обычая, троеперстіемъ ставовилось дѣломъ требующимъ миромъ церквей и правильно-понятими интересами самой русской церкви.

Конечно возстановить полную подлинную исторію перстосложенія въ крестномъ, знаменіи съ начала царствованія христіанской церкви до позднѣйшаго времени, равно какъ и исторію другихъ вопросовъ, служащихъ предметомъ спора между православными и раскольниками, дѣло очень не легкое, но въ то же время и не невозможное. Хотя въ древней христіанской церкви и не придавали обряду того преувеличеннаго значенія, какое ему при дано было нѣкоторыми впоследствии особенно русскими, но все-таки и въ то время обрядъ имѣлъ вообще очень важное значеніе, а если съ нимъ соединилось такое вѣроученіе, по поводу котораго происходили споры и несогласія, то въ такихъ случаяхъ обрядъ ставился наравнѣ съ самымъ ученіемъ. Благодаря этому обстоятельству уже одно изученіе, наприм. несторіанства и монофизитства, въ связи съ исторіею православія и многочислен-ныхъ пошнтокъ къ ихъ взаимному примиренію, когда обращается серьезное вни-маніе и на существовавшія между ними обрядовыя разности, можетъ дать, по на-шему мнѣнію, очень цѣнный матеріалъ и для рѣшенія разныхъ обрядовыхъ вопросовъ.

освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковныя обряды, такъ и производить въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія по ея мнѣнію необходимы по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія. Обязанность же всякаго православнаго христіанина въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно подчиняться водительству церкви, признавать для себя обязательнымъ и спасительнымъ то, что такимъ признаетъ святая церковь.

Г Л А В А V.

Патріаршество Іосифа замѣчательно и въ томъ отношеніи, что въ его время со стороны свѣтскаго и духовнаго правитель-ства проявляется особенная заботливость о распространеніи у насъ просвѣщенія. Эта заботливость сказывается прежде всего въ усиленномъ изданіи разныхъ отеческихъ произведеній и книгъ учительнаго характера въ родѣ Кирилловой книги, книги о Вѣрѣ, малаго Катихизиса (который издается, какъ говоритъ предисловіе, „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіаномъ, наипаче же дѣтемъ учащимся“), общеобразовательныхъ, въ родѣ грамматики Мелетія Смотрицкаго. При изданіи самыхъ церковныхъ книгъ видна та же заботливость о распространеніи просвѣщенія. Іосифовскіе книжные справщики вносятъ въ наши церковныя книги разныя не печатавшіяся въ нихъ ранѣе статьи, которыя бы содѣйствовали болѣе сознательному и разумному усвоенію церковныхъ книгъ, вносили бы въ чтеніе ихъ болѣшую осмысленность и оберегли бы читателей отъ разныхъ грубыхъ ошибокъ и погрѣшностей. Съ этою именно цѣлю въ Псалтирь на примѣръ, эту самую любимую и распространенную между грамотными книгу, вносится особая статья о великомъ значеніи креста для христіанина, о томъ, какъ слѣдуетъ знаменоваться крестнымъ знаменіемъ и что этимъ исповѣдуются; или же вносится такая статья: „наказаніе ко учителемъ, како имъ учить дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумнѣю“; причемъ указываются и тѣ грубыя ошибки, въ которыя могутъ впасть обучаемые и на что учителямъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; рекомендується, чтобы ученики

читали неспѣшно, усвоили бы разумъ читаемаго, такъ какъ гримотное ученіе „дѣло Божіе есть“, и потому не допускаетъ небрежности. А самимъ учителямъ, если они окажутся не особенно свѣдущими, рекомендуется: „и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите“.

Сознаніе необходимости не только осмысленнаго чтенія церковныхъ книгъ, необходимости усиленія религіознаго просвѣщенія, но и сознаніе необходимости правильнаго научнаго образованія все болѣе укоренялось въ передовомъ русскимъ обществѣ времени патріарха Іосифа. Съ особенною силою и убѣдительностію говоритъ объ этомъ предисловіе къ грамматикѣ Смотрицкаго. Здѣсь прежде всего указывается на то, что знаменитѣйшіе отцы церкви: Афанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе святые изучали различныя науки: грамматику, философію, риторику, землемѣріе, астрономію; что ради обученія наукамъ они покидали родину и посѣщали различные города, гдѣ только находились каіе-либо знаменитые учителя; что они не только сами изучали различныя науки, но и считали изученіе ихъ необходимымъ для всѣхъ урономъ правильнаго пониманія и усвоенія Св. Писанія, необходимымъ условіемъ истинно-христіанскаго міросозерданія и даже самой христіански-благочестивой жизни. Въ виду этого составители предисловія съ особенною силою вооружаются на противниковъ и презрителей внѣшняго научнаго образованія. „И внѣшнее (образование), говорятъ они, еже мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отменютъ, яко пакостно и навѣтно и отъ Бога разлучающа, — *ea же многомъ змъ рассуждающе*; ибо понеже нѣціи отъ внѣшня премудрости повредишася умомъ, восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы же о сихъ добръ разумѣвающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же вреждающая, отметаемъ... тако убо и о еллинскихъ ученій: елика есть *испытательно и зрительно* сущихъ по естеству сія пріяхомъ, елика же *лестна и пагубна*, сирѣчь боготоренія бѣсовомъ и другая, подобная симъ, отвергохомъ, *паче же отъ тѣхъ ученій пользовахомъ благочестивіи*. Тѣмъ же *не подобаетъ укоряти и безчествовати наказанія, якоже мнится* *нѣкимъ неискуснымъ сущимъ и не имущимъ разума*, еже раздѣ-

лити лучшее отъ горькаго; азъ убо глаголю, яко иже безчестуютъ наказаніе, тѣ сами немаказани суще и велятъ всѣмъ ненаказаннымъ быти, даже отъ нерадѣнія злая творяще, не обличаеми будутъ по реченному, яко отринута чувство и обличающаго во вратѣхъ возненавидѣша; всѣ бо исповѣдуемъ, яко честнѣйше есть ученіе въ насъ и наказаніе сущихъ благъ.“ Указываются примѣры святыхъ искателей любомудрія. „Къ сраму же и затканіе устъ неблагопріятныхъ и поношающихъ быти любомудрію, да посрамятся убо иже не внимающіи во ученіе словеса богословецъ, паче же и укоряюще сіе и инѣмъ возбранающіи, воспрославятъ же ся отъ Бога и человекъ, иже то проходящія... Простится же убо еже ненаученія согрѣшеніе, аще точію не отъ дѣлности происходитъ. А еже съ ненаученіемъ имѣти разума киченіе, люто есть и ненавистно, и прощенія всякаго недостойно, и болѣе да не глаголю крайняго ненаученія знаменія“... Съ особенною силою возстаеъ протівъ тѣхъ „иже въ писаніихъ божественныхъ словесъ разуму непрележаще“, которые говорятъ, „яко нѣсть нужда еже испытovati писанія и ученія многа.“ Возражающимъ, что въ Св. Писаніи много „неудобо разумна намъ являютъся“ и потому читать и понимать его трудно, дается совѣтъ „недовѣдомая“ прочитывать много разъ, а если и послѣ этого оно останется непонятнымъ, „шестьуй къ премудрѣйшему учителю и вопросы глаголемыхъ и много покажи потщаніе“ и тогда Господь, видя твое усердіе „открыеть ти всяко“. Въ частности, въ послѣсловіи о необходимости изученія для каждаго грамматики говорится, что не изучившій ея „и въ писаніихъ покушаяся изслѣдiti, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити имать: како бо кому зыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся; или како разрѣшити возможно въ писаніихъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, паче же писати и читати и глаголати добрѣ, аще не сей кто первѣе пріобщився“ ¹⁾?

Но одними заявленіями о важности и необходимости научнаго образованія при патріархѣ Іосифѣ уже не ограничились, а стали

---

¹⁾ Делишимъ считаеъ сопоставить эти воззрѣнія дѣйствительныхъ книжныхъ

дѣятельно стремиться основать въ Москвѣ, съ помощію ученыхъ кіевлянъ и грековъ, настоящую школу, въ которой бы русскіе могли получать правильное научное образованіе. Въ 1670 году намѣстникъ кіевского митрополита старецъ Игнатій, будучи въ Москвѣ, подалъ государю челобитную, въ которой, отъ имени

Иосифовскихъ справщиковъ на науку и научное образованіе съ тѣми воззрѣніями на этотъ предметъ, которыя имѣли *предполагаемые* книжники Іосифовскіе справщики: Аввакумъ, Лазарь и др., чтобы еще разъ видѣть всю, прямо бросающуюся въ глаза несообразность этого предположенія. Аввакумъ говоритъ, что Діонисій Ареопагитъ «прежде даже не принятъ въ вѣру Христову, хитрость имъ изсчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вѣдѣнья быти яко умѣны. Къ Тимошею пишетъ въ низѣ своей, сице глагола: дѣтя, али неразумѣше яко вся сія вѣдѣнья блядъ ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля и пагуба... Исчислати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріиша, во еже спастися имъ: и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство лести, во еже вѣровати имъ иже, да судъ примутъ невѣровавшіи истинѣ, но благоволиша о неправдѣ». Въ другомъ мѣстѣ: «Алманашики и звѣздочетцы и вси зодѣйчики позовали Бога вѣдѣніемъ хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленныи, угодоблятии Богу своею мудростію начинающе, якоже первый блядливый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелатагаты, блудодѣи. и Ермисъ піяница, и Артемида любодѣвица, о нихъ-же Гранографъ и вси кронники свидѣтельствуютъ, тоже по нихъ бывше Платонъ и Пивагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иннократъ и Галинъ: вси сіи мудри быша и во адъ угодиша... Всеи христіане отъ апостолъ и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости и любви неліцемерной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудростію, живуще въ трезвости, достигаютъ не мудрости вѣдѣнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ... Вниждъ, гордолецъ и алманашникъ, гдѣ твои Платонъ и Пивагоръ! Тако ихъ, яко свиней, вси съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и угодобленія ради Богу. Мои же святіи, смиренія ради и долготерпѣнія, отъ Бога прославишася и по смерти обоготворени быша, понеже и тѣлеса ихъ являютъ въ нихъ живущую благодать Господню, чудесыи и знаменыи яко солище повсюду сіяютъ»... «Такъ то и нынѣшніе алманашники, слышалъ я, мало покою имѣютъ себѣ: и ветхая испражняеть поидеть, а въ книжку поглядитъ, здороволи испраждится. Свиныи и корови болши васъ знаютъ, предъ погодою визжатъ, да ревутъ, да нождъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождъ бываеть. А вы, разумныи свиньи, лице небу и земли измѣрете, а времени своего не ислушаете, како умѣреть. Горе, да только съ вами, съ толстыми быками! «И кромѣ философіи и кромѣ риторикѣи и кромѣ грамматикѣи моцно есть вѣрно сущу препрети всѣхъ противящихся истинѣ». — «И ми, Михайловичъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ впередъ къ Богу всегда да полезѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели съ рито-

митрополита Петра Могилы, заявляя, что „смиранный отецъ; митрополитъ кievскій Петръ, паче всѣхъ прошеній своихъ, изрядное бьетъ челомъ твоему царскому величеству, пожалуй, благочестивый царь, и повели въ царствующемъ своемъ градѣ, благодатію и казною своею царскою, монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кievскаго брат-

рикою славы ища, быти кромѣ Христа. Молю Бога ввечеръ и утро и полудне еже бы тебѣ не желати риторикки киченія ради, но искати распятаго Христа.— Христось не училъ насъ діалектики и ни краснорѣчія, потому что риторъ, ни философъ не можетъ быти христіанинъ. Аще кто отъ христіанъ не истощитъ отъ своего помышленія всяку премудрость вѣннюю и всяку память эллинскихъ философвъ, спастися не можетъ. Премудрость эллинская мати всѣмъ лукавымъ дохматомъ. Сократа философа эллинскаго впи събли, Платона въ ссылку сослали и тамо злѣ исчезъ, понеже хотѣлъ ново житіе въ людехъ поставити». (Матер. для ист. раск. V, стр. 3, 298—299, 334—335; 1, стр. 682—686). Дьяконъ Федоръ свой взглядъ на значеніе науки и образованія вообще высказалъ въ своемъ разговорѣ съ иконійскимъ митрополитомъ Аванасіемъ. Митрополитъ спрашивалъ Федора: «Платона и Аристотеля читаль-ли»?—Федоръ: «которая польза такіа книги честь? Не чту азъ таковыхъ книгъ».—Митрополитъ: «а когда ты не читаль, незнаешъ ничего».—Федоръ: «на что мнѣ тѣя книги чести эллинскихъ безбожныхъ поганыхъ философвъ, которыя въ болваны вѣрвали и о тщетной мудрости упражнялися, а спасенія себѣ не искали!»—Митрополитъ: «а грамматику училъ ли, или читаль?»—Федоръ: «разумѣю отчасти; грамматика не вѣрѣ учить, но какъ какое слово добрѣ глаголати и правѣ писати. То мое о Христѣ ученіе: восточныя святныя дерквы книги и правны догматы. Митрополитъ: «а богословію училъ ли еси»?—Федоръ: «Богословію Христа моего разумѣю отчасти,—погрудился, отче,—и сего ради добрѣ во Христа вѣрую и вѣмъ».—Въ другомъ мѣстѣ Федоръ такъ опредѣляетъ кругъ необходимыхъ знаній: «И ты, чадо мое животное, Максиме, аще знаешъ тѣхъ мящихся быти учителей и наставниковъ по гибели и во тмѣ невѣдѣнія шатающихся, вели имъ прочести съ травнымъ умомъ и съ чистою совѣстію четыре Христова евангелія, изряднѣе же сына Громова богословіе, и прочихъ святыхъ апостолъ проповѣдъ вселенную, и святыхъ седьми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣяній и правила ихъ проити, къ симъ же святныя учительныя слова прочести съ разумомъ и со известнымъ испитаніемъ, да къ тому же и вся службѣ на господскія двундцатныя праздники просмотрити, стихѣры и славники, и ирмосы и каноны, богомудрыхъ творцовъ гранесія, да научатся отъ всѣхъ тѣхъ и громогласно съ нимже всѣми святими согласнѣ исповѣдать въ Троицѣ единаго Бога». (Ibid. VI стр. 54, 101). Съ своей стороны Лазарь въ челобитной государю, говорить: царю благородный, вѣмъ ты благоразумна и мудра суца и чуждуся, како времени сего не испитуешъ! Имѣешъ у себя мудрыхъ философвъ, разсуждающихъ лице небеси и земли и у звѣздъ кво-

скаго монастыря живучи, о твоёмъ царскомъ величествѣ и о благовѣрной царицѣ твоей и о Богомъ дарованныхъ царскихъ чадѣхъ величества твоего безпрестанно Бога молили и дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотъ греческой и словянской учили. Дѣло то Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно. Аще возможно величеству твоему въ семь прошенію отца митрополита кievскаго пожаловати благодатно, яко милосердый царь и свѣтило всему православному роду россійскому; по воли своей государской сотвори, а отецъ митрополитъ кievскій твою государскую волю векорѣ исполнить и старцовъ со учителями пришлетъ“²⁾). Но на этотъ разъ предложеніе кievскаго митрополита въ Москвѣ не было принято. Тогда, въ 1648 году, въ Москву прибылъ за милостынею палеопатрасскій митрополитъ Теофанъ, который подалъ царю особую челобитную, и въ ней между прочимъ заявлялъ: „да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философіи и богословія греческаго языка и по русскому“. Ходатайство Теофана принято было въ Москвѣ благосклонно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ вызвался подыскать для московской школы подходящаго учителя и дѣйствительно прислалъ въ Москву „для печати и ученія“ константинопольскаго архимандрита Венедикта. Но въ Москвѣ Венедиктъ, своимъ учительскимъ самохвальствомъ, мелочною притязательностію и неблаговидными поступками произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе и потому былъ отосланъ назадъ. Послѣ этой неудачной попытки основать школу въ Москвѣ съ помощію грековъ, постельничій Федоръ Ртищевъ рѣшился привести въ исполненіе проектъ, въ 1640 году предложенный кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, объ основаніи въ Москвѣ монастыря, въ которомъ бы вызванные изъ кievскаго братскаго монастыря иноки „дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотъ греческой и словянской учили“. Съ согласія и по бла-

---

сты аршиномъ измѣряющихъ: и таковыхъ глаголетъ Спасъ лицемѣры быти, яко времени сего не испытають, а ты, государь, таковыхъ честныхъ ишаши и различными брашны питаеши и благовонными питіями напоеши, и хочещи въишними ихъ плегухами власть свою мирну управити» (Ibid. IV, 252).

²⁾ Ак. юг.-зап. Рос. т. III, № 33 и 44.

гословенію патріарха Іосифа возникаетъ близъ Москвы Андреевскій монастырь и населяется иноками изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей. Въ 1649 году само правительство вызываетъ въ Москву ученыхъ киевлянъ для перевода Библии съ греческаго языка на славянскій и какъ значится въ одной официальной справкѣ, „для риторскаго ученія“^{*)}. Въ 1649 году въ Москву призываетъ іерусалимскій патріархъ Паксій, а съ нимъ его дидаскаль, грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ киевской Руси и зналъ славянскій языкъ. Наше правительство оставляетъ Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики въ имѣющейся открыться въ Москвѣ школѣ. Но этого мало. Царь обратился съ просьбою къ бывшему тогда въ Москвѣ іерусалимскому патріарху Паисію, чтобы онъ по возвращеніи на востокъ позаботился прискаты между учеными греками благонадежнаго учителя и прислать его для учительства въ Москву: объ этомъ свидѣтельствуеетъ грамота патріарха Паисія къ царю въ 1663 году, въ которой онъ, посылая въ Москву въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавриила, пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ бы далече отъ еретиковъ, и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію поклонитесь, да ученитъ учительство и учить эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ“. Въ то время, когда Ртищевъ и самъ государь озабочивались устроить въ Москвѣ школу, которая бы служила разсадникомъ научнаго просвѣщенія для русскихъ, и патріархъ Іосифъ, съ своей стороны, тоже хлопоталъ о томъ, чтобы подыскать на востокъ между православными учеными греками подходящаго благонадежнаго учителя для московской школы. Хлопоты объ этомъ патріархъ возложилъ на извѣстнаго грека Ивана Петрова Тафрали, служившаго нашему правительству въ качествѣ тайнаго агента по сношеніямъ съ православнымъ востокѣмъ. Иванъ Петровъ исполнилъ порученіе патріарха Іосифа и въ 1649 году доносилъ ему: „даю вѣдомость о нѣкоторомъ

^{*)} Малороссійскія дѣла, св. 5, 1652—1653 г. № 16. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка тоже говорится, что Епифаній былъ вызванъ царемъ въ Москву «ради наученія славено-россійскаго народа дѣтей эллинскому наказанію» (опис. синод. библ. отд. II, 3 № 291, стр. 427).

учителѣ смышленномъ эллинскому языку и разсудителѣ евангельскому слову и имя ему Медентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ, и дажь свое слово—хотѣлъ придти сюда къ благочестивому царю и святѣйшему вашему. А будетъ изволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ уже во время патріарха Іосифа въ извѣстной части передоваго московскаго общества ясно была сознана несостоятельность нашей предшествующей умственной жизни, открыто была признана необходимость науки и образования и какъ естественный результатъ этого сознанія уже при Іосифѣ явились усиленные хлопоты объ учрежденіи въ Москвѣ правильно организованной школы, во главѣ которой стояли бы или ученые кіевляне, или ученые греки⁵⁾. Слѣдовательно, тотъ

---

⁴⁾ О попыткахъ устроить въ Москвѣ школу съ помощію грековъ см. нашу книгу: Характ. отнош. Рос. къ прав. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ стр. 477 и слѣд.

⁵⁾ Обыкновенно всѣ заботы объ устройствѣ въ Москвѣ школы и вызовъ ученыхъ кіевлянъ и грековъ въ Москву стараются приписать влиянію Никона, видя въ этомъ только его личное дѣло. Но думать такъ несправедливо. Никонъ, насколько теперь извѣстно, вовсе не заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Это видно изъ слѣдующаго. Когда Іерусалимскій патріархъ Паисій былъ въ Москвѣ (1649), то царь, конечно съ согласія и одобренія патріарха Іосифа, просилъ Паисія, чтобы онъ и другіе патріархи прислали на востокъ хорошаго, строго-православнаго учителя грека и прислали бы его въ Москву для учительства. Паисій исполнилъ эту просьбу царя только въ 1653 году, когда московскій патріархомъ былъ уже Никонъ. Въ качествѣ учителя Паисій прислалъ въ Москву митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, о которомъ писалъ царю: «избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всеа Італіи, премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о Святомъ Дусе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Гавріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не возмогшихъ обрѣтаецца... А только будетъ производить царствіе ваше быти учительству, и онъ готовъ есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему также обѣщалися, что ему имѣти волю свою, а будетъ благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудеть и много время, покажѣста ученики отъ него отойдуть, и противлятися будутъ съ еретиками, и отвѣтъ бу-

переворотъ въ нашей умственной жизни, когда старая московская, основанная на крайне односторонней книжной начитанности ученость, вмѣстѣ съ старыми московскими сборниками и другими продуктами старорусскаго писательства, признаны были несостоятельными, неудовлетворяющими болѣе современнымъ запросамъ и потребностямъ жизни; когда признана была необходимость усиленныхъ литературныхъ заимствованій изъ южно-русскихъ произведеній, необходимость болѣе тѣснаго сближенія съ образованными кіевлянами и греками, чтобы съ ихъ помощію перенести науку въ Москву и при посредствѣ правильно устро-

дуть давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе, и всѣ бояре и князи, и будещи оставити вѣчное воспоминаніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ». Съ своей стороны и константинопольскій патріархъ Іоанникій писалъ царю о митрополитѣ Гавріилѣ, что онъ «и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестно и православно, якоже воспріяла благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь». Но и помимо этихъ рекомендацій восточныхъ патріарховъ русское правительство уже ранѣе хорошо знало Гавріила Власія, который, проживая въ Молдавіи въ качествѣ учителя, не разъ присылалъ на Русь, какъ ея доброхотъ, отписки съ политическими вѣстями, и кромѣ того ранѣе прислалъ въ Москву двѣ книги: одна—Мелетія, патріарха александрійскаго, противъ іудеевъ, другая—грамматика, причемъ обѣ книги были писаны «злинскимъ и словенскимъ языкомъ». Такимъ образомъ митрополитъ Гавріилъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, чтобы быть принятымъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя: обѣ его православія, выдающейся учености и способности къ учительству торжественно свидѣтельствовали своими грамотами сами восточные патріархи, онъ былъ уже извѣстнымъ доброхотомъ русскаго правительства, онъ зналъ славянскій языкъ и уже ранѣе присылалъ въ Москву книги на греческомъ и славянскомъ языкахъ. А между тѣмъ Гавріилъ не остался въ Москвѣ учителемъ, но былъ отосланъ назадъ, хотя патріархомъ теперь уже былъ Никонъ, предполагаемый ревнитель и поборникъ учрежденія въ Москвѣ школы съ помощію ученыхъ иностранцевъ. Это очень странное явленіе можно бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что Никонъ, вѣроятно, имѣлъ какія-либо вѣскія для него причины не поручать именно Гавріилу устройство въ Москвѣ школы, а хотѣлъ передать это дѣло въ болѣе вѣрныя и лучшія, по его мнѣнію, руки. Но въ дѣйствительности этого не было. Изъ всего времени патріаршества Никона мы не только рѣшительно не имѣемъ никакихъ данныхъ, но даже и намековъ на то, чтобы Никонъ сколько-нибудь думалъ и заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы, хотя времени для этого у него было достаточно, а его выдающееся вліятельное положеніе, его тѣсныя связи съ греками и кіевлянами, давали ему полную возможность быстро и скоро осуществить мысль своего предшественника объ устрой-

енной школы прочно водворить ее здѣсь,—этотъ въ высшей степени важный переворотъ въ нашей духовной жизни начался и въ извѣстной части общества совершился уже при патриархѣ Іосифѣ, время котораго, съ этой стороны, несомнѣнно было временемъ прогрессивнымъ, временемъ того поворота въ умственной жизни русскихъ, который въ концѣ концовъ привелъ ихъ потомъ къ тѣсному сближенію съ образованнымъ Западомъ.

ствѣ въ Москвѣ школы. Между тѣмъ мы видимъ явленіе какъ разъ противоположное: незадолго до патриаршества Никона у насъ идутъ горячія хлопоты о привлеченіи въ Москву ученыхъ, энергичные поиски подходящихъ учителей для задуманной Московской школы; со вступленіемъ же на патриаршій престолъ Никона всѣ эти хлопоты и поиски разомъ прекращаются и вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы совсѣмъ сходитъ съ очереди. Ясно дѣло, что вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы былъ поднятъ и дѣлательно разрабатывался вовсе не Никономъ, а другими лицами, Никонъ же былъ и навсегда остался къ нему равнодушенъ. Правда, Никонъ имѣлъ у себя подъ рукою нѣсколькихъ ученыхъ грековъ и киевлянъ, но они были оставлены въ Москвѣ не имъ, а еще Іосифомъ и Никонъ воспользовался ими не для устройства въ Москвѣ школы, но только для книжныхъ переводовъ и исправленій.

ГЛАВА VI.

На ряду съ прогрессивными просвѣтительными стремленіями, такъ замѣтно проявившими себя во время патріаршества Іосифа, сказалось у насъ въ этоже самое время и другое направленіе, противоположное первому, которое, особенно усилившись къ самому концу патріаршества Іосифа, враждебно столкнулось съ новыми московскими вѣяніями, вступило въ борьбу съ самимъ патріархомъ Іосифомъ, потомъ упорно продолжало бороться съ преемникомъ Іосифа—Никономъ и въ концѣ концовъ породило въ русской церкви расколъ. Откуда и какъ появилось это направленіе при Іосифѣ, кто были его представители, во имя чего и за что оно собственно ратовало—все это такіе вопросы, на которые нѣтъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ у нашихъ церковныхъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ, а между тѣмъ безъ ихъ рѣшенія невозможенъ правильный взглядъ на борьбу между патріархомъ Никономъ и противниками его исправленій, невозможно и правильное пониманіе происхожденія у насъ раскола. Сколько позволятъ наши средства, мы попытаемся изложить это дѣло, какъ мы его понимаемъ, чтобы хотя что-нибудь освѣтить будущему изслѣдователю на этомъ темномъ еще пути.

Со вступленіемъ на царскій престолъ Алексѣя Михайловича особенно выдающееся значеніе въ Москвѣ въ церковныхъ дѣлахъ получилъ духовникъ царя, протопопъ московскаго Благовѣщенскаго собора Стефанъ Воинъ-вѣдьевъ. Судя по тому немногому, что мы знаемъ о Стефанѣ ¹⁾, нужно признать, что это

---

¹⁾ Наши свѣдѣнія о Стефанѣ Воинъ-вѣдьевѣ заимствованы почти исключи-

былъ человѣкъ выдающійся по своему уму, высокимъ нравственнымъ качествамъ, по своей ревности къ благочестію, по своимъ стремленіямъ къ общественной дѣятельности. Это былъ по словамъ біографа Неронова, „мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительное во устахъ имѣя“, человѣкъ, умѣвшій внушить къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ окружающихъ его лицъ. Молодой и воспріимчивый царь Алексѣй Михайловичъ воспитался подъ замѣтнымъ вліяніемъ своего ревностнаго по благочестію духовника, который, „всегда входя въ царскія палаты, глаголаше отъ книгъ слова полезная, увѣщевая со слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній“, такъ что то глубокое и постоянное благочестіе, которое потомъ всегда проявлялъ царь Алексѣй Михайловичъ, было насаждено въ немъ и укрѣплено съ юныхъ лѣтъ его духовникомъ, Стефаномъ Вонифатьевымъ²⁾. Какъ сильно было вліяніе духовника на молодого царя и въ какую сторону оно направлялось, это между прочимъ видно изъ того, что когда Алексѣй Михайловичъ женился на Маріи Милославской, „тогда честный оный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оно брачное время смѣху никакому, ни кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнимъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію“. Стефанъ, какъ истый ревнитель благочестія, хотѣлъ, чтобы именно царскій домъ былъ образцомъ христіанской жизни для подданныхъ, чтобы царь первый отказался отъ тѣхъ свадебныхъ обычаевъ, забавъ и игръ, въ которыхъ болѣе всего сохранилось

только изъ біографіи протопопа Іоанна Неронова, составленной современникомъ и напечатанной въ первомъ томѣ Матеріаловъ для исторіи раскола Н. Субботина.

²⁾ Что Стефанъ Вонифатьевъ поучалъ царя благочестію чтеніемъ ему пастырскихъ книгъ, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ письмѣ Стефану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 года, Нероновъ пишетъ: «преподобнаго же отца Теодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житія къ тебѣ послахъ, моля, да часто почитаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобъ ему, государю, внятно было. Паче же и великаго свѣтлыника и вселеннѣй учителя востину, и покаянію проповѣдника, Іоанна Златоустаго житіе почитаеши молихъ ты». Вѣроятно подобныя чтенія часто достигали цѣли: государю становилось «внятно», что хотѣлъ ему внушить его уважаемый духовникъ.

языческаго, несогласнаго съ духомъ христіанскаго благочестія. Онъ достигъ свой цѣли. Хотя его требованіе, чтобы на царской свадьбѣ небыло никакихъ бѣсовскихъ игрانی, студныхъ пѣсенъ и сопельныхъ и трубныхъ возлогласованій, шло въ разрѣзъ съ народными вѣковыми обычаями, всѣми признаваемыми и свято соблюдаемыми, однако свадьба царя дѣйствительно совершилась „въ тишинѣ и страхѣ Божіи, и въ пѣніихъ и въ пѣсняхъ духовныхъ“; вмѣсто прежнихъ „пѣсней студныхъ“, на ней пѣли „строчные и демественные большіе стихи“, также изъ тріодей „драгія вещи“³⁾.

Но Стефанъ Воиѳатьевъ, „звѣло: пекійся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суца, да не совратится умъ его въ нѣкая злая“, не ограничивался наученіемъ благочестію только одного царя. Онъ старался дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ насадить сѣмена благочестія и гражданской правды. Стефанъ, говорить про него біографъ Неронова, „и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зрище да судять, яко да не видеть отъ нѣкоторыхъ обидѣнныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваоа“⁴⁾. Эти моленія и слезныя увѣщанія Стефана, не только

---

³⁾ Забѣлина: Домъ бытъ русскихъ царицъ, стр. 451.

⁴⁾ До насъ дошелъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Книга, глаголемая Златоустъ», принадлежащая, какъ видно изъ находящейся на ней помѣты, Стефану Воиѳатьеву. Въ этомъ сборникѣ, наряду съ отеческими поученіями, находится и нѣсколько русскихъ произведеній, изъ которыхъ особенно заслуживаетъ вниманія *Слово о правдѣ*. Въ немъ между прочимъ говорится: «аще убо вѣрный царь въ нынѣшнее время испытываемъ, то во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ російскаго языка, нѣвѣми правовѣрующа царя. И аще вѣроу правъ есть, достоинъ ему негѣбносно спискати разсмотря аже ко благополучію всѣмъ сущимъ подъ нимъ. Ни едними вельможами, ежъ о исправленія щещися, но и до послѣднихъ. Вельможи бо суть потребни, но ни отъ воихъ своихъ трудовъ не издоволится. Вначалѣ же всего потребни суть ратаевѣ (земледѣльцы), отъ ихъ трудовъ есть хлѣбъ, отъ хлѣба же всѣхъ благихъ главизна... Ратаевѣ безпрестани различна работная ига подь-емлютъ, овогда бо дають серебряная еброки, а иногда ямская собранія, овогда же ина. Елицы же отъ дарочитательныхъ чловѣкъ сихъ (т.-е. отъ непроизводящихъ непосредственно своимъ трудомъ) послани бывають царскихъ ради собраній (податей), сіиже подля царскаго указа и себѣ много отъ нихъ же собирають.

нивого не вооружали противъ него, но царь и бояре „въ сладость послушаше его и почиташе его и любяше всею душею, яко истаго си отца“. Какъ высоко стоялъ Стефанъ въ мнѣннн близко знавшихъ его лицъ, это видно между прочимъ и изъ того, что протопопъ Аввакумъ, неимѣвший обычая говорить доброе слово о тѣхъ, которые не согласны были съ нимъ во взглядахъ и поступкахъ, и тотъ, хорошо зная, что Стефанъ въ борьбѣ съ Никономъ „всяко ослабѣлъ“, отзывается однако о немъ съ любовью и глубокимъ уваженіемъ. Въ челобитной къ царю изъ Дауры, Аввакумъ пишетъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко все быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ кого на убіеніе“. Разсказывая далѣе о своемъ заключеніи въ Андроньевъ монастырь, гдѣ онъ три дня сидѣлъ безъ пищи и безъ питья, Аввакумъ замѣчаетъ: „тутъ мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца протопопа Стефана“. Нероновъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, называетъ Стефана „подобнымъ Давидови незлобіемъ и кротостію“⁵⁾.

Еще же сихъ ради посланіи—изденіи ради коней. Въ ямскаѣ расточенія много сребра расходится. Многа же и ина ратаемъ обидя отъ сего, еже царскіе землемѣрительніи писаріе ѣздить съ оумемъ дѣломъ жбрнымъ, отдѣляющіе царевымъ воиномъ землю въ мѣру и всякому землю въ разнъ полагають, и сами много медлятъ и многа бранна у ратаевъ изыдають. И многа царства прочтохомъ, а сего обычая невѣдѣхомъ! Слово рекомендуетъ затѣмъ, какъ слѣдуетъ правильно устроить обременительную и разорительную для крестьянъ ямскую гоньбу, именно оно говоритъ, что ее нужно устроить по подробному и точному росписанію отъ одного города до другаго, причежь отбываніе этой тяжелой повинности слѣдуетъ вовсе снять съ крестьянъ и возложить ее на горожанъ купцовъ «елицы во градѣхъ продающе и скупуащени и прикуми богатѣюще... понеже многа прибитка стязатели суть». Взаимнъ этого на купцовъ не слѣдуетъ налагать никакихъ другихъ повинностей и даровать имъ право «во вся грады безовсякихъ возданій купующе и продающе... «Симъ же, говоритъ слово, всякъ мятежъ въ земныхъ умалится, и писаремъ умаленіе, сборы престануть и мзды неправедныя отлучатся». (Архивъ ист. юрид. свѣдѣній Калачова, 2 тома вторая половина, стр. 43. 50. обзоръ рус. духовн. литер. Филарета, стр. 329—330). Присутствіе подобнаго слова въ сборникѣ, принадлежащемъ Стефану, можетъ говорить за то, что поученія Стефана царю не ограничивались одними только религиозно-нравственными назиданіями, но касались и другихъ предметовъ.

⁵⁾ Матер. для ист. раск. V, 122 и 125; 1, 104.

Сдѣлавшись человѣкомъ сильнымъ и вліятельнымъ у царя и въ средѣ окружающихъ его лицъ, Стефанъ Вонифатьевъ тѣсно сблизился съ извѣстнымъ ревнителемъ благочестія и просвѣщенія, постельничимъ Ѳеодоромъ Ртищевымъ, который „во многія ноши въ домъ его (Стефана) приходя, бесѣдовалъ съ нимъ.“ Во время этихъ бесѣдъ оба ревнителя благочестія обратили свое особенное вниманіе на различные пороки и недостатки, господствовавшіе тогда въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, на различные безпорядки въ церковной жизни, на отсутствіе у насъ церковной проповѣди и под. и рѣшились искать средства возвысить религіозно-нравственную жизнь народа и уничтожить наличные церковные безпорядки. Къ Стефану и Ртищеву скоро присталъ и еще очень видный и вліятельный человѣкъ — новопенасскій архимандритъ Никонъ. Нашлось, конечно, не мало и другихъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, у которыхъ благія начинанія Стефана находили себѣ полное сочувствіе и поддержку. Очень возможно, что и патріархъ Іосифъ вначалѣ оказывалъ поддержку Стефану, хотя потомъ онъ окончательно разошелся съ нимъ, какъ это увидимъ ниже. Но главная сила ревнителей заключалась въ молодомъ благочестивомъ царѣ, который былъ очень расположенъ къ своему духовнику, къ Ртищеву и къ Никону, вполне сочувствовалъ благимъ начинаніямъ своихъ любимцевъ и готовъ былъ всячески поддержать всѣ тѣ мѣры, которыя они находили необходимыми для насажденія на Руси истиннаго благочестія. Конечно, по инициативѣ ревнителей Алексѣй Михайловичъ издаетъ въ самомъ началѣ своего царствованія рядъ указовъ о соблюденіи постовъ, о правильномъ посѣщеніи всѣми храмовъ Божіихъ, объ уничтоженіи въ народѣ непристойныхъ игрищъ, суевѣрій и др. Но одними указами, какъ вѣрно понимали ревнители благочестія, перевоспитать грубое, порочное и невѣжественное общество, было невозможно, необходимы были энергичные, учительные и ревностные къ своему высокому служенію пастыри, которые бы и словомъ и собственнымъ живымъ примѣромъ дѣйствовали на массу, воспитывая въ ней духъ истиннаго христіанскаго благочестія, тѣмъ болѣе, что сфера личной непосредственной дѣятельности Стефана и Никона почти совсѣмъ не выходила за предѣлы царскаго двора и круга

придворныхъ лицъ, къ народу же и его жизни она не имѣла непосредственнаго отношенія. Въ виду этого Стефанъ Вонифатьевъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Ртищева и вѣроятно Никона, изыскиваетъ между тогдашнимъ бѣлымъ духовенствомъ такихъ лицъ, которыя бы заявили себя строгою жизнію, горячею ревностію въ дѣлахъ благочестія, неуклоннымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и постановленій, своею книжностію и учительностію, готовностію на энергическую борьбу съ различными общественными пороками и недостатками. Такихъ лицъ Стефанъ приближаетъ къ себѣ и болѣе выдающихся изъ нихъ, съ одобренія Ртищева и при содѣйствіи государя, ставитъ на видныя протопопскія мѣста въ различныхъ городахъ съ тѣмъ, чтобы они своими поученіями и обличеніями воспитывали народъ въ духъ благочестія, уничтожая господствующіе въ немъ пороки и недостатки, чтобы для всего мѣстнаго духовенства они служили образцомъ надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей.

Своимъ ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ въ дѣлѣ публичной церковной проповѣди и водворенія церковныхъ порядковъ въ самой Москвѣ, Стефанъ Вонифатьевъ съ одобренія Ртищева избираетъ нижегородскаго священника Іоанна Неронова, ибо хорошо зналъ „прежде бывшее многостраданіе (Іоанна), и свидѣтельствованное Богомъ его житіе святое, и искусство божественнаго писанія, и рѣчиста, и ревность велию имуща по Бозѣ, и необинующаяся лицъ сильныхъ, но Пророку Давиду, предъ цари глаголюща и нестыдящаяся“.

Нероновъ всею своею предшествовавшею жизнію и дѣятельностію какъ нельзя болѣе былъ подготовленъ къ той роли, какую назначалъ ему въ Москвѣ Стефанъ⁶⁾. Какъ только Нероновъ, еще будучи юношей, оставивъ свое родное село, пришелъ въ Вологду (не далеко отъ которой находилась его родина), какъ уже сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ бла-

---

⁶⁾ Біографія Неронова, написанная вѣроятно современникомъ и изъ которой мы беремъ свѣдѣнія объ немъ, напечатана въ первомъ томѣ Матер. для ист. раск. Н. Субботина.

гочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ „когда неразумніи люди обыкоша собиратися на бѣсовскія игрища паче прочихъ дней, налагающе на лица свои личины различныя страшныя по подобію демонскихъ зраковъ.“ Увидѣвъ ряженныхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ „разжегся духомъ нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ“, за что и былъ очень жестоко избитъ ряжеными. Этотъ первый, не особенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостепріимную Вологду, Іоаннъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ „въ нѣкоей веси“ рѣшился обучиться у одного благочестиваго мастера грамоты, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота, „единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть“, учитель даже опасался за цѣлость его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ „прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше“. Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверзся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго въ село Никольское, гдѣ и женился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время „видѣвъ іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ піяства ради и многого безчинства.“ И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Священники написали на него доносъ патріарху Филарету Никитичу, причемъ на доносъ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тесть Іоанна. Тогда Нероновъ отправился въ Троицкую лавру, которой принадлежало село Никольское, и здѣсь явился къ извѣстному исправителю книгъ, архимандриту Діонисію, которому все и рассказалъ о себѣ. Діонисій принялъ въ немъ живое участіе и даже помѣстилъ его въ своей келліи. Живя съ Діонисіемъ „не малое время“, Іоаннъ непрестанно читалъ книги божественнаго писанія и въ то же время съ архимандритомъ „и въ правилѣ келейномъ и во всенощныхъ бдѣніяхъ трудяся“. Это общеніе съ архимандритомъ Діонисіемъ,

человѣкомъ по тогдашнему времени просвѣщеннымъ, учительнымъ, строгимъ ревнителемъ благочестія, требовавшимъ, чтобы въ лаврѣ при богослуженіи читали обязательно поученія Златоуста, не могло остаться безслѣднымъ на развитіе и укрѣпленіе взглядовъ Неронова, какъ ревнителя благочестія. Оно имѣло для него и практическое значеніе. Діонисій далъ Неронову рекомендательную грамоту къ патріарху Филарету Никитичу, въ которой, оправдывая его отъ взведенныхъ на него обвиненій, просилъ патріарха посвятить Неронова во діаконы. Филаретъ Никитичъ исполнилъ просьбу Діонисія и Нероновъ возвратился въ Никольское діакonomъ. Здѣсь онъ продолжалъ свое служеніе ревнителя: „егда іереи прихождаху въ церковь піани, тогда Іоаннъ властію, отъ архіерея ему повелѣніюю, отторгаше ихъ отъ святаго алтаря вонъ изъ церкви извождаше безчинующихъ піанственно, и одинъ пояше въ церкви и поучаше народъ.“ Черезъ годъ Нероновъ посвященъ былъ во іереи, но преслѣдуемый недоброжелательствомъ своихъ сослуживцевъ, принужденъ былъ оставить село Никольское и поселиться у священника села Лыскова (недалеко отъ Нижняго-Новгорода), Ананіи, который „зѣло искусенъ бѣ въ божественномъ писаніи“. Нероновъ прожилъ у Ананіи многое время „и извыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ писаніи суть недовѣдомая.“ Завершивъ у Ананіи свое книжное образованіе Нероновъ выступаетъ затѣмъ въ качествѣ самостоятельнаго настоятеля церкви. Онъ переходитъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ одной опустѣвшей церкви и начинаетъ священнодѣйствовать. Теперь Нероновъ безъ помѣхи могъ осуществлять на дѣлѣ свой идеалъ истинно пастырскаго служенія. Онъ началъ неопустительно и самымъ истовымъ образомъ совершать въ заброшенной дотогѣ церкви всѣ положенныя богослуженія, которыми и привлекъ къ себѣ богомольцевъ. Тогда онъ сталъ читать народу поученія „съ разсужденіемъ и толковаше всяку рѣчь ясно и зѣло просто слушателемъ своимъ, во еже бы и имъ возможно было внимати и памятовати, и вси пользовахуся поученіемъ его и умилахуся, зряще толикое его тщаніе о спасеніи душъ человѣческихъ, купно и велие смиреніе; ибо поучая народъ, кланяшеса на обѣ страны до земли, съ слезами моля, дабы вси, слышаще, попеченіе имѣли всеми образы,

что „та церковь посреди торжища стоитъ, и много народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навикнуть добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ иныхъ россійскихъ градахъ изсякло бѣ ученіе, и уклонилися бяху людіе въ небреженіе и слабость и во многія игралища“.

Поселившись въ Москвѣ, Нероновъ ревностно принялся за любимое и уже привычное ему дѣло народнаго учительства; онъ, какъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, сталъ постоянно читать народу отеческія поученія, причемъ „егда прочитаваше народу святыя книги, тогда бываху отъ очю его слезы, яко струя, и едва въ хлипаніи своемъ проглагольваше слово божественнаго писанія; сказоваше же всякую рѣчь съ толкованіемъ, дабы разумно было всемъ христіаномъ“. Въмѣстѣ съ церковною проповѣдію въ Казанскомъ соборѣ установлено было и единогласное пѣніе и чтеніе: „также и пѣніе церковное уставипѣти и глаголати единогласно и благочинно“, такъ что Казанскій соборъ явился тогда такъ-сказать образцомъ для всѣхъ другихъ московскихъ церквей, которыя съ него должны были списывать новыя улучшенныя церковныя порядки.

Живая устная проповѣдь, дотолѣ было совсѣмъ замолкшая въ Москвѣ, единогласное чинное пѣніе и чтеніе, уже давно забытыя въ московскихъ церквахъ, строгое, неопустительное исполненіе всѣхъ положенныхъ церковныхъ службъ по чину, истово, возбуждало всеобщее вниманіе и привлекало въ Казанскій соборъ громадныя толпы молящихся. Самъ царь со всею своею семьею нерѣдко приходилъ слушать поученія Неронова, а народу набиралось такъ много, „яко не вмѣщатися имъ и въ паперти церковной, но восходяху и на крыло паперти, и зряще въ окна послушаху пѣнія и чтенія божественныхъ словесъ“. И этихъ невмѣщавшихся въ храмъ Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ „написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа приходий къ церкви, аще и кромѣ пѣнія, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душъ пріемлетъ“. Въ Москвѣ Нероновъ скоро сталъ рядомъ съ

Стефаномъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ являлся въ дворецъ и неучалъ царя и всю царскую семью, члены которой оказали ему особое расположеніе. Какъ человѣкъ очень энергичный, смѣлый и дѣятельный, какъ человѣкъ книжный и учительный, Нероновъ сталъ выдвигаться на первое мѣсто, заслоня собою Стефана, съ которымъ онъ вступалъ уже въ препирательства и наконецъ окончательно разошелся съ нимъ во взглядъ на реформу Никона, что впрочемъ никогда не мѣшало ему сохранять къ Стефану личныя, всегда близкія, дружескія отношенія. Таковъ былъ главный сотрудникъ Стефана Вонифатьева, сдѣлавшійся въ Москвѣ самымъ виднымъ, дѣятельнымъ и популярнымъ членомъ кружка ревнителей.

Подобнымъ же характеромъ, т.-е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостатками отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Аввакума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличенія людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы „грѣшницы ни дѣлали на хребтѣ его“. Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевъ на первый разъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди“, и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестію, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, тотъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печаленъ: на что-де церковь соборную покинуть? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что-де городъ покинуть? Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца; Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ при первой непріятности,

ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжитъ въ Москву.

Близкостію, учительностію, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица благодуховенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившія благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даниилъ за свои ревностныя обличенія былъ подобно Аввакуму изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось свидѣтельство у Олеарія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патриархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ его отъ мѣста, предалъ анаемѣ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Муромъ къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою возвратитъ его паствѣ. Въ челобитной говорилось, что Логгинъ, мужъ учительный, „по вся дни, нощи и часы“ проповѣдывалъ слово Божіе, вразумляя невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ“, и что именно эти враги изъ боязни его обличеній ложно оклеветали его, а между тѣмъ, съ удаленіемъ Логгина изъ Муромъ, явилось въ городѣ „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ приходится теперь бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротитъ въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говоритъ его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезлы правленія*.

Такимъ образомъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, подъ главенствомъ и руководствомъ его духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, образовался кружокъ ревнителей благочестія, въ который вошли люди книжные, учительные, уже заявившіе себя ранѣе строгою благочестивою жизнію, ревностною борьбою съ пороками и недостатками въ средѣ духовенства и народа. Это были, кромѣ самого Стефана

Воницатьева, известные протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, Даниилъ и вѣроятно другіе. Изъ чернаго духовенства къ кружку ревнителей принадлежалъ Никонъ, какъ его видный и дѣятельный членъ, вѣроятно и епископъ Павелъ коломенскій, а изъ свѣтскихъ лицъ кружокъ пользовался особымъ сочувствіемъ и поддержкою знаменитаго ревнителя просвѣщенія Ѳеодора Ртищева⁷⁾). Благодаря своему патрону Стефану, ревни-

⁷⁾ Нельзя въ этомъ случаѣ не обратить вниманія на то обстоятельство, что тѣ ревнители, о происхожденіи которыхъ мы только знаемъ, были земляки или по происхожденію, или по мѣсту своей дѣятельности, что нѣкоторые изъ нихъ были вѣроятно лично или по слухамъ знакомы другъ съ другомъ еще до своей встрѣчи въ Москвѣ. Нероновъ, какъ мы видѣли, въ видахъ довершенія своего образованія, поселился у священника села Лыскова (недалеко отъ Нижняго Новгорода), Ананія, который «зѣло искусень бѣ въ Божественномъ Писаніи». У Ананія онъ прожилъ долгое время «и извѣче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдомая». Въ «повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флорищевскія обители», рассказывается, что отецъ Иларіона священникъ, именемъ Ананія, былъ «зѣло благочестивъ, и Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета добре искусень, благъ зѣло и кротокъ», что онъ былъ сначала священникомъ въ нижегородскомъ дѣвичьемъ Зачатьевскомъ монастырѣ, а потомъ перешелъ отсюда въ село Кириково, «яже близъ веси, именуемой Лысково и близъ обители преподобнаго Макарія Желтоводскаго чудотворца». Ананія принялъ монашество подъ именемъ Антонія и Никонъ, еще будучи бѣльцомъ, не разъ бывалъ у Ананія, который и предсказалъ ему тогда, что онъ будетъ патриархомъ (Рукоп. Моск. Румянц. Музея, по указателю Ундольскаго № 418). Не трудно видѣть, что священникъ Ананія, у котораго Нероновъ прожилъ долгое время и у котораго онъ научился разумѣть «яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдомая» и священникъ Ананія «добре искусный въ Божественномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завета», у котораго поучался Никонъ и который предсказалъ ему, что онъ будетъ патриархомъ,—былъ одно и то же лицо. Очень возможно, что Нероновъ и Никонъ встрѣчались у Ананія, или же по слухамъ еще до встрѣчи въ Москвѣ уже знали другъ друга.—То же сказаніе объ Иларіонѣ рассказываетъ, что Иларіонъ былъ женатъ на дочери сосѣдняго священника, Ксенія (которая умерла черезъ полтора года послѣ замужества) и что Ксенія была родная сестра Павла епископа коломенскаго. Значитъ и Павелъ коломенскій былъ родомъ изъ села, сосѣдняго съ Лысковымъ, хорошо зналъ священника Ананію (съ которымъ породнился черезъ свою сестру) и вѣроятно зналъ Неронова и Никона, или лично, или по рассказамъ. Родина протопопа Аввакума, по его собственному свидѣтельству (Матер. VШ, 34) находилась только въ пятнадцати верстахъ отъ родины Никона, такъ что и Аввакумъ могъ лично, или по слухамъ знать Ананію, Павла

тели хорошо были извѣстны царю, царицѣ и членамъ царской семьи, которые вполне сочувствовали направленію и всей дѣятельности кружка, оказывали, особенно нѣкоторымъ его членамъ, свое полное расположеніе и благоволеніе.

Объ общемъ характерѣ дѣятельности, кружка Нероновъ въ своей челобитной къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 6 ноября 1653 года, говоритъ такъ: „они (т.-е. Аввакумъ, Даниилъ, Логгинъ и Лазарь) въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти и прочимъ властямъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утвержденію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали“. Въ частности про себя лично Нероновъ пишетъ царю: „когда и былъ при твоей государевѣ царской свѣтлости, и ты меня равноапостольный, съ безчестіемъ не отсылалъ, что тебѣ благочестивому государю, о многихъ статьяхъ былъ челомъ и извѣщаль“.

Въ чемъ же состояли извѣщенія царю и патріархамъ членовъ кружка ревнителей „на всякія безчинныя“, о какихъ „статьяхъ“ полезныхъ ко утвержденію церкви они били челомъ государемъ (т.-е. царю и патріарху) и въ чемъ состояла та помощь ревнителямъ ко утвержденію церкви, которую имъ оказывалъ государь десницею своею?

Дѣятельность кружка ревнителей опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самого духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ вслѣдствіе его крайняго невѣжества. На борьбу съ обще-

---

коломенскаго, Неронова, Никона. Вѣроятно не случайно было, что ревнители или по рожденію, или по мѣсту дѣятельности происходили изъ нижегородской области и были люди, уже ранѣ своей встрѣчи въ Москвѣ такъ или иначе знакомые другъ съ другомъ. Къ сожалѣнію мы рѣшительно не знаемъ, откуда былъ родомъ глава кружка—Стефанъ Вонифатѣевъ и почему онъ приблизилъ къ себѣ ревнителей по преимуществу изъ нижегородцевъ. Не лишне указать здѣсь и на то обстоятельство, что Иларіонъ, архіепископъ яванскій, одинъ изъ главныхъ поборниковъ исправленій Никона, былъ ранѣ священникомъ въ Москвѣ, или въ сѣднемъ селѣ, и хорошо былъ знакомъ тогда съ Аввакумомъ (Матер. V, 342—343).

ственными пороками и недостатками, на борьбу съ дѣвостію и распущенностію духовенства и вооружился кружокъ ревнителей, поставивъ своею задачею водворить въ народъ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковныя безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего дѣятельность кружка ревнителей была направлена на уничтоженіе различныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, которыя особенно нетерпимы были въ благочестивомъ христіанскомъ обществѣ. Еще лѣтописецъ (Несторъ) жаловался: „видимъ бо игрища утолочена и людіи много множество, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять (пусты); егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви“⁸⁾. Въ 1274 году митрополитъ Кириллъ въ соборныхъ правилахъ возставалъ противъ народныхъ языческихъ игрищъ: „пакы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ эллинъ, въ божественныя праздники позоры некакы бѣсовскія творити, съ свистаніемъ, и съ вичемъ и съ воплемъ съзывающе нѣкы скаредныя пѣяница и бѣющеся дрекольемъ до самыя смерти“⁹⁾. Стоглавый соборъ съ своей стороны заявляетъ: „еще же мнози отъ неразумія простая чадъ православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творять эллинское бѣсованіе—различныя игры и плясавія; въ навечеріи праздника Рождества Христова и противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи въ ноци и въ праздникѣ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по удицамъ отходя и поводамъ глумы творять всякими играми и пѣснями сатанинскими и многими виды скаредными; подобно же сему творять и во святыя вечери и въ навечеріи Богоявленія Господня, и тѣмъ Господа Бога прогнѣвають никимъ же возбраняеми, ни обличаеми, ни наказаемы, ни отъ священниковъ, ни отъ судей истрашаеми, таковыя творять неподобныя дѣла, святыми отцы отреченныя“¹⁰⁾. Но обличенія Стоглаваго собора не достигли, какъ и предшествующія, своей цѣли, даже въ самой Москвѣ бѣсовскія игры продолжались по прежнему. Въ 1627 году государь приказалъ

⁸⁾ Полн. собр. лѣтоп. 1, 73.

⁹⁾ Рус. достопамят. 1, 114.

¹⁰⁾ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, стр. 261 и слѣд.

бирючу повсюду кликать въ Москвѣ, „чтобъ впередъ, за старое Вагайково, никакіе люди не сходились на беззвизицу николи“; и что бѣдущники этого приказа будутъ биты внутромъ. И Филаретъ Никитичъ тогда же съ своей стороны объявлялъ въ Москвѣ: „чтобъ съ кобылками не ходили и на игращахъ мірсніе люди не сходились; тѣмъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было, и коледы бы и о всемъ некликали“¹¹⁾. Въ 1636 году патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову, говоритъ: празднии проводятся всѣми въ Москвѣ не похристіански, такъ какъ и вся протівно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ, вмѣсто радости духовной воздѣланіе творять радости бѣсовской... ходяще по улицамъ въ народъ, безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ святымъ Божиимъ, вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспримше игры и коцуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревети, и руками плеснати и плясати, и иная неподобная дѣяти; и о тѣхъ праздницѣхъ сходящеся многіе люди не только что младае, но и старые въ толны ставятся, и бывають бои кулачные великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ играхъ многіе безъ покаянія пропадають; и всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, злыиескихъ блядословій и коцуны и ягръ бѣсовскихъ“¹²⁾. Эти грубыя языческія играща и забавы процвѣтали кромѣ Москвы и во всѣхъ другихъ городахъ, причемъ они съ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали иногда безобразно-коцуниственный характеръ. Нѣкто старецъ иконописецъ Григорій изъ города Вязьмы, въ челобитной государю 1651 года между прочимъ заявляетъ: „и играща разные богомерзше бывають (въ г. Вязьмѣ), въ началѣ отъ Рождества и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря и старцовъ нарицають, тамъ же и жепокъ и дѣвокъ много ходять и тамо дѣвицы дѣвство дьяволу отдають. Другое играще,—продолжаетъ челобитчикъ, о Троичномъ дни—за городъ на кургана ходять и неподобная творять. Третіе играще—отъ Петрова дни до Ильина дни: на реляхъ вѣшаются и на крутя-

¹¹⁾ А. И. III, № 92, VIII—X.

¹²⁾ А. Э. III, № 264.

шихъ крутятся и многихъ дѣволъ береть,¹⁾ и деньги тыхъ благословляютъ при церквахъ погребати. Также о рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дехтарные зажигаютъ и съ горъ катаютъ и, вѣники зажегши, скачутъ. Также въдуновъ много и свадьбы безъ нихъ не могутъ отправить и одинъ другаго портятъ, а тое на все начальники, посумы берутъ, благословляютъ, и людемъ соблазнъ и пагуба, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, ежебы сохранилъ и пѣбавилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ иного всякаго зла²⁾.

Противъ всѣхъ этихъ народныхъ языческихъ прищъ, грубыхъ и иногда кощунственныхъ народныхъ забавъ и разныхъ суевѣрій сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей, члены котораго, какъ Нероновъ и Аввакумъ, еще ранѣе боролись съ скопцами и съ разными бѣсовскими прищами. Недаромъ конечно и Стефанъ Вонифатьевъ настоялъ на томъ, чтобы на царской свадьбѣ не было „ни смѣху никакого, ни кощунъ, ни бѣсовскихъ играний, ни пѣсней студныхъ, ни сопельнаго, ни трубнаго козлогласованія“,—все это не только во дворцѣ, но и повсюду въ народѣ должно было уничтожиться и замѣниться другимъ—строго христіанскимъ и благочестивымъ препровожденіемъ праздничнаго времени. Въ этихъ именно видахъ, конечно подвляніемъ и по настоянію кружка ревнителей, предпринимается государемъ рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду насажденіе въ народѣ христіанскаго благочестія. Именно: въ 1646 году, патріархъ Іосифъ, по приказанію государя посылаетъ всему духовному чину въ Москвѣ наказъ, въ которомъ говорить, что царь приказалъ всѣмъ духовнымъ и мірскимъ людемъ въ предстоящій великій постъ „поститься и жити въ чистотѣ со всякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства, и отъ неправды, и отъ всякаго грѣха удалиться“, почему онъ патріархъ и приказываетъ всѣмъ московскимъ протопопамъ и попамъ учинить въ своихъ церквахъ крѣпкій наказъ, чтобъ всѣ прихожане, церковники, сами попы и дьяконы въ теченіе всего великаго поста постились и неопустительно посѣщали церковь Божию, и чтобы въ церквахъ стояли всѣ „сострахомъ и трепетомъ и съ любовію въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ, и ничтожъ земнаго не по-

¹⁾ Эта челобитная старца Григорія напечатана въ приложеніи.

мышляли.. молились бы со слезами и со вздыханіем смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, безъ злобы и безъ гнѣва, о грѣсѣхъ своихъ“. А если дѣти духовныя не будутъ ходить къ покаянію и окажутся непокорны и не послушны своимъ духовнымъ отцамъ, то послѣднимъ про такихъ ослушниковъ надлежитъ докладывать патриарху и „въ ихъ непослушанствѣ и въ безчинствѣ государевъ указъ будетъ“ ¹⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1647 году 17 марта государь и патриархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили, чтобы никто въ воскресные дни отнюдь не работалъ, но чтобы всѣ обязательно посѣщали въ эти дни храмы для молитвы. Всякія работы приказывалось всѣмъ прекращать въ субботу, когда въ соборѣ начнутъ благовѣстити къ вечернѣ, а также прекращать съ этого времени и всякую торговлю, затворять торговые ряды, закрывать торговыя бани и такъ продолжать и въ воскресенье до окончанія церковныхъ службъ. Такъ же повелѣвалось проводить и всѣ господскіе праздники. Этотъ соборный приговоръ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ и по всѣмъ монастырямъ для исполненія ¹⁵⁾. Наконецъ въ 1648 году издается специальное распоряженіе государя въ видахъ уничтоженія народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій. Это распоряженіе рассылается по городамъ къ воеводамъ, которымъ предписывается наблюдать за строгимъ выполненіемъ повсюду царскаго указа. Въ указѣ говорилось: государю стало вѣдомо, что мірскіе люди въ господскіе дни и святыхъ въ церкви не ходятъ, что „умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморотство со всякими бѣсовскими играми“, именно: многіе увлекаются скоморохами и, сходясь по вечерамъ на позорища, слушаютъ здѣсь ихъ богомерзкія скверныя дѣсны и игры; иные чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ приглашаютъ къ малымъ дѣтямъ для бѣсовскаго волхвованія; многіе сходятся на бѣсовское сонмище „и по зарямъ и въ ноци чародѣйствуютъ“; медвѣди водятъ и съ собаками пляшутъ, и зернью, и карты, и шахматы и ладыгами играютъ, и чинятъ безчинное сказаніе и плясаніе, и поютъ бѣсовскіе пѣсни, и на святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ“;

¹⁴⁾ А. Э. IV, № 321.

¹⁵⁾ А. И. IV, № 6, стр. 28. А. Э. IV, № 19, 324.

на Рождество Христово до Богоявленьяго дни люди обоихъ половъ сходятся „въ бѣсовское сонмище“, „играють во всякія бѣсовскія игры“; указываются многія суевѣрія, еще сохранившіяся въ народѣ отъ языческихъ временъ, на развратъ, происходящій во время игрищъ, на частые случаи внезапной смерти, на свадьбы, во время которыхъ бывають „безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бѣсовскими играми“. Указъ предписываетъ, чтобы православные христіане отъ такихъ бѣсовскихъ дѣйствъ отстали, чтобы они въ воскресные и праздничные дни неуклонно посѣщали церковь Божию, удалялись отъ чародѣйствъ, пьянства, непристойныхъ игрищъ. Мѣстнымъ властямъ предписывается предпринимать противъ зла строгія и рѣшительныя мѣры, а непослушныхъ бить батогами въ первый и во второй разъ, а въ третій и четвертый отсылать для болѣе серьезной расправы съ ними къ воеводамъ¹⁶⁾.

Обличая господствующіе въ народѣ пороки и недостатки, языческія игрища, грубыя забавы и суевѣрія, кружокъ ревнителей необходимо долженъ былъ обратить свое вниманіе на жизнь и дѣятельность тогдашняго духовенства, какъ благаго, такъ и чернаго, такъ какъ при лѣнивомъ, порочномъ, пренебрегающемъ своими пастырскими обязанностями духовенствѣ невозможно было и исправленіе самого народа и воспитаніе его въ духъ благочестія.

Еще Стоглавъ говорилъ: „попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоять и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежь себя“. Съ своей стороны и міряне, по заявленію Стоглава, входили и стояли въ церквахъ въ шапкахъ, словно „на пиру или въ корчемницѣ; говоръ, ропоть, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи“. Эти безобразія не прекратились однако и послѣ Стоглава даже въ самой Москвѣ. Патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявлялъ, что сами священники бесѣдуютъ въ храмахъ и безчинствуютъ „и мірскія угодія творяще, и чревоугодію своему послѣ-

¹⁶⁾ Иванова: Опис. госуд. архива старихъ дѣлъ, стр. 296. А. И. IV, № 35.

дующе, и повинующеся пьянству“ не поучаютъ мірскихъ людей благочинію и христіанскому благопробыванію⁴. Священники служатъ обѣдни безъ часовъ „только отпустомъ начинаютъ“; въ великій постъ священники совершаютъ службы „зѣло по скору“, „лѣнностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное“; нѣкоторые священники на пасхѣ вслѣдъ за обѣдней поютъ и вечерню „для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣнностію содержащихся“; въ воскресные, владычные, богородичные и нарочитыхъ святыхъ праздники священники поютъ заутрени очень поздно и ради этого слишкомъ спѣшно, такъ что положенныя для прочтенія въ назиданіе вѣрующихъ поученія святыхъ отцовъ и житія святыхъ не только не читаютъ, но и возбраняютъ тѣмъ, которые хотятъ читать, вслѣдствіе чего предстоящіе уходить изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазняются такимъ поведеніемъ своихъ пастырей, а въ народѣ оскудѣваетъ вѣра, ибо „вожди ослѣпоша лѣнностію и нерадѣніемъ исправленія церковная погасиша“. Относясь небрежно и нерадиво къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и служенію, священники вовсе не думаютъ о прекращеніи тѣхъ возмутительныхъ безчинствъ, какія происходятъ въ церквахъ во время богослуженія; мірскіе люди стоятъ въ церквахъ „съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ“; поповы и мірскихъ людей дѣти во время богослуженія „во олтари безчинствуютъ“; „во время святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда браются, овогда и дерутся“; „нѣкоторые, положивше на блюда пелены и свѣчи во время службы ходятъ по церкви, говоря, что собираютъ на созиданіе церкви, а нѣкоторые притворяются малоумными, будучи въ дѣйствительности цѣлоумными; „а нѣкіи ходятъ во образѣ пустынноическомъ и во одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы, и нѣкіи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творяще, и великъ соблазнь полагаютъ въ просты человѣцѣхъ“¹⁷). Съ своей стороны и патріархъ Іосифъ заявляетъ, что въ московскихъ церквахъ допускаются разныя

¹⁷) А. Э. III, № 264.

безчинія, доходящія до того, что „въ церкви Божіи приходятъ аки разбойники съ палии, а подъ тѣми палии у нихъ бывають копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ себя драка до крови и дая смрадна“¹⁸⁾. И все это творилось въ московскихъ церквяхъ, такъ сказать на глазахъ самого патріарха и всѣхъ властей!... Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, говоритъ: „молимъ тя святѣй Божій архіерею, призри на святую порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святительскаго рукоположенія служителя тоя, како именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради покоя своего и предатели суть душамъ человѣческимъ, не настоящей и мало-временной, но грядущей и вѣчной мудѣ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе неместно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣнностни къ славословію Божію, приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омраченнымъ пьянствомъ и бѣсовомъ желѣзнымъ дменемъ и гордостью, чрезъ обычай вскочуть безобразно во церковь и, начала входа церковнаго несправльше, начинаютъ утреню и вечерню, и тщатся преспѣяти кождо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніяхъ, да тѣми обычаи и многихъ, суеть работающихъ, приходити къ себѣ пріобрѣщутъ“, забывая о томъ, что приходящіе въ церковь имѣють нужду „слышати особъ всякаго псалма, молитвы, пѣніе и, коемуждо словеси послѣдуя, просити оставленія грѣхомъ“. „Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости церковнаго святаго славословія Божія служба будетъ, то токмо можемъ рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слышати, нѣсть бо, государь, челоуѣка, иже возможеть внимати отъ многихъ купно глаголемыхъ, но точию единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зритъ и воздаеть комуждо по прошенію и дѣлу“. „Еще же государь, великій святитель, продолжаетъ неизвѣстный челобитчикъ, священники церковни, приходящимъ въ церковь Божію безъ страха Божія, молчать, величества рода и славу міра имущихъ бояться и трепещуть, невѣдуще, яко всякъ страхъ человѣческаго прещенія въ малѣ часѣ приходитъ, ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко инѣмъ же

¹⁸⁾ А. Э. IV, № 321.

безчинующимъ въ церкви ласкосердіе же къ нимъ благопокоренія своя ради погябающія чести безчестуемаго Бога и святую его церковь небрегутъ, и дѣти своя духовныя во все лѣтнее время не вопрошаютъ: како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранить, но вмѣсто сихъ, противная видаше, молчатъ; предъ ними же бо ходяще (дѣти духовне)? немрутъ постоянія ногамъ, безчинствуютъ, съ похотѣніемъ на жены зрять, скверная, глаголю, тщетная творять, изумленнымъ образомъ наскочутъ и другъ друга угрызаютъ, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителемъ, другъ другу приносятъ и своя родителя отца и матеръ безчествуютъ, и, страшно реши предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцомъ, да не осквернится святый твой слухъ, всякаго чрезъ естество именемъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досяжутъ¹⁹⁾. Старецъ Григорій, съ своей челобитной государю 1651 года, заявляетъ, что по всемъ городамъ въ церкви Христовой происходитъ „великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посирадиша виноградъ Христовъ“, ибо они вмѣсто того, чтобы быть образцомъ „овцамъ стада Христова“, только „волну одираютъ и гладныхъ оставляютъ“, вмѣсто того, чтобы насыщать пасомыхъ божественнымъ ученіемъ, они служатъ для нихъ только соблазномъ. Затѣмъ челобитчикъ приводитъ самые соблазнительные факты изъ жизни мѣстнаго—вяземскаго духовенства. По его словамъ соборный протопопъ въ Вязмѣ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, о чемъ и было донесено архіерею, „а онъ на деньги печаль возвергъ“, и дозволилъ протопопу священнодѣйствовать. Ключарь того-же собора взялъ въ Москвѣ у архіерея грамоту, чтобы „исправить и доглядѣти чину во церквахъ въ вяземскомъ уѣздѣ, и онъ изрядно исправлялъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на иномъ 30, на иномъ 10 и на иныхъ по силѣ меншіи вытрясалъ“. А между тѣмъ исправлять дѣйствительно было что: одинъ священникъ, исповѣдавшій женщину, записалъ ея грѣхи, и продалъ эту запись мужу за пять рублей;

---

¹⁹⁾ Эта очень важная челобитная неизвѣстнаго къ патриарху Іосифу напечатана въ приложеніи.

другой священникъ мало того, что самъ блудникъ „знаемъ людемъ, но и прочая учить, глаголя: что за грѣхъ еже похоть исполнити?“. И такіе то священнодѣйствуютъ ради денежныхъ посуловъ, которые они даютъ, кому слѣдуетъ. Въ самомъ городѣ Вязьмѣ, продолжаетъ челобитчикъ, есть одинъ молодой священникъ, который „своей попадѣи недоволенъ будучи, съ другою живучи, дѣтище прижилъ и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тое дѣтище корову, да пять рублей денегъ далъ, а протопопъ далъ два уліи пчель, да пять рублей денегъ— и нынѣ священнодѣйствуетъ“.

Жалобы челобитчиковъ-ревнителей касаются не только жизни и дѣятельности блага духовенства, но и жизни иноческой, въ которой они также усматривали очень многое, требующее исправленія. Неизвѣстный челобитчикъ заявляетъ патриарху Іосифу: „государь, великій святитель, хошу воспомянуги предъ тобою страшнаго виѣ міра, иноческаго житія уставъ, еже пріяша любяще единство. Яко Ілія на Кармилѣ и яко Предтеча въ пустыни—и больше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже въ немъ отрешися и усердно Христовъ крестъ носить и страсти вседневнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти, но невѣмъ, государь, откуда привиде обычай противесь такому обѣщанію: любятъ сребро и золото и украшеніе келейное, имѣють влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати болшая стяжанія и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути; призываютъ къ себѣ на гостьбу великоименитыхъ властей и сами къ нимъ въ дома ходять, словесы блажатъ и, дѣлы являющесе благими, лстятъ; дарованія приносятъ и большая даяти обѣщаются, себѣ же просятъ имѣть власть во обителѣхъ: игуменство, строительство, и келарство и прочія начальства. И пріемше власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являются, сурови и мстиви томители и святыхъ обителей грабители, своихъ далнихъ и ближнихъ взыскають и обогащаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и обнощеваютъ, упивающесе и объядаючи бѣсомъ вожделѣннымъ пьянствомъ съ женами пирующе; и въ монастырехъ различными пьянства и питія имуще, уставомъ святаго иноческаго житія изумленнымъ пьянствомъ ругаются, и одежды ангельскаго образа

сквернять, и братію возмущаютъ таяжде дѣяти. И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: ненавыше довольно время меннихъ степеней, на большая восходятъ и како могутъ быти врачеве душамъ, неприемше искуса цѣлбы, постригается множи нуждею привлачими, неимуще дневныя одежда и пища и, помале, власти являютъ, въ мѣре о иночествѣ произволенія добра неимуще, а во иночествѣ откуду таковымъ абіе устроеніе нрава постигнути?“.

Что подобныя челобитныя могли исходить отъ извѣстныхъ намъ ревнителей, это доказывается тѣмъ, что они вели постоянную неустанную борьбу съ пороками, лѣнностью и небрежностью духовенства, всюду рѣзко и сурово обличая его. Нероновъ, живя въ селѣ Никольскомъ „іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ піанства ради и многого безчинства“, „безчинующихъ піанственно“ іереевъ онъ „отторгаше отъ святаго алтаря и вонъ изъ церкви извождаше“. Аввакумъ, рассказавъ о томъ, какъ жестоко его избилъ толпа въ Юрьевцѣ, замѣчаетъ: „наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни вопятъ: убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“. Тоже было и съ другими ревнителями, чѣмъ отчасти и объясняется то явленіе, что всѣ они, куда-бы ни появлялись, повсюду создавали себѣ непримиримыхъ враговъ, хотя въ то же время у нихъ являлось и немало послѣдователей и поклонниковъ, которые видѣли въ нихъ людей строго и искренно благочестивыхъ, всецѣло преданныхъ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Что ревнители дѣйствительно подавали и царю и патріарху челобитныя, въ которыхъ они указывали на разные замѣченные ими недостатки въ жизни и дѣятельности современнаго духовенства, это подтверждаетъ Нероновъ, когда говоритъ царю, что Аввакумъ, Данииль, Лазарь и Логгинъ „безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали“. Извѣщенія ревнителей царю и патріарху на всякія безчинныя производили свое дѣйствіе. Въ 1646 году патріархъ Іосифъ издаетъ наказъ всему духовному чину въ Москвѣ, которымъ требуетъ, чтобы приходское духовенство своею собственною благочестивою жизнію, строгимъ исполненіемъ разныхъ церковныхъ правилъ и предписаній, рѣвностнымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, служило образцомъ для своихъ прихожанъ. А которые протопопы и дьяконы,

говорить въ заключеніе наказъ „учнуть пити и ходити безчинно“, тѣхъ патріархъ будетъ смирать „большимъ смиреніемъ, да имъ же быти въ великомъ запрещеніи“²⁰⁾. Въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ монастырь Саввы Сторожевскаго, что государю и ему, патріарху, вѣдомо учинилось, что въ монастыряхъ умножилось хмѣлново и оттого хмѣльного пьянаго питья монастыри оскудѣли, и общежителство и монастырскій чинъ разрушается, и архимандриты, и игумены, и попы черные и строители, и старцы о церковномъ пѣннѣ и благочиннѣ нерадѣютъ, и древнихъ богоносныхъ отецъ преданіе и уставъ не хранятъ, въ церквахъ Божіихъ поютъ поскорю, не единоголосно со всякимъ безстрашіемъ, и братію на всяко благочестіе не учать, и сами въ церкви Божіи мало ходятъ, и съ братією въ трапезѣ не бывають, ядятъ и пьютъ по кельямъ съ большими покои, забывъ свое иноческое обѣщаніе“. Въ виду этого, говоритъ патріаршая грамота, государь, „слышавъ таковое въ своихъ царскихъ богомодіяхъ, въ монастырѣхъ, смятеніе и нерадѣніе, и лѣньность, и преизлишное пьянство, и нарушеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ преданіе и чинъ монастырскій небрегомъ“, велѣлъ во всѣ города по монастырямъ послать свои указы, чтобы въ монастыряхъ „хмѣльное всякое питье: вино, и медъ, и пиво, и хмѣльные квасы отставили и впредь не держали, а мнѣ, богомольцу своему, велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ грамоты таковыяжъ, чтобъ отнюдь въ монастырѣхъ хмѣльного всякаво питья не было, и жилибъ по преданію древнихъ отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобъ отъ такого невоздержанія ево царскія богомолья неоскудѣли и запустѣніабъ монастырей не было, и иноческой чинъ и вси православніи христіане, живущіе во святыхъ обителѣхъ, непогибали душевнѣ, и благочестію нарушенія не было“²¹⁾. Противъ монастырскихъ безпорядковъ наконецъ выступилъ и самъ царь непосредственно въ своей грамотѣ отъ 15 іюня 1652 года въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ, о чемъ ему хорошо стало извѣстно, что въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, въ степныхъ и нестепныхъ

²⁰⁾ А. Э. IV, № 321.

²¹⁾ Ивакова; Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 302. А. Э. № 325.

монастыряхъ существуютъ слѣдующія злоупотребленія: всѣ монахи и начальствующіе и рядовые держатъ для себя въ монастырскихъ погребахъ и кельяхъ и монастырскихъ вотчинахъ „хмѣльное питье—вино, пиво и медъ“ и отъ ихъ пьянства церкви стоятъ безъ пѣнія; иноки захватываютъ себя на трапезѣ хлѣбъ, калачи, рыбу и выносятъ это за монастырь; монастырскія власти во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братьевъ, племянниковъ, внучатъ, которымъ даютъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ, а пзъ монастырской казны деньги; монастырскія власти посылаютъ въ монастырскія вотчины на жалованье слугъ и, когда тѣ пріѣдутъ съ жалованья, берутъ съ нихъ, какъ сами власти, такъ и ихъ дѣти, племянники, внучата посулы и поминки деньгами, виномъ, медомъ, куницами, а кто имъ не дастъ посуловъ, тѣхъ подвергаютъ побоямъ и дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія, берутъ посулы и со всѣхъ монастырскихъ крестьянъ, разоряя ихъ; монастырскіе люди ѣдятъ на пиры въ дома мірскихъ людей, гдѣ бражничаютъ, а за это ссужаютъ такихъ лицъ монастырскимъ хлѣбомъ и казною; въ монастыри пріѣзжаютъ богомольцы (знатные) и власти даютъ имъ въ почестъ деньги, серебряные сосуды и лошадей, чѣмъ разоряютъ монастыри; даютъ гостинцы и всякихъ чиновъ людямъ въ Москвѣ, куда привозятъ изъ монастыря посудовъ и поминокъ рублей на сто и больше; архимандриты и игумены, по призыву разныхъ мірскихъ людей, ѣздятъ къ нимъ для служенія молебновъ и панихидъ, гдѣ для нихъ устроятся обѣды „и вино и всякое хмѣльное питье имъ подносятъ“, а равно также и всѣ иноки всякій день „для дѣла и не для дѣла“ отпускаются въ городъ; въ Москвѣ и по городамъ иноки священники и простые старцы „поторгомъ и поулицамъ ходятъ и на крестцахъ сидятъ и въ томъ иноческому чину поруганія чинятъ“. Государь приказываетъ уничтожить всѣ эти беспорядки въ монастырской жизни²²⁾. Обличая господствующіе въ народѣ, въ тогдашнемъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ пороки и недостатки, предпринимая тѣ или другія мѣры къ ихъ искорененію, кружокъ ревнителей не могъ не коснуться и вопроса о наличныхъ церковныхъ порядкахъ, которые во многомъ требовали неотложнаго исправленія, реформы.

²²⁾ А. Э. IV, № 328.

Еще «стоглавый соборъ постановилъ: „псалмовъ бы и псалтыри вѣдугъ не говорили и каноновъ подѣва вмѣстѣ не канонархали, но поединому, занеже то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ, тако творити отцы отречено бысть“. Но не смотря на такое постановленіе стоглаваго собора, то въ нашемъ православіи безчиніе и грѣхъ“ продолжались попрежнему, попрежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на другихъ и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослуженія, окончательно терялись—церковная общественная служба при такихъ порядкахъ не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящихъ, но напротивъ, приучала ихъ относиться къ богослуженію совершенно механически, безсмысленно, чисто внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чувства. Многіе изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви, какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія держали себя крайне неблагоговѣнно, но и старались ходить въ тѣ именно церкви, гдѣ служба совершалась съ особою скоростію, которая достигалась именно многогласіемъ. Съ своей стороны духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу, доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, дозволяя въ храмѣ читать сразу въ голосовъ шесть и больше. Эти вопіющіе беспорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возмущали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей и по ихъ жалобамъ высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотребленій нѣкоторыя мѣры. Патріархъ Гермогенъ, въ своемъ посланіи: „о исправленіи церковнаго пѣнія“, пишетъ: „повѣдаютъ намъ христілюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что де въ мірскихъ людѣхъ паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ вселися великая слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію св. апостолъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ де въ голоса въ два и въ три и въ четыре, а индѣ и въ пять, въ

шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже²³⁾. Патріархъ Іоасаѣвъ, въ памяти тіуу Маноилову 1636 года, заявляетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ „чинится мятежь и соблазнь и нарушеніе нашей святныи и православныи христіанскія непорочныи вѣры“, во всѣхъ церквахъ „зѣло по скору пѣніе Божіе“, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болши, совсякимъ небреженіемъ“. Патріархъ запрещаетъ многогласіе, однако сейчасъ же и дѣдаетъ уступку въ пользу укоренившагося злоупотребленія: „а въ державѣ бы велѣли говорить, пишеть ошь, голоса въ два, а понуждѣ въ три голоса, апрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы во всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ, а цсалтыри и каноноръ въ тѣ поры говорить отнюдъ невелѣти“. Но злоупотребленія продолжали существовать попрежнему. Неизвѣстный въ челобитной къ патріарху Іосифу говоритъ: „воспомяну тебѣ, государь, и о бездушныи гласѣхъ — благовѣстыи и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдуя, звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и непоряду совершается, якоже предана намъ святіи отцы, еже бы первыхъ божественныи сладости вкусиаше и другихъ, севершенію святныи службы всѣмъ всякаго егдагдаемаго и чтемаго и поемаго словеса насыщати; но точию, государь, димемъ утреняго времени зовется утреня, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, ото многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пѣяство: къ началному дѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести гласовъ купно бываеть. И сице, государь, бываемое, кто наречеть святаго церковнаго устава обычай, но воистину, государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость. Помысли, государь, великій святитель, аще восхощеть гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ дѣмъ вечеряти, восхощещи ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсивше, купно представити, но коеждо почину и раду сладкое и сланое, тершкоешъ и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третіе держимо, и другая пава уготовляема, другъ

²³⁾ Сахарова: Исслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣнопѣніи.

другу последующе благочиніе на тріанозу поставляются. Малаго же, государь, и незаняго ради и предъ царемъ нечистовства всѣмъ предстоящимъ ти заповѣди прещенія новолемны полагавши, да некая царь, вмѣсто широканаго веселія, исполнится ярости. Коимже, государь, хочеть отъ насъ достойно почитаемо быти царь царемъ и Господь господемъ Богъ нашъ, и каково чисту и соблагодичнѣмъ заповѣда намъ приносити кваненія жертву въ церквахъ своихъ пречистому и святаму своему имени, яко научили насъ бывше, прѣимше дѣйствиельнѣ Святаго Духа братіосени отци⁶. Віографъ Неронова съ своей стороны говоритъ: „въ оная времена (т. е. когда въ Москвѣ подъ главенствомъ протокона Степана образовался кружокъ ревнителей) отъ неразумяющихъ божественнаго ученія вниде въ святау церковь смущеніе велие, яко чрезъ уставъ и церковный чинъ не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга неразумяюще, что глаголетъ; и отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и возмущеваніе въ святахъ церквахъ бываше странно зѣле; клирици бо поиху на обонихъ странахъ псалтырь и нѣмъ стихи церковная, неопидающе конца лѣтъ отъ лѣтъ, но нуино вси причаху, неслезнички же прочитоваше стихи невнимая повнимъ, начинаше пѣніа, и невозможно быше слушающему разумѣти псмаго и чтомаго⁶. Но многогласіемъ въ чтеніи, одновременностелью чтенія и пѣніа дѣло не ограничивалось, злеупотребленія и беспорядки шли даље, простирались на самый характеръ церковнаго пѣніа. Віографъ Неронова говоритъ, что въ то время въ церквахъ „поиху рѣчи мекко писани суть, но измѣняюще рѣсенія, ради возмездствованія своего, воспріимше обичай рѣсенія божичиннаго, и злыто еже бы глаголати: Богъ, Хригосъ, Слава, оми поиху: Бого, Хригосе, Спасо и пречія рѣчи измѣняюще, яко мнѣ странно зѣле слышати⁶. Съ особенною силой и энергичностелью восстаетъ противъ неправильнаго исламеннаго церковнаго пѣніа много Евросинъ, который, въ 1831 году, написалъ „сказаніе о различныхъ ересьхъ и худосѣихъ на Господа Бога и на пречистую Богородику, содержимыхъ отъ невидѣнія въ означенныхъ книгкахъ“. О состояніи въ его время церковнаго пѣніа Евросинъ говоритъ слѣдующее: „Духъ Святый повелѣваетъ бо пѣти не просто, но ра-

звучно, слышь не шумомъ, ниже украшеніемъ гласа, по званію
бы поемое самому поющему, и слушающимъ того пѣнія ра-
зумъ рѣчей мощно бы вѣдать, а не точію гласъ украшати, о
силѣ же глаголь небрежи.. Въ пѣніи бо напемъ точію гласъ
украшаемъ и знаменныя крюки беремъ, а священныя рѣчи
до конца развращены противу памятныхъ и знаменныхъ дре-
внихъ и новыхъ книгъ, и источію развращены, но и словенскаго
нашего языка, въ немъ же родихомся и евангеліемъ писаніемъ
учихомся, чюжи, несвойственны и сопротивны. Гдѣбо обратится
во священномъ писаніи нашего природнаго словенскаго діалекта
сицевыя, несогласныя рѣчи: сонасо, пошеру, домоиѣ, тѣмено, и
мои, восѣни, волаемо, и земли, людеди, соудаяи и прочія тако-
выя странныя глаголы, ихъ же множество навесомоно, нынѣ
подробну мечести за невѣрженіе краткаго писаніица сего.
Учители пѣнія, ваявляють Евросишь, берутъ съ ученикомъ, за
обученіе пѣнію „маду велию и чаче мѣры“, но сами видять уче-
ника „остроумна естествомъ и вскорѣ познающа пѣніе ихъ и
знама“, но зависти обыкновенно скрываютъ отъ такихъ учени-
ковъ „древнихъ мастеровъ добрыя перавды и учать пѣніи по
испорченнымъ“, чтобы ученикъ не предозналъ учителя. Самыя
книги для церковнаго пѣнія были очень испорчены. Много дубо,
говорить Евросишь, и безчисленна алая опись въ знаменныхъ
книгахъ: рѣдко такой стихъ обрящется, который бы бѣше не
испорченъ въ рѣчахъ во всякомъ знаменномъ пѣніи. Въ знаменныхъ
знаменныхъ книгахъ многое обрѣтается: иныя рѣчи несправд-
ливы, послѣдующему разуму приложены, а во иныхъ мѣстахъ
нужнейшія гласоланія разуму отъяты.. Книги харатойны были
писаны, и помимъ нѣчто то каже, ядо: гласомъ: ма: шича,
а не якоже нынѣ всякіе глаголы буквами латинскими переписаны.
Зло удивляется еще тѣми обстоятельствомъ, что ученики сами
свають книги для пѣнія съ дописанными тетралочъ, причесть
они, „неудя добръ ни силу рѣчи, ни разумъ силе, ни бумажъ
вѣдая, въ той перепишѣ отъ недруженія, или отъ несмотрѣ
оучиваются“, вольдетыя чюго все пѣніе въ церквахъ совер-
шалось по крайне испорченнымъ и извращеннымъ книгамъ. Въ
виду этого Евросишь, въ замечаніе своего сказавъ, обра-
щается къ вамъ съ трепетъ востановленія: „и ма, господи наши,
дети и братья, и мы, бѣднѣе, съ вами, похотимъ хѣ разуметь

зною общій совѣтъ; по церковнымъ законамъ любовнаго соединенія; воспричтемся предъ Господомъ, совершившимъ насъ, и прибѣгнемъ и припадемъ къ благочестивому семедерзцу, государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси, и къ святѣйшему великому господину, въ духовномъ чинѣ отцу и богомольцу его, Іосифу, патриарху московскому и всея Руси и помодимъ; еже бы исправить съ печатныхъ церковныхъ книгъ и съ харатейныхъ книгъ: Ирмолой и Онтей и Стихирари въ существенномъ разумѣ рѣчей и имемъ, приказати бы и повелѣти имъ, государемъ, добрымъ пѣвцомъ и знаменщикомъ противу грамматическаго художества и истиннаго разума въ именахъ и глаголахъ и въ прочихъ частяхъ, по согласію точекъ и запятыхъ, и разума верхнихъ силъ, зная положити, къ наученію всему православному христіанству, противъ древнихъ переводовъ харатейныхъ²⁴⁾.

Противъ этихъ вопіющихъ безпорядковъ въ церковномъ богослуженіи особенно смѣло и энергично возсталъ кружокъ ревнителей. Стефанъ и Ртищевъ „первые оставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе“, затѣмъ оно введено было Нероновымъ въ Казанскомъ соборѣ, и уже потомъ, благодаря настояніямъ государя, побуждаемаго ревнителями, и во всѣхъ церквахъ²⁵⁾. На соборѣ 1651 года постановлено было

²⁴⁾ Бычкова. Опис. рукоп. сборниковъ импер. публ. библ. № XXIII, 10. Сахарова: Исслѣд. о рус. церк. пѣснопѣніи. Оп. рукоп. Хлудова № 91.

²⁵⁾ Установленіе единогласнаго пѣнія нѣкоторые почему то считают личнымъ дѣломъ Никола. Это мнѣніе несправедливо. Современная введенію единогласія лица говорятъ, что это было дѣломъ Ртищева и Стефана Вонифатьевича, которые «первые оставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе, таже потщамася и благочестиваго царя молити, дабы утвердилъ благочинное въ церквахъ правило, еже бы въ единъ гласъ, а не во многія пѣти». Единогласіе установлено было «ово ученіемъ протопоповъ Стефана и Іоанна, (Неронова), оже повелѣвшихъ царевымъ, съ чествомъ *особствова* и богомудрый архимандритъ Никонъ». Съ своей стороны и Шумеринъ говоритъ, что царь ввелъ единогласіе по совѣту и благословенію своего духовника Стефана и при этомъ замѣчаетъ: «ему же въ томъ богоспасаемомъ дѣлѣ велій поборникъ и помощникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ». Ясно, что установленіе единогласія было дѣломъ Стефана Вонифатьевича. Никонъ же только содѣйствовалъ распространенію и утвержденію этой другими лицами задуманной мѣры. Но это же дѣлали и всѣ другіе члены кружка, почему Аввакумъ, напримѣръ, и остался навсегда горячимъ

„иже во святыхъ: Божіея церковь чинно и безмятежно, на Москвѣ и во всѣхъ градохъ, единогласно, на вечерницахъ и на повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, исамаи и исамаи говоритъ въ единъ голосъ, тихо и наспѣшно, со всѣмъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ“.²⁹⁾ Благодаря этому соборному постановленію „то въ нашемъ православіи великое безчиніе и грѣхъ“, многогласіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, уничтожилась кенседа, церковное богослуженіе съ этого времени стало совершаться у насъ относительно чинно, стройно, болѣе или менѣе вразумительно и назидательно для предстоящихъ.

Утвердивъ единогласіе въ церквахъ, кружокъ ревнителей велѣвъ затѣмъ обратить вниманіе и на необходимость упорядоченія самаго церковнаго пѣнія, на необходимость исправленія церковныхъ нотныхъ книгъ, въ неисправности и испорченности которыхъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ безпорядочности церковнаго пѣнія; воззваніе инокъ Евросима въ пользу исправленія нотныхъ книгъ было услышано. Извѣстный Александръ Мезенцевъ въ своемъ сочиненіи: „Извѣщеніе требующимъ учиться пѣнію“, сообщаетъ, что послѣ собора 1651 года, утвердившаго и единогласіе и обязательность *мартиано* пѣнія, по царскому повелѣнію въ Москвѣ „собрано было къ тому знаменному устроенію его царскаго величества во градѣхъ и честныхъ обителѣхъ и селѣхъ разныхъ чиновъ отъ святыя Божія церкви чиновачальниковъ и всякаго церковнаго чина избранныхъ людей 14 человекъ“. Такимъ образомъ для исправленія нотныхъ церковныхъ книгъ собрана была цѣлая коммиссія изъ свѣдущихъ людей, которая должна была привести эти книги въ должный порядокъ. Но со вступленіемъ на патриаршій престолъ Никона дѣло это остановилось. А такъ какъ неисправность и испорченность нотныхъ книгъ была открыто признана и заявлена, то, по свидѣтельству Мезенца, разные мастера пѣнія сами стали, каждый по своему, исправлять на правую рѣчь пѣніе „и во единогласіе неприяша“. Слѣдствія такого положенія дѣль понятны: „во

приверженцемъ единогласія, чего бы никакъ не могло быть, еслибы единогласіе было введено именно Никономъ.

²⁹⁾ А. Э. IV, № 327.

всѣхъ градѣхъ и селѣхъ учинилось велие разгласіе, что и во единой церкви не токмо тремъ или многимъ, но и двѣма пѣти согласно стало невозможно*. И только уже послѣ Никона, при патриархѣ Іоасафѣ, снова возвратились къ прежней мысли собрать въ Москву свѣдущихъ людей, которыми нотныя книги и приведены были въ порядок ²⁷⁾.

Наконецъ кружокъ ревнителей обратилъ свое особое вниманіе на возстановленіе совсѣмъ замолишаго на Руси церковнаго учительства. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло было уже до того, что и міряне и сами пастыри стали смотрѣть на церковныя поученія, какъ на нѣчто непозволительное и даже вредное. Патриархъ Іоасафъ въ своей памяти тіуну Манойлову въ 1636 году говоритъ, что мірскіе люди не только церковныя поученія священниковъ презирають и неприемлють, но и самихъ священниковъ за это поносятъ и укоряють. Съ другой стороны и сами священники, торопясь поскорѣе справить службу, не только не читали положенныя отеческія поученія, но и возвращали тѣмъ, которые хотѣли читать ихъ, такъ что предстоящіе уходили изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазнялись такимъ поведеніемъ своихъ пастырей. Неизвѣстный въ своей челобитной патриарху Іосифу также сильно жалуется на прекращеніе церковнаго учительства, на полное нерадѣніе въ этомъ отношеніи пастырей церкви, и проситъ патриарха принять мѣры противъ укоренившагося зла. Для поощренія церковнаго учительства при патриархѣ Іосифѣ дѣйствительно предпринимаются нѣкоторыя мѣры, состоящія въ томъ, что при немъ усиленно начинаютъ печатать учительныя отеческія сочиненія, особенно уважаемыя и любимыя народомъ за ихъ назидательный характеръ. Такъ при Іосифѣ печатается (въ 1641 году) Маргаритъ Златоуста и его житіе (въ 1642 г.), поученія Еврема Сирина печатаются три раза (въ 1643 г. и въ 1652 г.) и два раза вмѣстѣ съ поученіями аввы Дороева, печатается Сборникъ изъ 12 учительныхъ словъ (въ 1642 г.), извѣстное поученіе самого патриарха Іосифа и пр. Благодаря изданію учительныхъ сочиненій получалась возможность читать ихъ въ болѣе исправномъ видѣ, нежели какъ они читались въ старинныхъ неисправныхъ и испор-

*1) Сахарова—Исслѣд. о рус. царковн. пѣснопѣвнн, стр. 28—29.

ченныхъ рукописяхъ,—получалась возможность имѣть ихъ чуть не при каждой церкви. Члены кружка ревнителей, какъ мы знаемъ, отличались учительностію, готовностію всегда и всюду читать народу отеческія учительныя произведенія и толковать ихъ. Нероновъ никогда не разставался съ книгою Маргаритъ, всюду носилъ ее съ собою и не только въ церкви и дома, но на улицахъ и площадяхъ всегда готовъ былъ читать ее народу для его наученія. Такъ поступали и другіе ревнители, причеиъ ихъ проповѣдь всюду возбуждала въ народѣ всеобщее вниманіе, дѣлала ихъ популярными, приобрѣтала имъ множество друзей и послѣдователей,—у нихъ являлись въ этомъ отношеніи подражатели и среди духовенства. Біографъ Неронова говоритъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ „священницы мнози, ревнующе іерею Іоанну, начаша износити изъ сокровищъ сердца своего сладость ученія Божественнаго Писанія“. Поученія Логгина создали ему популярность и приверженцевъ, какъ это видно изъ челобитной жителей Мурома къ архіепископу рязанскому Мисаилу, съ просьбою возвратити имъ учительнаго пастыря. Сами высшіе іерархи стали къ концу патріаршества Іосифа требовать отъ подвѣдомственнаго имъ духовенства церковнаго учительства. Такъ ростовскій митрополитъ Іона, въ окружномъ посланіи къ пастырямъ, при своемъ вступленіи на митрополию, пишетъ, обращаясь къ духовенству: „училибъ естя люди Божіи, кто неприлучится у церкви Божіи, на всякъ день, съ прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитати отъ Божественнаго Писанія поученіе, тогдабъ единъ почиталь, а другій за нимъ толковаль, или кто можетъ чести, да и толкуеть самъ, чтобъ простымъ людемъ было что пріяти отъ васъ“²⁸⁾.

Такимъ образомъ дѣятельность кружка ревнителей благочестія была направлена на искорененіе въ народѣ пороковъ, суевѣрій, неприличныхъ языческаго характера игрищъ, на водвореніе въ обществѣ духа христіанскаго благочестія и религіозности вообще, на исправленіе разныхъ церковныхъ безпорядковъ, на поднятіе совѣсьмъ было замолкшей у насъ церковной проповѣди.

Нетрудно видѣть, что указанная нами дѣятельность кружка ревнителей благочестія, насколько мы ее можемъ знать по не-

²⁸⁾ А. И. IV, № 62.

многимъ дошедшимъ до насъ отъ этого времени свѣдѣніямъ, была дѣятельностію въ извѣстномъ отношеніи преобразовательною, такъ что представители кружка ревнителей, въ глазахъ многихъ невѣжественныхъ лицъ, были ничто иное, какъ безпокойные и опасные новаторы и даже чуть не еретики, стремящіеся измѣнить отеческіе, вѣками освященные и всѣми доселѣ признаваемые порядки и обычаи. Вездѣ, гдѣ только появлялись, съ своимъ неустаннымъ учительствомъ, съ своими обличеніями, съ своимъ строгимъ, истовымъ исполненіемъ всѣхъ церковныхъ службъ и пастырскихъ обязанностей,—вездѣ они встрѣчали, вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ себѣ и ко всей ихъ полезной дѣятельности, и рѣшительное нерасположеніе и даже прямую вражду со стороны лицъ, ими обличаемыхъ и особенно со стороны лѣниваго, порочнаго и невѣжественнаго духовенства. Даже среди извѣстной части столичнаго московскаго духовенства, необходимо болѣе образованнаго и развитаго, чѣмъ духовенство провинціальныхъ городовъ, а тѣмъ болѣе духовенство сельское,—дѣятельность ревнителей благочестія встрѣчала сильныя порицанія и противодѣйствіе, навлекала на нихъ обвиненіе въ еретичествѣ. Въ 1651 году гавриловскій попъ Иванъ извѣщалъ государя: „говорилъ де ему Никольской попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдется: *заводите де вы ханжи ересь новую единогласное тѣмъ и людей въ церкви учите*, а мы де людей преже сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говоривалъ де онъ попъ Прокофей: бѣса де и вы имате въ себѣ всѣ ханжи... и протопопъ де благовѣщенскій (Стефанъ Вонифатьевъ) такой же ханжа, сказалъ де онъ: Господа Саваоѳа видѣлъ (?), и онъ де бѣса видѣлъ, а не Бога. А Бога де кто можетъ видѣти во плоти?“ И другіе московскіе священники сильно возмущены были введеніемъ единогласія и требованіемъ отъ нихъ учительства,—они шумѣли и не хотѣли подписываться подъ требованіемъ объ обязательномъ введеніи единогласія во всѣхъ церквахъ. Тотъ же попъ Иванъ заявлялъ, что 11 февраля въ сѣняхъ московской тунскаго избы былъ сильный крикъ: „Лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такіа рѣчи: мнѣ де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велили руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольниковымъ,

любо де имъ будетъ единогласіе“²⁹⁾. И когда попъ Иванъ стагъ говорить противящимся единогласію, что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св. отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: „намъ де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“. Въ то же время какой то попъ Андрей говорилъ: „чтобъ или съ казанскимъ протопопомъ (т.-е. Нероновымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жеребей, и будетъ его тѣра права, и они де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученія)“³⁰⁾.

Съ самаго начала дѣятельность ревнителей (Стефана, Ртищева и Никона), какъ видно, вовсе не расходилась съ дѣятельностію патріарха Іосифа, являлась какъ бы ея отпрыскомъ, ея восполненіемъ. Это было, казалось, то же направленіе, только имѣвшее въ виду специально практическую сторону жизни, область наличныхъ общественныхъ нравовъ, обычаевъ, наличныхъ церковныхъ порядковъ и проч., такъ что дѣятельность ревнителей служила какъ бы только восполненіемъ преобразовательной дѣя-

---

²⁹⁾ Это на первый взглядъ странное требованіе московскаго приходскаго духовенства, чтобы прежде обязательнаго введенія въ церквахъ единогласія спросили напередъ у бояръ и окольничихъ: любо ли имъ будетъ единогласіе?—по нашему мнѣнію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе прихожане охотнѣе шли въ тѣ церкви, въ которыхъ служба совершалась очень скоро, ради чего у насъ собственно и возникло многогласіе, дававшее возможность сокращать срокъ службы до послѣдней возможности, хотя въ то же время всѣ требованія церковнаго устава формально выполнялись. Такіе церковные порядки вѣнше благочестивымъ людямъ нравились какъ нельзя болѣе. Введеніе же единогласія, истовое исполненіе церковныхъ службъ, введеніе церковныхъ поученій, необходимо должно было значительно удлиннить всѣ церковныя службы, что сильно могло не понравиться многимъ прихожанамъ, привыкшимъ къ прежнимъ короткимъ службамъ. Въ виду этого опасенія—введеніемъ единогласія возбудить не-удовольствіе своихъ сильныхъ и вліятельныхъ прихожанъ, московское приходское духовенство и требуетъ, чтобы напередъ спросили бояръ и окольничихъ—любо ли имъ будетъ единогласіе.

³⁰⁾ Зап. рус. археол. общ. II, 394—396. Въ приведенныхъ заявленіяхъ московскаго духовенства нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что главными новаторами, виновниками введенія единогласія и церковныхъ поученій признаются Стефанъ и Нерововъ, а не Никонъ, о которомъ даже вовсе и не упоминается, что было бы невозможно, еслибы онъ дѣйствительно въ то время былъ, какъ нѣкоторые думаютъ, главнымъ виновникомъ введенія у насъ единогласія и церковныхъ поученій.

тельности патриарха Иосифа. Въ воззрѣніяхъ первыхъ дѣятелей кружка ревнителей: Стефана, Ртищева и потомъ Никона, не могло быть ничего особенно враждебнаго тѣмъ новымъ вѣяніямъ, которыя проявились при Иосифѣ, такъ какъ глава кружка, Стефанъ, несомнѣнно самъ содѣйствовалъ появленію и укрѣпленію въ Москвѣ этихъ вѣяній, онъ былъ близкимъ другомъ Ртищева, въ бесѣдахъ съ нимъ проводилъ иногда ночи, съ нимъ совѣтовался при выборѣ лицъ для поставленія на протопопскія мѣста въ разныхъ городахъ. Съ своей стороны и Ртищевъ, устроив около Москвы Андреевскій монастырь и вызывая въ него ученыхъ, южно-русскихъ монаховъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, съ согласія и одобренія Стефана. Точно также и царь, не совѣтовавшись предварительно съ своимъ уважаемымъ духовникомъ, не рѣшился бы на такую небывалую мѣру, какъ вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ для книжныхъ исправленій, безъ одобренія своего духовника не рѣшился бы онъ и на учрежденіе въ Москвѣ школы, въ которой бы образованные кіевляне и греки учили москвичей разнымъ наукамъ. Несомнѣнно, что все это дѣлалось и Ртищевымъ, и царемъ съ вѣдома и согласія Стефана, который, слѣдовательно, лично вовсе не былъ противникомъ науки, образованія и книжныхъ исправленій. То же самое доказывается между прочимъ и тѣмъ, что книга о Вѣрѣ, написанная кіевляниномъ Назанайломъ, игуменомъ кіевского Михайловскаго монастыря, была, въ 1648 году, напечатана въ Москвѣ, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, „тщательствомъ благаго духовника царя Стефана Вонифатьевича“. Правда, когда въ Москвѣ появились кіевляне и ихъ ученики, то они, по наблюденію москвичей, свысока стали трахать учительныхъ и благочестивыхъ московскихъ протопоповъ: „всѣхъ они (кіевляне съ своими учениками) укоряють, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Стефана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракують; слушать у нихъ нечего, и себѣ имени невѣдаютъ; учать де—просто ничего не знаютъ, чему учать“³¹⁾.

---

³¹⁾ «Дѣло по доносу чернеца Саула на бояръ Ивана Васильевича Засѣцкаго на Луку Тимофѣева, сына Голосова, да Благовѣщенскаго собора на дьячка Константина Иванова, что они къ нему въ келью приходили и про еретичество говорили. 158 года, апрѣля въ 3 день, извѣщала околицичу Ивану Ондрѣвичу

Дѣйствительно, съ прибытіемъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ необходимо должно было произойти сравненіе, сличеніе старой московской учености съ новою кіевскою, причеъ представители и приверженцы кіевской учености естественно старались уронить въ общественномъ мнѣніи старую московскую ученость и ея представителей, учительныхъ протопоповъ Стефана и Неронова. Но это обстоятельство, кажется, очень мало затронувало Стефана, который самъ содѣйствовалъ вызову въ Москву ученыхъ кіевлянъ и не имѣлъ вообще особыхъ притязаній на ученость и учительность, такъ что въ интересахъ оживленія въ

Милославскому чернецъ Саулъ: есть де за нимъ государево дѣло, чтобъ про тотъ его извѣтъ сказалъ государю, и околичней Иванъ Одрѣвичъ сказывалъ про то государю. И марта въ 5 день сказалъ чернецъ Саулъ предъ государемъ: нынѣшней де зимы, а о кою пору, того не упомянуть, приходили къ нему въ келью Иванъ Васильевъ, сынъ Засѣцкой, да Лучка Тимофѣевъ, сынъ Голосовъ, да Благовѣщенскаго собора дячекъ Костка Ивановъ, и межъ себя шептали: учится де у кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той де грамотѣ и еретичество есть, а бояринъ де Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знаетъ и держится. А Степанъ Алябьевъ спрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: какъ де былъ на Москвѣ старецъ Арсеній греченинъ, который сосланъ на Соловки, поиъ Степанъ хотѣлъ было у него поучиться полатни, и какъ тотъ старецъ сосланъ на Соловки, и онъ де и учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что учили ему говорить родимцы его и Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣцкой: перестанъ де учиться полатни, дурно де; а какое дурно того не сказали; а разговоръ де онъ съ ними—Лучкою и Ивашкомъ никакихъ не говаривалъ, а Лучка де говаривалъ: латинской де языкъ незнакомъ и многія въ немъ ереси.—Дячекъ Костка Ивановъ въ распросѣ сказалъ: нынѣшнего году на маслянницѣ, а въ который день, того не упомянуть, проводжали де протопопа (Стефана Вонифатьева) Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣцкой, да онъ Костка отъ Благовѣщенія къ нему на дворъ и, проводя его, пришли къ воротной кельѣ къ старцу Сауду и сѣли на лавкѣ и говорили де ему Косткѣ Лучка и Ивашко: извѣсти де протопопу, что де онъ, Лучка, у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочетъ, старцы де не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученія у нихъ нѣтъ: нынѣ де онъ манитъ Ѳеодору Ртищеву, боиъ его, а впредь де учиться никакъ не хочу. Да тотъ же де Лучка говорилъ: кто де по латини научится, и тотъ де съ праваго пути совратится; да и о томъ бы онъ Костентинъ вспомянулъ протопопу: поѣхалъ де учиться Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту де проѣзжую Ѳеодоръ промыслилъ доучиваться у старцевъ у кіевлянъ по латини, и какъ де выучатся и будутъ назадъ, и отъ нихъ де будутъ великія хлопоты, и чтобъ де ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ; и такъ де они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ: Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ:

Москвѣ публичной проповѣди, пожеласть имѣть при себѣ другое лицо, болѣе его ученое и краснорѣчивѣе. Бієграфъ Неронова прямо говоритъ, что „Стефанъ протѣпешъ, аще и зло ведю ревность имѣяше о благочестіи, обаче въ Божественномъ Писаніи не до конца худоꙋ быше: того ради желаше избрати себѣ въ помощь мужа, въ словесѣхъ рѣчиста и въ святыхъ книгахъ искуснѣйша“. Въ виду этого умный и непритязательный Стефанъ легко мирился съ кievскою ученостію и съ кievскими учеными, какъ онъ впоследствии легко мирился съ преобразовательною дѣятельностію Никона и даже усиливался помирить съ немъ своихъ пылкихъ и неразумно-ревностныхъ друзей.⁴²⁾ Что же касается

враки де они вракують, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдають, учать де, про то ничего не знаютъ, чему учать. Да онъ же Костка слышалъ во 157 году по лѣту отъ нова Гоми, а живутъ де они во рѣу педъ Троицею, и прихаживалъ къ тому полу Гоми для правды, и Гома де петь говоритъ: еводи де немалу какъ де бытъ, дѣти де его духовные отъ него просятъ въ Кіевъ учиться по латини. И онъ де Кости молвилъ ему: не отпусай де Бога ради, Богъ де на твоей душѣ того взыщеть. И Гома де молвилъ: азъ бы де радъ ихъ не отпустить, да они безъ пристани со слезами просятъ, и его мало слушають и ни во что ставятъ. Да тѣмъ Лука и Иванка говорили: говорить де кievляне: намъ бы де до Свѣтлаго воскресенья дожидать, а то де чаемъ, что съ Москвою не поидемъ. А про боярина де прѣдъ Бориса Ивановича Морозова, слышалъ онъ у нихъ говорили межъ собою тихонько: Борись де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кievляне де началъ жаловать, а то де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковымъ же ересямъ. Да Костка жъ допрашивалъ, что онъ съ ними поспалъ, и онъ сказыль же умоумилъ, и чтобы де высташа и Садма съ отой на очю. И Саула на очюи сказыль говорилъ: онъ де Костка съ дини говорилъ и на ухо шепталъ, да и то де говорили, чтобы Богъ ихъ всѣхъ смесъ. И Костка молвилъ: въ томъ де виновать, что запаматовалъ тѣ де слова, что Богъ ихъ всѣхъ смесъ вмѣстѣ, говорили, а говорилъ де онъ съ ними и шепталъ, что онъ тѣ ихъ рѣчи извѣстилъ протопопу, и я ему извѣстилъ... (Большой Москов. Архивъ мѣнист. иностранныхъ дѣлъ, дѣла приказныя, 1650 года, связка 246, № 31. Конца дѣла, къ сожалѣнію, нѣтъ).

⁴²⁾ Совсѣмъ иначе, тѣмъ Стефанъ, долженъ былъ отнестись къ обличеніямъ кievлянъ и ихъ учениковъ Нероновъ. Онъ именно и былъ тотъ мужъ «въ словесѣхъ рѣчистый и въ святыхъ книгахъ искуснѣйшій», котораго Стефанъ избралъ для публичной церковной проповѣди въ Москвѣ, такъ какъ онъ еще въ Нижнемъ-Новгородѣ составилъ себѣ громкую репутацію выдающагося и очень свѣдущаго проповѣдника. Эту репутацію талантливаго «и въ святыхъ книгахъ искуснѣйшаго» проповѣдника Нероновъ съ честью поддерживалъ и въ Москвѣ. Слушать его проповѣди въ Казанскомъ соборѣ приходили иногда самъ царь, «царица и бояре, причемъ въ соборъ всегда собиравася масса народу послушать сладкаго учѣна

Ртищевъ, то онъ, какъ известно, былъ главнымъ дѣятелемъ въ вызовѣ въ Москву ученыхъ киевлянъ и самымъ горячимъ поборникомъ развитія у насъ образованія, Точно также и Николь, переехавшій въ Москву, скоро подчинился здѣсь новымъ влѣніямъ, сблизился съ его представителями и наконецъ вполне принялъ мысль о необходимости церковныхъ исправленій въ духѣ Іосифа. Такимъ образомъ всѣ три главные извѣстные намъ ренитера вовсе не были принципиальными противниками Іосифа и имъ намѣченныхъ исправленій, а между тѣмъ, несмотря на это, между патриархомъ Іосифомъ и Стефаномъ Вонифатьевымъ съ теченіемъ времени произошелъ окончательный разрывъ, такъ что Стефанъ Вонифатьевичъ даже публично позволялъ себѣ называть Іосифа патриарха „не пастыремъ, а волкомъ“, поносилъ онъ и всѣхъ другихъ властей „бранными словами“, и ихъ, какъ и патриарха, называлъ также „волками и губителями“. Къ сожалѣнію документъ, который сообщаетъ намъ о столкновеніи Стефана съ патриархомъ и властями, не говоритъ, за что именно Стефанъ называлъ патриарха и властей „волками и губителями“²¹⁾. Но кажется мы не ошибемся, если объяснимъ это столкновение такимъ образомъ: Стефанъ „вѣло велию ревность имѣяше о благочестіи“ требовалъ отъ патриарха Іосифа и другихъ властей неотложныхъ и энергичныхъ преобразованій прежде всего и главнымъ образомъ въ сферѣ наличныхъ церковныхъ порядковъ, которые во многомъ уже давно соблазняли истинно благочестивыхъ людей, вызывая съ ихъ стороны горькія жалобы и сътованія, требовалъ отъ властей внимательнаго неустаннаго на-

Іоаннова. Вѣдѣвъ съ Стефаномъ Нероновъ даже явился во дворецъ и здѣсь «прострашу ученія духовнаго: и приемиша благословеніе отъ нихъ царь и царица и словеса ихъ душеполезныхъ послушаху въ сладость». И вдругъ киевляне и ихъ московскіе ученики дерзко заявляютъ, что Нероновъ «враки аракуеть, что слушать у него нечего, что хотя онъ и учитъ, однако самъ хорошо не знаетъ чему учить». Это было дровинымъ оскорбленіемъ для Іоанна, который конечно не могъ же сознаться, что и онъ подобно Стефану, то же «не до конца худогъ» въ Божественномъ Царствіи, и что онъ дѣйствительно хорошо не знаетъ того, чему учить. Понятное дѣло, что для Неронова гораздо легче было заподозрить и отвергнуть всю современную кievскую и греческую ученость, нежели признаться въ своей собственной научной несостоятельности.

²¹⁾ Этотъ документъ — челобитная патриарха Іосифа къ царю, очень важная — приводится нами ниже и печатается въ приложеніи.

блюдения за жизнью и деятельностью подвѣдомственнаго имъ духовенства, чтобы оно ревностно и истово исполняло свои пастырскія обязанности, требовалъ ихъ особыхъ усиленныхъ заботъ о релігіозно-нравственномъ воспитаніи всего вообще народа, зараженнаго многими пороками и суевѣріями, настаивалъ, чтобы на этой именно деятельности сосредоточены были прежде всего заботы и усилія церковныхъ властей, которыя сами должны были, по его мнѣнію, являть собою образецъ истиннаго архипастырскаго служенія, подавать собою примѣръ подчиненнымъ имъ пастырямъ въ надлежащемъ выполненіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей. Но кажется, ни патріархъ Іосифъ, ни власти не проявляли особенной охоты и ревности исполнять требованія Стефана, или потому, что вообще имъ не сочувствовали, или потому, что не хотѣли подчиниться водительству царскаго духовника, іерархически имъ подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что въ его требованіяхъ находили косвенное порицаніе своей предшествующей архипастырской деятельности. Тогда Стефанъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, сталъ проводить свои планы помимо патріарха и властей, съ помощію царскихъ указовъ и при содѣйствіи выдвинутыхъ имъ ревнителей: Неронова, Аввакума и другихъ, вслѣдствіе чего онъ необходимо сталъ въ натянутыя отношенія къ патріарху и всѣмъ властямъ,—его деятельность стала обособляться отъ деятельности Іосифа. Не встрѣтивъ желанной поддержки своимъ планамъ у патріарха и властей, Стефанъ въ замѣнъ того нашелъ себѣ горячее сочувствіе въ Нероновѣ, Аввакумѣ, Даниилѣ и др., которые вполне раздѣляли его взгляды и готовы были всячески постоять за нихъ. Естественно, что Стефанъ тѣсно сблизился съ этими вполне сочувствующими ему лицами, которыя и сдѣлались скоро его близкими друзьями ³⁴⁾. Новые друзья Стефана, особенно пылкій, энергичный и учительный Нероновъ, уже по самой живости своей натуры не могли оставаться на второмъ планѣ, не только принесли съ собою

---

³⁴⁾ Дьяконъ Федоръ говоритъ, что Николь всѣхъ, «кои не приложили рукъ своихъ ко умилению его вѣрѣ и возбраняли ему много, еже би не раздѣралъ церкви Христови,—казанскій протопопъ Іоаннъ Нероновъ, востромской протопопъ Даниилъ, куронскій протопопъ Логинъ, друзи бѣлиа царева духовника Аввакума Озерскаго, Владеѣвскаго протопопа и мнози мнози отци и сини всѣхъ Николь иудиль»... (Матер. для ист. раск. а. VI, стр. 197).

кругъ воззрѣній, во многомъ отличныхъ отъ воззрѣній Стефана и Никона, но и старался придать имъ преобладающее руководящее значеніе, хотѣлъ, чтобы ими опредѣлялась вся дѣятельность кружка ревнителѣй, вслѣдствіе чего необходимо должна была съ теченіемъ времени вскрыться рознь въ воззрѣніяхъ самихъ ревнителѣй и повести къ отдѣленію московскихъ ревнителѣй отъ ревнителѣй пришлыхъ, провинціальныхъ. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ пришлыхъ въ Москву провинціальныхъ ревнителѣй, каковы Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и др. выступала на сцену старая Русь, совершенно чуждая новѣйшимъ московскимъ культурнымъ движеніямъ, Русь исключительно провинціальная, выросшая и воспитывавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ толстыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержимомъ, совершенно не знавшая и даже не хотѣвшая знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кромѣ завѣщаннаго ей старыми московскими книжниками, которымъ только она и вѣрила и предъ которыми преклонялась. Это была Русь, еще прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, и потому крайне стойкая въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и идеалахъ, крайне неподатливая на всякую новину, враждебная всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣковаго, хотя бы уже и отжившаго обычая, отъ привычнаго, вѣками освященнаго строя понятій, хотя бы уже заявившихъ свою дальнѣйшую непригодность. Но если эта старая Русь, совершенно еще нетронутая новѣйшими московскими вѣяніями, и не обладала научнымъ образованіемъ и развитіемъ, воспиталась съ помощію простаго односторонняго начечества, если кругъ самаго ея христіанскаго пониманія былъ крайне узокъ, а иногда и прямо неправиленъ, если она затруднялась иногда подмѣтить въ Псалтыри простую типографскую ошибку, а о Святой Троицѣ не затруднялась богословствовать неправо,—за то она готова была на мученичество за свои вѣрованія и убѣжденія. Какъ мало въ ней было правильнаго теоретическаго развитія, способности къ отвлеченному и критическому мышленію, такъ наоборотъ въ ея представителяхъ очень много было характера, энергии, стойкости, способности всею жертвовать, все претерпѣть за свои непоколебимыя убѣжденія. Этими своими качествами эти способности были про-

изводить на всех, и особенно на простую массу, въ высшей степени сильное впечатлѣніе, способны были самѣмъ своимъ несостоятельнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ придать характеръ истинности и святости: на смерть идутъ за свое ученіе—одного этого уже достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не оцѣнивая его по существу, святую непрерываемую истину,—за неправое дѣло, въ которое сами не вѣрятъ, люди не кладутъ добровольно головы своей на плаху, не даютъ выпрыгивать у себя языки, не идутъ спокойно на костеръ.

Вотъ такіе-то люди, сгруппировавшись около Стефана, какъ своего центра, постепенно перебираются въ Москву, становятся здѣсь благодаря Стефану известными самому царю и цароной семьѣ, приобретаютъ въ высшихъ кругахъ московскаго общества известность и вліяніе и начинаютъ заявлять притязаніе на руководящую роль въ церковныхъ дѣлахъ, хотятъ проводить и въ Москвѣ свои отжившія воззрѣнія, вовсе не думая поступаться ими даже предъ Стефаномъ, съ которымъ они уже вступаютъ въ пренія и состязанія. Нероновъ въ 1654 году писалъ къ Стефану: „не толи мнѣлишь, государь мой союзниче, священнопротопопъ Стефанъ Воинъевичъ, что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужалъ и много тебѣ жестоко и противно говорилъ“³⁴⁾. Принципіальная рознь между Стефаномъ и его провинціальными друзьями необходимо должна была обнаружиться въ Москвѣ при ихъ ближайшемъ взаимномъ знакомствѣ, когда они ближе всмотрѣлись въ воззрѣнія другъ друга. Но до тѣхъ поръ, пока новыя московскія вѣянія не сформировались окончательно и не нашли себѣ опредѣленнаго выраженія въ церковной реформѣ Никона, провинціальныя ревнители еще держались Стефана и Никона, хотя и тогда уже, какъ мы видѣли, дозволяли себѣ жестоко и противно говорить Стефану. Какъ же скоро Никонъ

³⁴⁾ Матер. для истор. раск. 1, 77. И съ Никомомъ у Неронова, еще до патриаршества перваго, уже были нелади. На это намекаетъ самъ Нероновъ, когда въ письмѣ своемъ къ царю изъ Спасо-каменнаго монастыря отъ 27 февр. 1654 г. говоритъ: «по приказу ея, священнопротопопа Стефана Воинъевича, много докореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патриарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ и живыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все по истиннѣ истинну, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ» (ibid. 1, 67—68).

вступилъ на патриаршій престолъ и энергично сталъ продолжать дѣло церковнаго исправленія, начатаго его предшественникомъ, а Стефанъ рѣшительно сталъ въ этомъ дѣлѣ на сторону Никона, ревнители провинціалы отстранились отъ Стефана, перестали слушать его совѣтовъ и пошли своимъ собственнымъ путемъ. Въ пылкости Стефана сдержатъ пылъ и заносчивость своихъ друзей, образумятъ ихъ на счетъ происходящаго въ Москвѣ, примирить ихъ съ новыми московскими вѣдѣніями, вызванными новыми настоятельными запросами жизни, оказываются совершенно напрасными. Они уже не слушаютъ болѣе своего патрона, укоряютъ его въ слабости и податливости и, не разрывая личныхъ связей съ нимъ, образуютъ свой собственный кружокъ изъ единомышленниковъ съ ними лицъ и, дѣйствуя уже исключительно на свой собственный страхъ и вопреки всѣмъ настойчивымъ совѣтамъ Стефана, они выступаютъ яркими противниками церковныхъ исправленій Никона и производятъ въ русской церкви расколъ.

Въ чемъ же теперь заключаются особенности въ воззрѣніяхъ этихъ провинціальныхъ ревнителей, которые заставили ихъ сначала отдѣлиться отъ Стефана, а потомъ выступить яркими противниками церковной реформы Никона, и наконецъ противниками цѣлой вселенской церкви?

Кружокъ провинціальныхъ ревнителей благочестія признавалъ недостатки современной церковной жизни и долгу пастырей энергично бороться съ ними, но съ то же время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношеніе ея къ другимъ православнымъ церквамъ, онъ стоялъ на почвѣ тѣхъ исторически сложившихся воззрѣній, которыя были высказаны нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, и по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорю чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, уже нѣсколько замутившагося у самихъ грековъ. Москва — это третій Римъ, заслужившій мѣсто новаго Рима — Константинополя, въ дѣлѣ православія русскіе заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая и въ чемъ неизмѣнная вѣра, только на одной Руси, сравнительно со всѣми другими странами, „боль-

шее есть православіе и высшее христіанство“, только одна русская держава цвѣтеть теперь „современнымъ благочестіемъ, какъ свѣтъ солнечный“; тогда какъ у самихъ грековъ „вѣра православная испроказиса Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ этихъ именно воззрѣній, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка по преимуществу старцемъ Елеазарова монастыря Филоосемъ, и стояли провинціальныя ревнители ²⁶⁾. Правда, ревнители допукали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и по-

²⁶⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филоосей, въ посланіи къ великому князю говорить: «иже отъ вышня и всемощна, вся содержащая десница Божія, имъ же царіе царствуютъ и имъ же велиціи величаются и силнии ишуть правду, — тебѣ пресвѣтѣйшему и высокостольнѣйшему государю и великому князю православному христіанскому царю и владнцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престоловъ святыхъ вселенскія и авостольскія церкви пресвятыя Богородици честнаго и славнаго ея усупенія, *иже вместо римскія и константинопольскія просіемшу*. Старога убо Рима церкви надеся невѣріемъ аполлинаріевы ереси; второга же Рима Константинова града церкви агарше внуци сѣкырами и осорди ми разсѣюша дверк. Сія же нинѣ *третьяго новаго Рима* державнаго твоего царствія святая соборная авостольская церквы, иже въ концѣхъ вселенна въ православнѣй христіанской вѣрѣ, во всей поднебеснѣй ниче соланца свѣтитса. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры синопнаса въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои праотци великій Константинъ и блаженный Владимиръ «великій Богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженнии святци, ихъ же корени и до тебе... Блюди и земли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства синопнаса въ твое едино, *яко два Рима падоша, а третій стоимъ, а четвертому не быши*: уже твое христіанское царство ниемъ не оставлетса, по великому Богослову». (Прав. Соб. 1863 г. кн. 1. То же самое Филоосей замялетъ и въ посланіи къ дьяку Мисирю—тамъ же 1861 г. кн. 2). На почвѣ этихъ Филоосевскихъ воззрѣній о призваніи Рима и ея значеніи въ ряду другихъ христіанскихъ царствъ и стояли ревнители благочестія, которые, выступивъ потомъ противниками церковной реформы Никола, повторяютъ съ смѣхъ сочиненцѣхъ, слова старца Филоосея. Аввакумъ говорить: «мерзость зануствѣнія, не пренедебно священство и прелесть антихриста на святомъ мѣстѣ поставитса, сирѣчь на олтари неправославная служба, еже видимъ нинѣ обившеся. *Иного же оступленія уже нидѣ не будезъ: егда бо бысть, послѣдняя Русь здѣ*». (Матер. для исторіи раскола Н. Субботина, т. V, 227). Никита говорить: «иждоже тебѣ, великому государю, яко великій Римъ надеся аполлинаріевомъ ерсію, второй же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуци отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твоежъ государево, великое російское

грѣшности, но эти недостатки и погрѣшности заключаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ неправо-
вильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырянъ церкви,
которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправле-
ніи. Сама же русская церковь, по мнѣнію ревнителей, до самыхъ
последнихъ обрядовыхъ мелочей всегда оставалась и остается
вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ
не измѣнила ему, ни въ чемъ, даже въ самомъ незначительномъ
обрядѣ, ничего не утерала изъ него, такъ какъ на Руси всегда
твердо и неизмѣнно держались той мысли, что „не точію въ вѣрѣ,
но ни въ малѣйшей частицѣ канонѣвъ и пѣсней, что ни у ка-

царство, *третій Римъ*, и отсюду все христіанское благочестіе въ него едино
собрался, и отъ тебѣ благочестиваго царя превеликій Государь господствующихъ
и царь царствующихъ Христъ Богъ нашъ своей таланти съ прикупомъ взем-
летъ». Лазарь, обращаясь къ государю, говоритъ: «греческое царство много уже
иде іедино твое стоитъ никому роду не останется» (Ibid. IV, 158—159, 252, 258).
Дьяконъ Федоръ говоритъ: «воя царство, государь, въ конецъ сзвѣшася, спрѣчь
въ твое богохранимое государство; здѣсь истинная православная христіанская
вѣра». Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «мерзость заступивша неправедное
священство и прелесть антихристова на святомъ мѣстѣ, воставаеца, спрѣчь на
олтари неправославная служба, еше и видимъ нигдѣ сбывшеся. Иного уже от-
ступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; последнее Русь вѣдѣ» (ibid. VI, 35, 66).
Одоевскіе челобитники заявляютъ: «единъ на всей вселеннѣй владыка и блюсти-
тель непорочныя вѣры христіанскія, самодержавный великій государь царь бла-
гочестіемъ всѣхъ превыздетъ, и все благочестіе въ твое государство едино цар-
ство собралася, и третій Римъ, благочестія ради, твое государство московское
называетъ». Ibid. III, 247). Инокъ Сергій пишетъ: «ветхій Римъ надеся
аполинарїевою ересію, вторнй Римъ, уже есть Константинополь, агарянскіи
внуды отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, великокожь российское царство, третій
Римъ, благочестіемъ всѣхъ превызде и все благочестіе въ него воедино собралъ,
и единъ российский подъ небесемъ христіанскій царь именуется во всей вселеннѣй»
(ibid. IV, 158—159, 309). Инокъ Авраамій пишетъ: «наша убо святая вселенская
апостольская церковь небоподобал, вмѣсто римской и константинопольской,
богоспасаемаго царствующаго града московскѣй державы, всесвѣткой Россіи, иже
по всей вселеннѣй, паче солнца свѣтитя и благочестивою вѣрою сїятъ, яко вся
христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася воедино царство нашего
государя: по пророческимъ во книгамъ, по-есть ромейское царство, два убо Рима
падоша, а третій стоитъ, а четвертому небыть... Пишетъ бо и святой Филофей;
Елизарьева монастыря, яко греческое царство разорися, и не созиждется. Сн
вся случившася грѣхъ ради нашихъ, понеже они предаша греческую вѣру въ ла-
твѣство, оладенія гѣрдостію буйства своего, еретическимъ ученіемъ послѣдоваеца;
вѣру святую изложивша» (ibid. VII, 86—87).

кого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно“, „что православнымъ нужно умирать за едину букву азъ“. Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и порознилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но кое-что утерли изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вслѣдствіе чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось „пестро“, а благочестія у нихъ „и слѣду нѣтъ“. Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ привзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и главнымъ образомъ латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому вносить въ русскую церковную жизнь что-либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничѣмъ и никогда не осверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно такъ же ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ невѣжественными и небрежными переписчиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, чтобы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы ихъ слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если ревнители и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыхъ, какъ это признавали и сами греки, латиняне и люте-

ране вносили свои ереси²⁷⁾. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ приниматъ греческихъ книгъ и во всякомъ случаѣ для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все, несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженіямъ со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ и киевлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого-либо участія въ на-

---

²⁷⁾ Въ этомъ отношеніи особенно важно заявленіе палеопатраскаго митрополита Теофана, который будучи въ 1645 году въ Москвѣ, писалъ въ челобитной государю: «буди вѣдомо, православный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что *имѣють папезю и лютори греческую печать, и печатають повсядневно богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ смѣщаютъ лютое земліе — почаную свою ересь...* И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царѣ-градѣ, повеже и кѣмци, которые пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевѣдецъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе и *вспомянулъ смуты, что имѣють христіане отъ еретиковъ и смущаются многае въ умахъ, прочитавши тѣхъ составленныхъ книгъ и надьютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибають.* Въ виду этого Теофанъ проситъ царя: «да повелиши быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философства и богословія греческаго языку и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и *греканы освободятся отъ лукавства еретиковъ... сдѣся исполнятся древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво...* (Эта любопытная челобитная палеопатраскаго митрополита Теофана напечатана нами въ полномъ видѣ въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь. «Чт. Общ. Любителей Духовн. Просв.» 1881 г. июль).

мнѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ, „и пани молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истиннѣ неразвратниковъ, коихъ истиннѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусили житіе ихъ“. Ревнители хорошо знали, что между учеными греками и киевлянами не мало находилось и такихъ, которые, получивъ образованіе въ западныхъ, по преимуществу въ латинскихъ школахъ, заразились тамъ латинскими мнѣніями и становились открытыми или тайными приверженцами латинства; поэтому они постоянно опасались, какъ бы и на Русь не проникли эти иностранные иноки „истиннѣ и благочестію ругатели и ересей вводители“. Простое благоразуміе, казалось имъ, требуетъ отъ правительства, чтобы оно зорко слѣдило за всякимъ оставшимся въ Москвѣ ученымъ грекомъ и киевляниномъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускало бы его до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока объ нихъ не получится полной увѣренности, что они и по убѣжденіямъ, и по жизни дѣйствительно люди строго православные. Такое осторожное отношеніе къ ученымъ выходцамъ, грекамъ и киевлянамъ, тѣмъ болѣе необходимо, что самая жизнь большинства выходцевъ казалась русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ очень подозрительною, такъ какъ она не укладывалась въ тѣ рамки благочестивой жизни, какія вѣками выработаны были для нея на Руси²⁹⁾. „Зримъ бо въ нихъ (въ выходцахъ), государь, пишетъ царю Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость и вмѣсто поста многоденіе и пійанство любятъ, вмѣсто же, еже Христа, истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лицы истинное изобразити не хотятъ, и сложенію переть блядословія противятея, яко врази истиннѣ и ругатели, на волю ихъ же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу ешиваючи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи оноевольнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ чловѣкомъ³⁰⁾“.

²⁹⁾ О выходцахъ на Русь съ востока, объ ихъ жизни въ Москвѣ, о впечатлѣніи, какое они произвѣдди на русскихъ см. нашу книгу: *Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, глава IV.

³⁰⁾ Матер. для ист. раск. 1, 67.

Такимъ образомъ провинціальныя ревизителѣ вопреки своимъ московскимъ друзьямъ Стефану, Никону и Ртищеву, смотрѣли на русскія церковныя книги, чины и обряды, какъ на заветную и неприкосновенную святыню, которую вѣдчаснѣ слѣдуетъ беречь и хранить въ ея неизмѣнномъ видѣ, такъ какъ всякая перемѣна въ нихъ была бы прегрѣшеніемъ самой вѣры, покашеніемъ чистаго, ничѣмъ не затемненнаго доселѣ русскаго православія и вела къ гибели православія въ цѣломъ мірѣ (ибо четвертому Риму не быть), къ неосомнѣнному уничтоженію самаго московскаго царства. Поэтому ревизителѣ были принципиальными противниками всякихъ перемѣнъ и существенныхъ исправленій въ нашихъ церковныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, были рѣшительными противниками и ученыхъ грековъ и киевлянъ, такъ какъ въ общеніи съ ними, въ готовности правительства слѣдовать ихъ совѣтамъ и указаніямъ въ дѣлахъ церковныхъ, видѣли угрозу, серьезную опасность чистотѣ русскаго православія. Если же ревизителѣ и стремились произвести нѣкоторыя улучшения въ религіозно-нравственной жизни общества, уничтожить нѣкоторыя церковныя безпорядки и злоупотребленія, съ жѣлю возвести русскую церковную и религіозно-нравственную жизнь на ту высоту, которая бы соотвѣтствовала предетавленію о русской церкви, какъ о единой теперь хранительницѣ чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, о русскомъ государствѣ, какъ о единомъ теперь православномъ царствѣ въ цѣломъ мірѣ; то они хотѣли достигнуть этой цѣли исключительно только русскими силами, не сходя съ русской почвы, опираясь исключительно на русскую и освященную вѣками заветную старину, не измѣняя тѣмъ принципамъ и традиціямъ, которыми доселѣ слѣдовала русская жизнь. Они вовсе не допускали мысли, чтобы русская жизнь нуждалась въ обновленіи, въ коренномъ переустройствѣ, въ оживленіи и проиженіи ея новыми началами, въ введеніи въ нее новыхъ культурныхъ элементовъ, вслѣдствіе полной несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старыхъ.

Такъ случилось, что въ то самое время, когда, при патриархѣ Іосифѣ, въ высшихъ и передовыхъ кругахъ правительственной Москвы уже совершился тотъ великій переломъ въ духовной жизни, вслѣдствіе котораго премія основы и устои русской жизни стали признаваться нѣкоторыми несостоятельными и не-

пригодными болѣе, когда съ особою силою проявилось у насъ стремленіе съ помощію тѣснаго сближенія съ образованными кіевлянами и греками, внести въ нашу духовную жизнь новые культурные элементы, построить ее на новыхъ началахъ, отчасти прямо враждебныхъ традиціямъ и воззрѣніямъ старой Руси; въ это самое время старая Русь, со всемімъ строемъ старыхъ понятій, съ старыми идеалами и цѣлями, въ лицѣ Неронова, Аввакума и др. является въ Москву, занимаетъ здѣсь видное положеніе, становится, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ; крупною вліятельною силою и заявляетъ притязанія руководить и направлять всю нашу общественную и особенно церковную жизнь. При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ естественно было, что старое и новое направленіе въ русской жизни враждебно столкнулись въ Москвѣ, и между ними произошла ожесточенная борьба за право дальнѣйшаго существованія.

Кружокъ ревнителей (до его раздѣленія по вступленіи Никона на патріаршій престолъ) находился въ довольно благопріятныхъ условіяхъ для выполненія своихъ плановъ относительно русской церкви и общества. Во главѣ его стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, пользовавшійся полнымъ расположеніемъ молодого благочестиваго царя и всей царской семьи, имѣвшій обширныя и сильныя связи съ придворной аристократіей. Члены кружка, руководимые Стефаномъ Вонифатьевымъ, выдѣлялись изъ массы зауряднаго духовенства выдающимися личными качествами, книжностію, учительностію, ревностію и энергіею въ служеніи своему дѣлу. Благодаря сочувствію и поддержкѣ царя и лицъ, его окружающихъ, кружокъ мало-по-малу дѣлается крупною, видною силою, начинаетъ оказывать замѣтное вліяніе и давленіе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Среди его обсуждались и рѣшались разные церковные вопросы, изыскивались мѣры къ исправленію церковной и общественной жизни, и выработанныя имъ рѣшенія благодаря царю приводились въ исполненіе, становились обязательными, закономъ для всѣхъ. Даже такія дѣла, какъ назначенія митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ предварительно обсуждались членами кружка, ибо царь, отъ котораго собственно зависѣли назначенія, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и указаніямъ своего духовника, а тотъ съ своей стороны, отдавалъ

эти вопросы на обсужденіе въ средѣ кружка ⁴⁰⁾. Вълѣдствіе этого руководство всею церковною жизнью стало переходить въ руки кружка ревнителей благочестія, которые фактически дѣлались управителями всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала инициатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ,—инициатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются все смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Властямъ приходилось теперь одобрять и вводить въ церковную практику то, что вырабатывалось въ средѣ кружка, что придумывали вліятельные у царя и при дворѣ ревнители, гордые своимъ вліяніемъ и силою. Понятно, какъ непріятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ и относительно которыхъ ревнители, состоявшіе по преимуществу изъ блага духовенства, часто не скупились на рѣзкія обличенія ⁴¹⁾. Но особенно сильно должны

---

⁴⁰⁾ Нероновъ говоритъ, обличая въ послѣдствіи Никона: «а которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти къ Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, по его государеву совѣту, новыхъ митрополиты, и во архіепископы, и епископы, иныхъ во архимандриты и игумены и протопопы, а ты (Никонъ) съ государевымъ духовникомъ съ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прикословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: неаксіосъ, сирѣчь недостойнъ» (ibid. I, 47).

⁴¹⁾ Біографъ Неронова говоритъ про него: «съ велиемъ бо дерзновеніемъ обличае всѣхъ, елицихъ видяше небогоудная дѣлающихъ, а наипаче властей духовныхъ, въ своемъ званіи не пребывающихъ.» Патріархъ Іоасафъ говорилъ въ послѣдствіи Григорію: «Григоріе! престани про ныѣти со архіереями. Григорій же отвѣщавъ рече: владыко святы! аще и смерть пріяти, готовъ естъ правды рди,—нестыжуся глаголати предъ цари и владыки». (Матер. дѣя ист. раск. т. I, стр. 282, 295). Лазарь пишетъ государю: «а нынѣшнія пастыри пригодныя ли люди? И лучшій ихъ пощъ былъ. А по правиламъ святыхъ отецъ въ мірѣ бывъшюи, кому не бистъ пономъ, нетоимо архіереомъ. А и нонѣ естъ власть, въ цомъ ево турченищъ ставилъ: и тотъ турскій поставленннщъ можеть ли быти и пощъ? И таковыхъ власти межъ собою невидятъ: какъ, како таковыи пастыри могутъ добри быти? Чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхищаютъ: не дверьми входятъ во святую церковь, но дирою влзятъ, яко татіе». (ibid. IV, 262). Дьяконъ Федоръ говоритъ: «а они (русскіе современные ему архіереи) всемирсти вошъ: бивше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступницы отеческихъ преданій и

былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, педъ бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему сила, врозившая, чего не могъ не видѣть Іосифъ, уничтожить все то доброе и лучшее, что было сдѣлано и что еще дѣлалось во время его патріаршества въ видахъ возвысить умственно-религіозную жизнь русскихъ, опираясь на южно-русскую литературу, на образованныхъ кievлянъ и грековъ, на перенесеніе съ помощію послѣднихъ науки и образованія въ Москву, благодаря учрежденію здѣсь правильно устроенной школы. Все болѣе старѣвшій и терявшій значеніе патріархъ не былъ въ состояніи ни повѣять на кружокъ, ни подчинить его себѣ, ни остановить его дѣятельность, а въ то же время не хотѣлъ и подчиняться водительство враждебныхъ ему ревнителей, о которыхъ онъ былъ очень не высокаго мнѣнія: „возстали, говорилъ онъ, лицемѣры, имущи образъ благочестія, силы же его отвергшиися“. По обычаю людей слабыхъ и безхарактерныхъ Іосифъ для противодействія кружку ревнителей прибѣгнулъ къ послѣднему и въ то время рѣдко удающемуся средству: онъ старался, на сколько это было ему возможно, тормозить и задерживать все, что исходило изъ кружка, хотя бы это было вполне законное и полезное. Такъ, на примѣръ, онъ поступилъ въ дѣлѣ введенія кружкомъ единогласнаго пѣнія и чтенія въ церквахъ.

Вопросъ о единогласіи уже давно былъ рѣшенъ голосомъ всей русской церкви на стоглавомъ соборѣ въ смыслѣ рѣшительнаго осужденія многогласія. Кружокъ ревнителей, вообще относящійся къ постановленіямъ стоглаваго собора съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ, рѣшился ввести въ церквахъ, которыми завѣдывали ревнители (сначала у Стефана и Ртищева, а потомъ и у Неронова въ Казанскомъ соборѣ) единогласное пѣніе и чтеніе, причемъ, кажется, вовсе не позаботился испросить на это особаго разрѣшенія у патріарха. Въ этомъ Іосифъ

закономъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, не искусныхъ писанію простяковъ, воровъ же и нѣяницъ, и гнусное житіе отъ юности проходящихъ многихъ и пр.». И въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: «злыя архіереи поставяются славы ради, и чести и богатства міра сего, и гордостью надуваются, и святительской властью величаются, и преобразуются ва апостолы христовы. И то не диво есть братіе! И самъ сатана преобразуется въ ангела свѣтла, ему же они послѣдуютъ своими дѣлеса злыми». (Ibid. VI, 68 и 260)

увидѣлъ посягательство со стороны ревнителей на свои патріаршія права, и рѣшительно выступилъ въ вопросѣ о единогласіи противъ ревнителей, по выраженію Шушерина, „за обыкновенность тому доброму дѣлу прикословіе творяше“. Прекословіе Іосифа и тому доброму дѣлу „вытекало конечно не изъ противодействія самому дѣлу ⁴³⁾, а изъ нежеланія его подчиниться водительство кружка, поступиться въ его пользу своими правами—Іосифъ видѣлъ въ ревнителяхъ людей самовольныхъ, не считающихъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія у патріарха даже по чисто-церковнымъ вопросамъ. Не желая подчиниться настояніямъ кружка Іосифъ рѣшился передать вопросъ о единогласіи (вмѣстѣ съ тремя другими) на усмотрѣніе константинопольскаго патріарха, чтобы ввести потомъ единогласіе не въ силу требованій кружка, а ради рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ константинопольскимъ патріархомъ. Это очевидное нежеланіе Іосифа исполнять даже воплѣвъ законныя и справедливыя требованія кружка, это его стремленіе, въ видахъ противодействія кружку притязательныхъ и властныхъ ревнителей, выдвинуть въ домашнихъ такъ-сказать дѣлахъ русской церкви авторитетъ константинопольскаго патріарха и его голосъ поставить выше голоса цѣлаго собора русскаго іерарховъ, должно было сильно раздражить кружокъ, многіе члены котораго никакъ не хотѣли допускать грековъ до участія въ русскіхъ церковныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе руководиться ихъ совѣтами и указаніями. Въ виду этого враждебнаго столкновенія между кружкомъ и патріархомъ становились почти неизбежны, тѣмъ болѣе, что ревнители не стѣснялись высказывать по адресу патріарха рѣзкія обличенія и укеры за его нерадѣніе о церкви и паствѣ. Это торжественно подтверждаетъ самъ патріархъ Іосифъ, который въ своемъ соборномъ уложеніи 1651 г. о единогласіи, говоритъ: „азъ слышахъ, яко многи на мя износятъ укеры, раняще насъ,

⁴³⁾ Это видно изъ того, что еще въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ Саввнѣ монастырь обличительную грамоту, въ которой между прочимъ говоритъ: «архимандриты и игумены и инокъ черныя и строители и старцы о церковномъ вѣнн и благочиннн не радѣютъ и древнихъ боговосныхъ отецъ преданіе и уставъ не хранятъ, въ церквахъ Божіихъ поютъ по скору не единогласно со всакими безстрашннмъ». Ивановъ—Описаніе госуд. архива старыхъ дѣлъ стр. 302, А. Э. IV, № 325.

ихъ же отвѣтъ готовъ имуще на судищи Христовѣ устремился умоляти, еще и сотворихъ. Третіе бо се лѣто есть біему рѣшаднику терпя клеветныя раны, доволенъ сый, яко имамъ послуха Господа, тайнамъ совѣтника; едма же видятъ мнози молчаніе наше на извѣстіе клеветниковъ вѣрують, а не задолго терпѣніе мнѣша наше молчаніе, по занеже немнѣхомъ ли силы разверзти уста ко истинѣ⁴³⁾. Разъ вражда между патриархомъ и ревнителями дошла даже до открытаго соблазнительнаго столкновенія между главою кружка Стефаномъ Вонифатьевичемъ, самимъ патриархомъ Іосифомъ и властями, которыя держали сторону патриарха. Это видно изъ челобитной патриарха Іосифа отъ 11 февраля 1649 года къ государю, въ которой онъ, отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора, жалуется на Стефана въ томъ, что тотъ говорилъ государю „будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня богомольца твоего называлъ волкомъ, а не пастыремъ, такожъ называлъ и насъ, богомольцовъ твоихъ митрополитавъ, архіепископовъ, и епископа, и весь освященный соборъ бранными словами и волками и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, мени патриарха и насъ богомольцовъ твоихъ — освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ“. Затѣмъ патриархъ заявляетъ: въ уложенной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какіе худыя слова, да смертію умретъ, а онъ Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ, и на всѣ Божіи церкви, и насъ, богомольцовъ твоихъ, обезчестилъ“. Въ виду этого патриархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ⁴⁴⁾. Но эта челобитная патриарха на Стефана Вонифатьевича не имѣла никакихъ послѣдствій, ему попрежнему приходилось выслушивать рѣзкія и обидныя для него и всѣхъ властей обличенія и укоризны ревнителей, приходилось проводить въ церковную жизнь такія мѣстоустройства, которыя вырабатывались въ средѣ враждебнаго и нелицитнаго

⁴³⁾ Дѣло патриарха Никона, Габбенета, т. II, стр. 471.

⁴⁴⁾ Это очень важная и любопытная челобитная патриарха Іосифа и всего освященнаго собора на благовѣщискаго протопопа Стефана Вонифатьева, писанная на двухъ неподклеенныхъ столбцахъ, найдена нами между неразобранными бумагами главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и печатается въ приложеніи.

ему кружка. Наконецъ патриархъ Іосифъ, кажется, потерялъ всякое значеніе и вліяніе въ дѣлахъ церковныхъ, онъ самъ считалъ свое положеніе очень шаткимъ и постоянно опасался, что царь низведетъ его съ патриаршества и поставитъ на его мѣсто другаго избранника, угодника и креатуру кружка ревнителей. По словамъ самого царя Іосифъ, въ послѣднее время, постоянно говорилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. Такъ дѣло шло вплоть до самой смерти Іосифа.

Обзоръ важнѣйшихъ событій времени патриаршества Іосифа приведетъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

Тѣ важныя учительныя и общеобразовательныя книги, которыя издаются у насъ въ первый разъ при патриархѣ Іосифѣ, каковы: Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, славянская грамматика (Смотрицаго), были, какъ мы видѣли, южно-русскаго происхожденія, представляютъ изъ себя, за самыми ничтожными исключеніями, только простую перепечатку сочиненій южно-русскихъ авторовъ. Этотъ фактъ служитъ яркимъ и вѣскимъ доказательствомъ того, что въ передовомъ московскомъ обществѣ, стоявшемъ около патриарха Іосифа, явилось сознаніе несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старой московской учености, сознаніе необходимости отъ старыхъ московскихъ сборниковъ и ихъ содержимаго, перейти къ усиленнымъ заимствованіямъ изъ ученой кievской литературы, такъ какъ старая московская книжность уже не могла болѣе удовлетворять народившимся новымъ потребностямъ и запросамъ жизни. То же самое сознаніе недостаточности стараго московскаго обученія по псалтыри, непригодности старой московской учености, пріобрѣтавшейся только съ помощью односторонняго начетчества, проявилось при Іосифѣ въ дѣятельномъ стремленіи завести въ Москвѣ настоящую школу, въ которой бы подъ руководствомъ образованныхъ кievлянъ и грековъ русскіе могли получать правильное научное образованіе. Объ устройствѣ въ Москвѣ школы хлопочатъ и свѣтское правительство, и патриархъ Іосифъ, и частное лицо Ртищевъ. Ясно отсюда, что переломъ въ нашей духовной жизни, вызвавшій критическое отношеніе къ прошлому, сознаніе его несостоятельности и необходимости

реформы, начался еще при Иосифѣ, такъ что Никону приходилось идти тѣмъ именно путемъ, который уже былъ намѣченъ при его предшественникѣ.

Патріархъ Иосифъ, въ своихъ посланіяхъ къ датскому принцу Вольдемару, заявлялъ, что истинное православіе находится только у грековъ и русскихъ и у ихъ единовѣрцевъ, что русская церковь по дѣламъ вѣры всегда сносится съ четырьмя восточными патріархами. Въ напечатанныхъ при Иосифѣ книгахъ торжественно заявлялось и доказывалось, что греки вполне и во всемъ православны, что турецкое иго нисколько не повредило древняго греческаго благочестія, такъ что греки и доселѣ держатъ ненарушимо не только правую вѣру, но и древніе церковные чины и обряды. Но этого мало. Для рѣшенія нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ патріархъ Иосифъ прямо обратился къ авторитету константинопольскаго патріарха, самымъ дѣломъ показывая, что голосъ константинопольской церкви, въ случаѣ возникновенія у насъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, долженъ имѣть для русской церкви руководящее и прямо рѣшающее значеніе. Не трудно видѣть, что и съ этой стороны патріархъ Иосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, опираясь въ своей реформаторской дѣятельности главнымъ образомъ на авторитетъ греческой церкви, только продолжалъ идти по тому пути, на который уже рѣшительно вступилъ его предшественникъ патріархъ Иосифъ.

Книжные справщики времени патріарха Иосифа съ особенною силою и настойчивостію заявляли, что древніе славянскіе переводы церковныхъ книгъ очень неисправны, благодаря неискусству древнихъ переводчиковъ, невѣжеству и небрежности позднѣйшихъ переписчиковъ, такъ что на основаніи только славянскихъ переводовъ никакъ нельзя напечатать вполне исправныхъ церковныхъ книгъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо, по мнѣнію Иосифовскихъ справщиковъ, обратиться къ греческому тексту и поручить нижнюю справу людямъ, научно образованнымъ, вполне основательно знающимъ языкъ греческій и славянскій. При Иосифѣ действительно вызваны были въ Москву ученые киевляне для исправленія книгъ съ греческаго языка, между прочимъ для той же цѣли оставленъ былъ въ Москвѣ и ученый грекъ Арсеній и, что особенно важно, уже при Иосифѣ

въ Москвѣ начали исправлять некоторыя церковныя книги съ греческихъ. Ясно отсюда, что и въ дѣлѣ книжныхъ исправленій патриархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, и съ этой стороны, былъ только продолжателемъ того, основаніе чему было положено и что уже фактически было начато при его предшественникѣ.

При патриархѣ Іосифѣ, во вторую половину патриаршества, образовался въ Москвѣ кружокъ ревнителей благочестія, который указывалъ и обличалъ существующіе церковныя безпорядки, господствующіе пороки и недостатки въ жизни народа и духовенства. Этотъ кружокъ ревнителей, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, оказался въ концѣ рѣшительно враждебнымъ тому новому направленію въ жизни, которое проявилось при Іосифѣ, вслѣдствіе чего уже при Іосифѣ началось столкновеніе старой и новой Руси, такъ что послѣдующая борьба Никона патриарха съ ревнителями изъ-за церковныхъ исправленій является только продолженіемъ предшествующей борьбы Іосифа съ тѣми же ревнителями.

Сопоставляя теперь все сказанное нами о времени патриаршества Іосифа необходимо придти къ тому заключенію, что обычныя ходячія у нѣкоторыхъ нашихъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ представленія о патриаршествѣ Іосифа, какъ о времени господства у насъ крайняго невѣжества, какъ о времени усиленной порчи церковныхъ книгъ, времени полной церковной распущенности, прочнаго водверенія разныхъ церковныхъ безпорядковъ, когда всею церковною жизнью и книжными исправленіями завѣдывала кляка невѣжественныхъ проноповъ, вверившихся въ довѣріе очень слабого и престарѣлаго патриарха, оказываются не совсѣмъ вѣрными. Такое ошибочное представленіе о времени патриаршества Іосифа сложилось, намъ кажется, главнымъ образомъ, благодаря усиленному желанію, особенно нѣкоторыхъ нашихъ полемистовъ съ расколомъ, выставить время Іосифа и время Никона, какъ дѣя противоположности, причесть на долю одного вымалки исключительно мрачныя краски, для яркости картины нарочно усиленыя, на долю другого — исключительно свѣтлыя краски, которыя никакъ не допускали въ картинѣ присутствія какихъ-либо тѣней, а тѣмъ болѣе пятенъ. Въ действительности же оказывается, что патриархъ Іосифъ вовсе

не былъ противоположностію Никона, а его прямымъ предше-
ственникомъ не только по времени, но и по всей своей дѣя-
тельности, такъ что между временемъ Іосифа и Никона является
тѣсная органическая связь; Никонъ въ своей дѣятельности только
продолжалъ то, начало чему было положено при его предше-
ственникѣ.

Но если ошибаются наши православные полемисты, когда они
считаютъ патріарха Іосифа чуть не приверженцемъ старообряд-
ства, то еще болѣе ошибочно думаютъ наши старообрядцы, когда
они ссылаются на время Іосифа, какъ на золотое свое время,
когда они заявляютъ свои сѣтованія только на Никона, который
будтобы лично выдумалъ всю церковную реформу и произвелъ
ее на свой страхъ. Справедливость требуетъ отъ старообряд-
цевъ перенести свои сѣтованія съ Никона на личность и время
Іосифа, когда уже намѣчена и начата была та реформа, только
энергичнымъ продолжателемъ которой въ сферѣ книжныхъ ис-
правленій явился потомъ Никонъ. Это будетъ тѣмъ болѣе спра-
ведливо, что будущіе главари раскола уже ссорились и боролись
съ патріархомъ Іосифомъ точно такъ же, какъ они продолжали
потомъ ссориться и бороться съ Никономъ. Справедливость тре-
буетъ признать и то, что если Никонъ патріархъ смѣялся гово-
рилъ о ревнителяхъ: „знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ“, то вѣдь и
Іосифъ патріархъ объ нихъ же говорилъ: „возстали лицемѣры,
имущія образъ благочестія, силы же его отвергшія“.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ О ПАТРІАРХѢ НИКОНѢ.

Въ дополненіе къ нашимъ статьямъ о „Патріархѣ Никонѣ“, мы рѣшились напечатать тѣ немногіе документы, на которые мы ссылались въ нашихъ статьяхъ, но которые нигдѣ еще не были доселѣ напечатаны *. Эти документы имѣютъ нѣкоторую научную важность, такъ что обнаруженіе ихъ дѣло далеко не лишнее.

Первый документъ — челобитная патріарха Іосифа Государю на царскаго духовника Благовѣщенскаго протопопа Стефана Воинифатьева, — важенъ потому, что совершенно измѣняетъ прежде существовавшій взглядъ на тѣ отношенія, какія будто бы были между патріархомъ Іосифомъ и протопопомъ Стефаномъ съ его друзьями: Нероновымъ, Аввакумомъ, Лазаремъ, Даниломъ и др. Обыкновенно дѣло представляли такъ, что Стефанъ и его друзья были люди преданные Іосифу, пользовавшіеся его взаимнымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Настоящій документъ показываетъ,

---

* Исключеніе составляетъ первый документъ, который совершенно для насъ неожиданно оказался напечатаннымъ въ ноябрской книжкѣ «Братскаго Слова» за 1886 годъ. Кто доставилъ г. Субботину списокъ съ документа, подлинникъ котораго онъ самъ никогда не видалъ и о самомъ существованіи котораго онъ узналъ отъ насъ, онъ почему-то не говоритъ, а только глухо заявляетъ: «челобитная заимствована изъ столбцевъ (какихъ?), хранящихся въ «Архивѣ Министерства Иностраннхъ Дѣлъ (?).

что въ дѣйствительности было далеко не такъ: Стефанъ враждовалъ съ Іосифомъ, публично называлъ его волкомъ, а не пастыремъ, архіереевъ называлъ губителями и волками, поносилъ бранными словами и весь освященный соборъ, такъ что патріархъ Іосифъ требовалъ отъ государя приложить къ поступку Стефана ту статью Уложенія, которая говоритъ: „кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какія хулыя словеса, да смертію умереть“. Въ виду этого смотрѣть на Стефана и его друзей, какъ на сторонниковъ, почитателей и приверженцевъ Іосифа, оказывается дѣломъ рѣшительно невозможнымъ.

Второй документъ — челобитная неизвѣстнаго къ патріарху Іосифу. Эта челобитная важна въ томъ отношеніи, что въ ея чертахъ рисуется предъ нами важнѣйшіе недостатки тогдашней церковной жизни, которыми крайне соблазнялись люди благочестивые, настаивавшіе на искорененіи этихъ безпорядковъ. Нашъ челобитчикъ указываетъ на слѣдующіе недостатки въ современной ему церковной жизни: а) пастыри церкви приступаютъ къ совершенію церковныхъ службъ, не справивши напередъ положеннаго начала и всячески стараются вопреки чинности и назидательности богослуженія окончить его возможно скорѣе, съ цѣлію привлечь къ себѣ скорою службою побольше дѣланныхъ и нерадивыхъ прихожанъ. б) Въ церквахъ не читаются положенныя поученія изъ святыхъ отцовъ и учителей церкви, не читаются и житія святыхъ, почему молящіеся возвращаются домой безъ всякаго назиданія. в) Священники не обличаютъ тѣхъ знатныхъ лицъ, которыя, приходя въ церковь, стоятъ безъ страха Божія, не останавливаютъ тѣхъ, которые безчинствуютъ въ церкви, не обличаютъ и не исправляютъ своихъ дѣтей духовныхъ, видя ихъ порочную жизнь, грубые и развращенные поступки. г) Сами священники и діаконы даже въ олтаряхъ совершаютъ безчинныя поступки. е) Монашествующіе не соблюдаютъ своихъ обѣтовъ и живутъ не по монастырскому уставу: они любятъ стяжанія, заискиваютъ всячески предъ знатными властными лицами, стараются чрезъ нихъ получить какія-либо начальническія должности въ монастырѣ и, получивъ ихъ, начинаютъ притѣснять подчиненныхъ, расточать монастырское имущество, жить въ монастырѣ и внѣ его не по монашески. Въ заключеніе челобитчикъ проситъ патріарха Іосифа исправить все „хромое“.

Третій документъ — челобитная иконописца старца Григорія 1651 года къ царю Алексію Михайловичу. Въ своей челобитной старецъ Григорій предостерегаетъ прежде всего царя отъ козней еретиковъ, особенно іезуитовъ. Одинъ изъ нихъ будто бы уже проникъ въ московскую Русь подъ видомъ грека, а теперь туда же направились еще шесть іезуитовъ. Затѣмъ челобитчикъ переходитъ къ жалобамъ на духовенство, особенно на мѣстное-вяземское, въ жизни и дѣятельности котораго онъ указываетъ разные пороки и недостатки, причемъ приводитъ разные частные случаи. Указываетъ челобитчикъ и на существованіе въ народѣ разныхъ игрищъ языческаго и даже кощунственнаго характера. Въ послѣднемъ отношеніи у него есть такое указаніе, какого мы нигдѣ болѣе не встрѣчали. Челобитчикъ говоритъ: „игрища разныя и мерзкія бывають вначалѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря и старцовъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають“.

Двѣ послѣднія челобитныя,—неизвѣстнаго и старца Григорія важны не только потому, что въ нихъ очень ярко изображаются разные церковныя безпорядки, пороки и недостатки въ жизни народа и самого духовенства, какъ блага такъ и чернаго; но и потому еще, что онѣ даютъ видѣть, какого рода реформы въ церковной жизни многіе требовали тогда и ожидали отъ высшей духовной власти, именно: требовали реформы только въ наличныхъ церковныхъ порядкахъ, желали улучшенія религіозно-нравственной жизни общества, а не книжныхъ и обрядовыхъ исправленій.

Четвертый документъ, — грамота царя Михаила Феодоровича къ Іосифу архіепископу суздальскому и торусскому, прибывшему въ Москву въ 1625 году изъ южной Россіи, и получившему у насъ въ управленіе суздальскую архіепископію. Въ ней довольно подробно описываются разные возмутительные поступки Іосифа, за которые онъ наконецъ лишенъ былъ сана и сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Эта грамота можетъ служить отчасти объясненіемъ того недовѣрія, съ каковымъ многіе относились въ Москвѣ къ выходцамъ кіевлянамъ.

№ 1.

Челобитная патриарха Іосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексѣю Михайловичу на царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, съ жалобою, что Стефанъ публично поносилъ бранными словами его патриарха и весь освященный соборъ.

„Государю благочестивому и христолюбивому, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Русіи, бѣють челомъ богомолцы твои государевы: Іосифъ патриархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епискупъ, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный соборъ на благовѣщенскаго протопопа Стефана Нифантьева: въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христолюбивый государь царь, мнѣ, богомолцу своему, и намъ, богомолцомъ своимъ, быть у себя, государя, въ середней. И тотъ благовѣщенской протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, благочестивому государю, на меня, богомолца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня богомолца твоего называлъ волкомъ, а не пастыремъ; такожъ называлъ и насъ, богомолцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепискуповъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками и губителями, и тѣмъ насъ, богомолцовъ твоихъ, меня, патриарха, и насъ, богомолцовъ твоихъ, освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ. А въ твоемъ, государь, царствующемъ градѣ Москвѣ святая соборная первопрестодная церковь, всего государства мати всѣмъ церквамъ, въ ней же вы, благочестивые государи, цари и великіе князи, своими царскими вѣнцы вѣнчается, и святители поставляютца, и весь миръ ею просвѣщается, сіяетъ аки столпъ до небеси, никогда не поколебима и нерушима, право и истинно, якоже изначала приняла божественный уставъ, такожъ и всѣ божіи церкви стоять по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по истинному христіянскому закону. А нынѣ, по твоему государеву указу и по приговору, уложена въ московскомъ государствѣ Уложенная книга, а за тою Уложенною книгою сидѣлъ ты, благочестивый государь, со мною, богомолцомъ своимъ патриархомъ, и съ нами, богомолцы своими, со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ боярыи, и съ своими государевыми думными людьми, и изъ городовъ со всякими выборными людьми, и ко Уложенной книгѣ о всякихъ дѣлахъ я, патриархъ, и мы, богомолцы твои, весь освященный соборъ, и

боляре и всякихъ чиновъ выборные люди руки свои приложили, а въ той твоей государевой въ Уложенной книгѣ написано: кто изречеть на соборную и апостольскую церковь какіе хульные словеса, да смертію умереть. А онъ, Стефанъ, не токмо что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ и на вси Божіи церкви, и насъ, богомолцовъ твоихъ, обезшестилъ. Милостивый благочестивый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ, богомолцовъ своихъ, невели, государь, своей государевой Уложенной книги нарушить, и вели, государь, намъ, богомолцомъ своимъ, по правиломъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и по заповѣдямъ прежнихъ благочестивыхъ царей, дати на него, Стефана, соборъ. Царь-государь смилуйся ²⁾!

№ 2.

Челобитная неизвѣтнаго къ патриарху Іосифу съ просьбою предпринять мѣры противъ разныхъ укоренившихся церковныхъ безпорядковъ.

„Нѣсть намъ, еже не касаемыхъ вмѣшати, ни, выпрь пребывающимъ, долными наставлятися; но благодати ради всесвятатаго и животворящаго Духа, ко общей спасенію нашего ползѣ, святольпнаго ти величества отовсюду, пресвятѣйшій Божій архіерею, собирая различны добродѣтели во свою душу, и тѣми красуніся; мене же, грубоумнаго твоего богомолца, да не постигнетъ гнѣва твоего, за дерзновение мое, ярости. Святія соборная апостольскія церкви пастырь, и Христова корабля, носящаго всѣхъ христіанъ спасеніе, нормичію, святѣйшему Іосифу патриарху московскому и всеа Росіи, да будетъ отъ Господа Бога милость его, за молитвъ пречистыя его Матере и великихъ святителей и чудотворцевъ, первопрестольникъ твоихъ, Петра и Алексѣя и Іоны, и всякаго благихъ подвига твоего прошеніе да исполнить. Ты же, великій государь и святѣйшій патриархъ Іосифъ московскій и всеа Росіи, выну предъ святымъ твоимъ лицомъ имѣя первопрестольники твоя, великія святители въ таковѣи и по отшествіи ихъ отъ насъ ко Христу славъ, помышляя шествія своего поврища по стезямъ ихъ исправляти, вся бо, государь, тѣхъ великихъ святителей и чудотворцевъ тебѣ Богомъ предана, первое: престолъ святительства и первенство во святителяхъ, и тоя же святія Божія церкви закона Божія правленіе, гдѣ же онѣхъ великихъ труды и всеночная пѣнія бяху, тамо благоволи

²⁾ Эта челобитная, написанная на двухъ несклеенныхъ столбцахъ, найдена нами между неразобранными дѣлами Моск. Архива Министер. Иностр. Дѣлъ.

тебѣ Богъ стати; идѣже тѣхъ великихъ отецъ бяху нозѣ неподвижнымъ стоянѣмъ претружены о надеждѣ нетруднаго во вѣки со Христомъ пребыванія, тамо баше и святаго ихъ въ житіи покоя домъ, въ немъ же твое о Боѣзъ пребываніе. Днесъ реду же радостнѣ, яко не оставлено ни едино трудолюбнаго ихъ житія мѣсто, но имуть отъ Бога власть и нынѣ блюсти и назирати, и всегда невидимо съ тобою пребывати во своихъ обителехъ, въ нихъ же пребыша многа лѣта, просяше отъ Бога миръ церквамъ, и наслѣдія своему престолу, на немъ же да утвердитъ твое владычество въ мирѣ и тишинѣ на многа лѣта Христосъ Богъ. Сего ради, государь, простри руку твою послушаніемъ разумнымъ, и прими разумнаго слова трость, и напитай ея свѣтящимся смиренномудріемъ, да возможеши живовписати на благочестивыхъ сердцахъ, яко на хартіяхъ, божественнаго сѣмени слова, слово бо Его живодѣйственно и, трудомъ твоего свѣянія, возможесть плоды въ сытость всѣмъ человѣкомъ принести. Первее, молимъ тя, святой Божій архіерею, прѣзри на святую, порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святительскаго рукоположенія служителя тоя, како именовъ пастыри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради своего покоя и предатели суть душамъ человѣческимъ, не настоящей и маловременной, но грядущей и вѣчной мучѣ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе нелѣстно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣности къ славословію Божію: приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омраченнымъ пьянствомъ, и бѣсовомъ желѣннымъ дменемъ и гордостію, чрезъ обычей вскочутъ безобразно во церковь и, начала входа церковнаго не справльше, начинаютъ утреню и вечерню. И тшятся преспѣвати кождо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніихъ, да тѣми обычаи, и многихъ, суеѣ работающихъ, приходитъ къ себѣ пріобрѣщутъ, забывше о семъ, иди мнози и неразумѣюща, яко всѣмъ пришедшимъ во святую Божію церковь нужда слышати особъ всякаго псалма, молитвы пѣнія, и, коемуждо словеси послѣдуя, просити оставленія грѣховъ. Силь образомъ сподобняемся, — церковнаго пѣнія истинно послушающе, эдѣсь безбѣднаго жительства и оцамо вѣчныя жизни. Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости церковнаго святаго славословія Божія служба будетъ, то токмо можетъ рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слышати. Нѣсть бо, государь, человѣка, иже возможесть внимати отъ многихъ купно глаголемыхъ, но тоцію единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зрѣть и воздасть каждому по прошенію и дѣлу. Еще же, государь великій святитель, зѣдо страшно въ домѣхъ Божіихъ зрѣтся, еже хранилища и нѣдра церковныя исполнена Божественнаго

писанія книгъ имуще въ себѣ о праздницехъ смотрѣнія Божія, еже ради нашего спасенія торжественная составлены святыми отцы словеса, и о праздницехъ пречистые его Богоматери, и предтечи его великаго пророка Іоанна и прочихъ святыхъ пророкъ, и святыхъ славныхъ и всехвалныхъ его ученикъ и апостолъ преестественныхъ (?) ихъ до конца вселенны дѣяніи и подвигъ; къ симъ же: повѣсти о несповѣдимыхъ страданіихъ святыхъ мученикъ, иже о имени насъ ради пострадавшаго Христа сладкъ и радостно претерпѣша; и по сихъ: великихъ свѣтилъ и вселенныя учителей святительскаго лика житія и достохвальная ихъ на высотѣ смиренномудрая ученія; и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ общаго житія и пустыннаго ситанія вседневнаго ихъ страданія прологи, и, просто рещи, всѣхъ святыхъ, отъ вѣка угодившихъ Богу мужей и женъ на вселеннѣй просіявшихъ, житія исполнены пользы и страха нерадивымъ душамъ. И таково Божественное писаніе имуще, дѣлостно прочитають, и, требующимъ таковыя жизнедательныя пища, со оскуднѣіемъ подають, образомъ имущихъ неправеднаго собранія мамону, иже, отъ глада едва дышущимъ, подати не хотятъ отъ страшнаго имѣнія Божественныхъ писаній приставницы къ нему. Таковыя бѣдѣ посѣченіе (?) по Спасову словеси, неплодныя смоковницы (?) иже рече: плода не имущее древо посѣчени и вметаемо бываетъ во огонь.—Еще же воспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ: благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдую—звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и не порядку совершается, якоже предаша намъ святіи отцы: еже бы первыхъ Божественныя сладости вкусивше и другихъ совершенію святыхъ службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщатися, но точію, государь, именовъ утренняго времени зовется утреня, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается, государь, ото многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніи образомъ неистоваго пьянства: къ началному пѣнію другій поемлетъ, и третій, и до пяти, и до шести гласовъ купно бываетъ. И оиде, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай, но воистину, государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость. Помысли, государь великій святитель, аще восхощетъ гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ нимъ вечеряти, восхощеши ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсивше, купно представить, но коеждо по чину и ряду: сладкое и сланое, терпкое жъ и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третіе держимо, и другая паки уготовляема, другъ другу послѣдующе, благочинно на трапезу поставляются. Малаго-же, государь, и незапнаго ради и предъ царемъ

неистовства, всѣмъ предстоящимъ ти, заповѣди прещенія исполнены полагаеши, да не како царь, вмѣсто пировнаго веселія, исполнится ярости; колми же, государь, хоцеть отъ насъ достойно почитаемъ быти Царь царемъ и Господь господемъ, Богъ нашъ, и какво чисту и со благочиніемъ заповѣда намъ приносить хваленія жертву во церквахъ своихъ пречистому и святому своему имени, яко научиша насъ, свыше приѣмше, дѣйствіемъ Святаго Духа, богоносни отцы.—Еще же, государь великій святитель, священники церковниі, приходящимъ въ церковь Божию безъ страха Божія, молчатъ, величества рода и славу міра ищущихъ, боятся и трепещутъ, невѣдуше, яко всякъ страхъ чловѣческаго прещенія въ малъ часъ приходитъ; ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко инѣмъ же, безчинующимъ въ церкви, ласкосердіе жъ къ нимъ, благопокоренія своею ради погибающія чести, безчестуема Бога и святую его церковь, не берегутъ. И дѣти своя духовныя во вселѣтное время не вопрошаютъ, како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранятъ, но вмѣсто сихъ, противная видяще, молчатъ: предъ ними же бо ходяща не имуть постоянія ногамъ, безчиношествуютъ, съ похотвнѣемъ на жены зрятъ, скверная, глаголю тщетная творятъ, изумленнымъ образомъ наскачутъ и другъ друга угрызаютъ, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителямъ, другъ другу приносятъ, и своя родителя—отца и мать безчествуютъ, и, страшно рещи предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцемъ, да не осквернится святыи твой слухъ,—всякаго чрезъ естество именемъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досягутъ. Еще же, государь, зѣло умилено и страха исполнено слышаніе, яко во святыхъ Божіихъ церквахъ и во алтарѣхъ священники и діакони мнози отъ горе (?) таковая дерзаютъ рещи, о нихъ же что испросимъ отъ тебе, великаго Божія архіерея, на исправленіе, не вѣмы, уста бо, государь, священныхъ мужей довлѣеть выну ни славу Божию и съ молитвы о всѣмъ мірѣ, а не на клятву на сквернословіе, и мнози, носяще благочестіе образъ, совершаютъ дѣюще злобу. Еще же государь великій святитель, хошу воспомянути предъ тобою страшнаго виѣ міра иноческаго житія уставъ, еже пріяша любяще единство. Яко Илія на Кармиль, и яко Предтеча въ пустынѣ и, болше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже въ немъ отрекшеса, и усердно Христовъ крестъ носити, и страсти вседневнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти,—но не вѣмъ, государь, откуда привиде обычей противесь таковому обѣщанію: любятъ сребро и золото и украшеніе келейное, имѣють влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тчатся притяжати болшая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія

любве достигнути. Призываютъ къ себѣ на гостьбу великоименитыхъ властей, и сами къ нимъ въ дома ходятъ, словесы блажать и дѣлы являющесе благими, лстятъ, дарованія приносятъ и большая даяти общаются, себѣ просятъ имѣти власть во обителѣхъ: игуменство, строительство, и келарство, и прочія начальства и, приѣмше власть цѣною гиблющаго имѣнїа, къ подвластнымъ звѣрообразни являютса, сурови и мстиви томители, и святыхъ обителей грабители. своихъ далнихъ и ближнихъ взыскують, питають и обогащаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и общаються, ушвающесе и объадающесе бѣсомъ вождѣлвнымъ пьянствомъ съ женами пирующе, и въ монастырехъ различными пьянствы, и питїа имуще, уставомъ святаго иноческаго житїа изумленнымъ пьянствомъ ругаються, и одежды аггельскаго образа сввернїать и братїю возмущаютъ таяжде дѣяти. И что, государь, тако можеть очистити согрѣшенїа наша, яко иноческое житїе! Не точїю бо, государь, отложенїю власть иночество, но всея своя воля,—о семъ довольно написано въ книгѣ собранїа правилъ святаго Никона, въ 37-й главѣ. И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: не навикше довольно время меншихъ степеней, на большая восходятъ, и како могутъ быть врачеве душамъ, неприѣмше искуса цѣлбы, постригаются множи недуждею (?) привлачими, неимуще дневнїа одежда и пища и, помале, власти являютса, въ мѣре о иночествѣ произволенїа добра не имуще, а во иночествѣ откуда таковымъ абїе устроенїе нрава постигнути? Преже бывшіи святїи наставники спасенїа нашего,—ихъ же и по отшествїи Богъ показа намъ хранителей святымъ обителямъ и странамъ христіанскимъ, и тїи многоблваненными труды и подвиги учителя и пастыри нарекошася. И о семъ молимъ твою святую душу, великій государь святитель, подвигнїся о церквахъ Божїихъ и о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ, прїими, государь, ревность ученїа первопрестольникъ твоихъ великихъ святителей: Петра и Алексѣя и Іоны, тїи бо на всяко дѣто области своя по вѣсѣмъ градомъ трудолюбно сами церкви Божїи назирали, како во всей славѣ стоятъ, и монастыри, паче же живущихъ въ нихъ наставникомъ и наставляемыхъ, како безъ смущенїа и страха пребываютъ. Исправи, государь, хромое, да не како до конца совратитса, но да исцѣлветъ. Не трудно бо, государь, тебѣ шествовати, путь воздаянїемъ спасенїа мзды посыпана. Аминь ³⁾.

³⁾ Рукопись библіотеки московскаго архїва министерства иностранныхъ дѣлъ, № 482—962. лл. 439—445.

№ 3.

Челобитная старца Григорія иконописца 1651 года царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою исправить различные недостатки, пороки и суевѣрія, особенно процвѣтавшіе среди духовенства и народа г. Вязьмы.

Благочестивому царю и государю и великому князю Алексію Михайловичу всеа Русіи самодержцу. Тайнства царева добро есть хранить и соблюдать, божественная же словеса, еже сокрывать, бѣдно и пакостно, тѣмъ же и азъ многожды невидимою понуждаемъ силою, еже возвѣстити, что врагъ и супостатъ многими козньми хощеть превратити православныхъ вѣру черезъ своихъ угодниковъ влыхъ человекъ еретикъ, иже въ твою царскую державу, свою одежду измѣняячи, многіе входятъ и свою ересь сѣють, а наипаче иезуиты, что и намъ вѣдомо, иже здѣ на Москвѣ единъ 50 годъ (въ пятидесятомъ году?) былъ, грекомъ себе нарицавъ, и еще шесть ихъ въ большую Русію пустились, шtbody свою ересь вѣяти. И исполняется имъ Христова словеса: обидѣй, да обидитъ, еще: и скверный да осквернится, еще: и праведный правду да творитъ; еще: и святыи да святятся, еще: такожь и ты державный царю, яко началъ еси правду и прилежаніе о вѣрѣ православной и ревность о церкви Христовой, но и до конца исправить, иже по иныхъ городахъ великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посмрадиша винограды Христовы, чтобы имѣли образъ быти овцамъ стада Христова: волну одирають и гладныхъ оставляють, еже бы учениемъ божественнымъ насыщати, но паче соблазнь бываютъ. и не по правилу святыхъ отецъ священнической чинъ имѣють, отъ чего и въ малой Русіи унея явися, иже не по правилу имѣша святительской чинъ и палѣ поклонилися, а онъ ихъ разрешилъ. Такоже и здѣ въ большой Русіи, а наипаче что и намъ вѣдомо: иже въ городе Вязме вначалѣ соборной церкви протопопа сестру имѣеть за собою двуродную, и пастыру ихъ возвѣщено о немъ, а онъ на денги печаль повергъ, и ти ему благословиша священствовати. А другой—ключарь тое соборное церкви, взявъ здѣ на Москвѣ, грамоту у своего пастыра, еже исправить и доглядѣти чину во церквахъ у вяземскомъ уездѣ, и онъ изрядно исправлялъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на иномъ 30, на иномъ десять, и на иныхъ по силѣ меншіи вытресалъ. А иной погъ, сповѣдавши женщину, ее мужу грѣхы написавши, торгъ сотворилъ и пяти рублей прошалъ и грѣхы то ее обя-

виля; а другой попь недосыть того што самъ блудникъ, знаемъ людемъ, но и прочая учить глаголи: что за грѣхъ еже похоть исполнити, но и священная дѣйствуетъ надѣяся на денги. И отъ денегъ много зла: иже посулы берутъ, и на Господа Бога не помнячи, недостойныхъ достойными творять. А о церковномъ единогласіи, яко Господь Богъ тебе, государя царя, вразумить, ижъ попы, на денги уповающе, глаголють: никто не можетъ намъ единогласіа воевести, такожь и табаку не токмо мужеской попь, но и женскій и дѣвки явие пють, а все небреженіемъ начальниковъ за денги благословеніе имѣють. Такоже и игрища разные и мерккіе бывають вначаѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря, и старцовъ нарицають, тамъ же и жены и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають. Другое игрище о Троичномъ дни: за городъ на кургана ходять и неподобная творять. Третіе игрище отъ Петрова дни до Ильима дни: на реляхъ вѣшаются и на крутящихъ врутятся, и многихъ диаволъ беретъ, и денги тыхъ благословляють при церкви погребати. Такоже о рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсются, бочки дегтярныя зажигають, изгоръ катають и, вѣники зажегши, скачуть. Такожь вѣдуновъ много и свадьбы безъ нихъ не могутъ отпразднати, и одиныхъ другого портятъ. А на тое на все начальники, посулы беручы, благословляють, и людемъ соблазнъ и пагуба, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, еже бы сохранилъ и избавилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ иного всякаго зла. Но и ты, государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, яко имѣяи ревность по Господь Богахъ, еже начать благочестіа, и до конца соверши, да и прочіи страны слышаще прославятъ Господа Бога, и таковаго бы челоуѣка изыскати на исправленіе по иныхъ городахъ, еже не своего искати, но Божія, и неналица вѣрѣти, и посуловъ бы не брати. Но и еще вспомяну: въ Вязмѣ городѣ попь молодой соудовою што внего жива, сваеѣ поподи недоволенъ будучы, в'другую живучы, дѣтище прижилъ, и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тое дѣтище короу да пять рублей денегъ далъ, а протопопъ далъ два уміи пополь, да пять рублей денегъ, и нынѣ священнодѣйствуетъ. Такоже пиявицъ, кои упившися умирають, и попы тыхъ при церкви погребаютъ черезъ правила святыхъ отецъ. И поинныхъ городахъ: такоже много неисправленія, а еретниа, тоестъ папешники, тое слышаще, радуются, и дли того они съ болшую Русію, свою одежку отынивши, ходять, и удобь могутъ поповъ и людей небрежливыхъ отъ православныя вѣры отвратити, а нынѣшнее послѣднее время, што вси своего си ищуть, а не Божія. Тыхъ-же и азъ грѣшныи и воиныхъ послѣдній,

не хотѣхъ дерзнути о семъ возвѣстити твоему цареному величеству, вѣдый, яко тысяща мене лучшій есть здѣ на Москвѣ божіихъ угодинокъ, но, невидимою силою понуждаемъ, дерзнуть сія возвѣсти, но и бояся, паче да негоршая постражду, множе въ лѣтъ здѣ на Москвѣ страдахъ, и отъ смерти дважды возвращахся. Но и паче вѣдый твою царскую свѣтлость и величество по благочестіи ревнителя и многая исправленія содѣлавша, что слышаще и въ малой Русіи православные радуются и Господа Бога прославляютъ, такожде и мы радуемся и Господа Бога молимъ, да Господь Богъ подастъ на многолѣтное тебе царя государя царствовать въ сія послѣдняя времена“⁴⁾.

№ 4.

Грамота царя Михаила Феодоровича къ суздальскому и торусскому архіепископу Іосифу, съ обличеніемъ преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ лишается архіепископскаго сана и ссылается на покаяніе въ Соловецкій монастырь.

„⁵⁾ . . . патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи было жалованье и милость, какъ еси къ намъ пріѣхалъ изъ Литвы, а сказался епископъ Володимирскій. и грамоту ставленую на свое епископство привезъ святѣйшаго Θεофана патріарха іерусалимскаго, а сказалъ, что ты пріѣхалъ къ намъ изъ Литвы отъ гоненья латынскаго, желая быти въ нашемъ государствѣ совершеннымъ христіаниномъ. И мы тебя пожаловали, приняли милостивно, и о гоненье твоемъ поскорбѣли, и пожаловавъ тебя многимъ нашимъ жалованьемъ денгами и платьемъ, а для тебя и всѣхъ твоихъ людей, которые съ тобою пріѣхали пожаловали нашимъ жалованьемъ, и учинили тебя архіепископомъ суздальскимъ и торускимъ, а то архіепископство въ нашемъ государствѣ по степени другое мѣсто. И ты наше царское и отца нашего, великаго государя, жалованье; но паче же священная церковная преданія презрѣлъ, и почалъ жити слабое

⁴⁾ Эта челобитная найдена нами между неразобранными дѣлами Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. По поводу этой челобитной былъ допросъ въ Москвѣ виземскимъ протопопомъ и влючарю, которые отрицали справедливость довѣса на нихъ, причѣмъ писавшій челобитную называется старцемъ Григоріемъ иконописцемъ, подавшимъ свою челобитную въ 1651 году.

⁵⁾ Нѣсколько начальныхъ словъ грамоты кѣмъ-то въ подлинникѣ оторвано.

и невоздержанное житіе, и о церкви божиі и о священной па-
ствѣ, елико достоитъ епископомъ, радѣти неучаль. А послѣ того
пріѣхали изъ Литвы литвинъ Ондрюша ярмацкой съ женою, и
ты намъ объ немъ билъ челомъ, а сказалъ, что онъ, Ондрюша
ярматцкой, тебѣ зять, а жена іво тебѣ сестра, и мы для тебя и
Ондрюшу ярматцаго и жену іво пожаловали многими нашимъ
жалованьемъ денгами и платьемъ, и помѣстьемъ устроили. И
ты какъ своего епископства (самъ?) растлѣннымъ своимъ жить-
емъ и невоздержаньемъ презрѣлъ, и священная апостоль-
ская правила и святыхъ отецъ преданія ни во что обратишь....
И мы, великій государь, и отецъ нашъ, великій государь
святѣйшій патріархъ Ф. Никитичъ московскій и всеа Русіи,
тебя повсемъ щадили, и наказывалъ тебя отецъ нашъ, ве-
ликій государь, милостивно, тою словомъ наказательнымъ
съ пощаждѣніемъ и милостию, а неранами наказанія, ниже сра-
мотою, не яко раба, но яко сына возлюбленна.... И въ то-
лико лѣтъ, какъ еси пріѣхалъ въ наше государство, нима-
ло не поносилъ еси отъ скверныхъ дѣлъ обращенія, и о сво-
емъ спасеніи нимаю не порадѣлъ еси, и ко истинне притещи
невосхотѣлъ еси. Да тебѣжь били челомъ: человекъ твой Федка
и иные, чтобъ ты ихъ совершилъ и истиннымъ святымъ креще-
ніемъ въ три погруженія, какъ повелѣваетъ святая апостоль-
ская церковь, и ты ихъ отъ того возбранялъ, а иныхъ мучилъ
и ни единого не исправилъ, и намъ и отцу нашему о томъ не
извѣстилъ; да и самъ де еси крещемъ несовершенно — обливанъ
полатынскому обычаю, а не въ три погруженія крещенъ. Да и
многое на тебя несповство люди твои, которые съ тобою вы-
ѣхали и у тебя жили, извѣщали чего не токмо нести и глаголати
стыдно. А строитель твой Варламъ Соколовской также, ѣздючи
отъ тебя понизовымъ городомъ, многихъ людей мучилъ и по-
бивалъ до смерти и вѣшалъ безъ покаянья, и дѣвъ и женъ
осквернялъ. И мы слыша о тебѣ и о души твоей поскорбѣли,
а нашего государскаго гнѣву и опалы на тебя безъ сыску не-
положили, а велѣли о тебѣ пообискати и рассудити по священ-
нымъ преданіемъ отцу нашему и богомолцу, святѣйшему Іоасафу
патріарху московскому и всеа Русіи, и яже о немъ освящен-
ному собору. И святѣйшій патріархъ Іоасафъ, и митрополиты,
и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ про
тебя сыскивали, и намъ извѣщали, что ты по апостольскимъ
преданіемъ и святыхъ отецъ правиломъ не токмо епископъ быти
достоинъ, ниже совершенъ христіанинъ нарещися негоденъ. И
мы, великій государь, какъ есмя обыкли отъ прародителей на-
шихъ великихъ государей священная преданія соблюдать непрег-
новенно, также и нынѣ ихъ святительскому совѣту согласуемъ
и священныхъ предѣлъ непрекуемъ, и отомъ есмя со отцемъ

нашимъ и богомолцемъ, святѣйшимъ патриархомъ Іосафомъ московскимъ и всея Руси, и съ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и съ бояры нашими, и думными людьми совѣтовали, и по нашему царскому повелѣнію и разсужденіемъ священныхъ и царскихъ правилъ архіепископомъ тебѣ быти непригожъ, потому что твое ~~лихоимственное и нечистое житіе~~ стало многимъ явно и блзнительно и церкви божіи чужи, и для твоего исправленія велѣди есмь тебѣ быти покаянія ради въ обители у всемилостиваго Бога на Соловецкомъ морскомъ острову въ чину кающихся, и тыбѣ о томъ вѣдалъ и у человеклюбиваго Бога о своихъ многихъ преткновеній милости просилъ, яко да милостивъ будетъ тебѣ всецедрый Богъ здѣ и въ будущемъ вѣце, понеже нѣсть грѣхъ побуждающъ божіе человеклюбіе. А пища тебѣ и одежда во обители всемилостиваго Спаса будетъ монастырская нескудно⁶⁾.

---

⁶⁾ Эта грамота найдена нами между неразобранными дѣлами Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

Ак. 2473

3

Цѣна съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

СКЛАДЪ КНИГИ У АВТОРА:

Сергіевскій посадь московской губерніи, у *Проф. Н. Ѳ. Кантарева*.

У НЕГО ЖЕ ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтія. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.